

18+

ф Q P € К \$ М € Н

Александр Малашкин

Александр Малашкин

Форексмен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24154222

ISBN 9785448523199

Аннотация

...Форекс уничтожит его!.. Или... Нет?.. Даст свободу? Свежий ветер?.. Счастье?.. Любовь?.. Или... Разочарование?.. Крушение надежд?.. Смерть? Х-м-м... Как это может быть? Внутренний голос, такой чёткий, такой ясный. Порой он сводит с ума. Впереди только черная пустота неизвестности, и в эту неизвестность извилисто ползет «змея» графика. Так было, так есть и так будет. И вряд ли кто-то сможет это нарушить. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Вступление	5
Глава первая	29
Глава вторая	39
Глава третья	78
Глава четвертая	112
Глава пятая	142
Глава шестая	177
Глава седьмая	197
Глава восьмая	228
Конец ознакомительного фрагмента.	235

Форексмен

Александр Малашкин

© Александр Малашкин, 2017

ISBN 978-5-4485-2319-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Довольно странно уже после завершения сделки говорить, что вас обокрали только потому, что противоположная сторона оказалась умнее вас

Уоррен Баффетт

Комната общежития душна, как остывающая духовка. В углу жужжит, надывается вентилятор. В окно бьет нестерпимый свет июльского солнца, однако задернутые шторы останавливают наиболее активную часть лучей. Под распахнутыми створками по пыльному горячему асфальту шумят машины.

Благозвучный голос ведущего онлайн-радио «Бизнес ФМ» разбавляет окружающие шумы и не дает человеку прямо здесь и прямо сейчас сойти с ума.

Обитатель комнаты забыл, что такое уборка. На гладильной доске гордо возлегает куча скомканной одежды. Немытым кружкам из-под чая и кофе буквально нет счета. На столе ноутбук, слабенький процессор которого балансирует на грани взрыва. Кулеры гудят с надрывом: стоит отказать хоть одному – и это случится.

У Филиппа красные глаза и дергаются оба века. В руке – третья кружка кофе, заваренного после обеда. Примерно раз в тридцать минут он поднимается со стула, чтобы размять-

ся, добросовестно намереваясь выделить на это целых десять минут, однако уже через две снова возвращается за стол.

По дисплею бегут котировки валютных пар.

Сегодня конкретно медвежий рынок: восьмой раз каждая часовая свеча закрывается ниже предыдущей.

«*Всё, хватит, остановись!*» – советует Филиппу внутренний голос.

– Подождем, – шепотом отвечает он. Со стороны выглядит заурядно: человек разговаривает сам с собой. – Еще не всё. Через двадцать минут игроки в Европе и Англии вернутся с ленча, и падение продолжится.

«*Посмотри на счет. Ты видел когда-нибудь такие деньги? Нет. И не увидишь, если сейчас же не сострижешь прибыль!*»

Филипп любит свой внутренний голос, он часто дает дельные советы, но сейчас готов поспорить с его наставлениями.

«*Ладно, как бы то ни было, ты молодец. В последнее время мне виделось, будто из этого занятия вообще ничего не получится. Погляди, насколько красиво всё вышло!*»

– И не говори. Я сам в какой-то момент перестал верить, – все так же шепчет Филипп. – Ты же видишь, весь свой счет пустил на то, чтобы сыграть ва-банк. Но теперь мой депозит измеряется десятками тысяч долларов. И внутренне я кричу «ура».

«*Не пересекай тонкую черту переоценки возможностей, будь осторожнее. Ты же знаешь, как просто здесь всё потерять!*»

– За моими плечами опыт. Поверь, на этот раз я удачу из рук не выпущу. Теперь лучше закрою позиции, чем пойду против рынка, клянусь!

Филипп встает со стула и относит пустую кружку в раковину.

В коридоре слышны голоса студентов, задержавшихся по каким-то причинам в общежитии на лето. «Вряд ли у кого-то из них такие же причины, как у меня», – не без гордости отмечает Филипп. – «Они даже не подозревают, что происходит за этой дверью в маленькой душной комнатке».

«Только не говори, что здесь вершится история», – усмеяется голос. – «Я люблю веселенькое, но сегодня смех мне противопоказан»

«А ты не смейся», – Филипп переходит на мысли. – «Кто знает, что случится, когда я заработаю свой долгожданный миллион»

«Ты всерьез полагаешь, что сможешь его заработать? Ой, ну всё, теперь точно не удержусь от смеха. Миллионер общажный!»

Филиппу тревожно. Он понимает: внутренний голос приходит к нему только на фоне стресса. А теперь он не просто пришел, сыпя советами, но ведет открытый диалог. Это может свидетельствовать о сильной психологической нагрузке.

«Не бойся, с ума не сойдешь. Постышь — я исчезну», – успокаивает голос, ощутив переживания.

«Знаешь, в последнее время я стал к тебе привыкать», –

мысленно отвечает Филипп. – *Конечно, каждый день ты мне нафиг не нужен, но изредка с тобой общаться даже приятно»*

Филипп сознает, как странно разговаривать со своим внутренним голосом. По спине пробегают холодные мурашки от своеобразной неловкости.

«Надо почитать что-нибудь по психологии, выяснить, не шизофрения ли это? Хотя что тут странного? Человек – существо социальное, требует общения. Я одинок, вот сознание и пытается выкрутиться, создавая во мне как бы еще одну личность»

В этот момент по торгуемым валютным парам идет коррекция.

Счет тает как снег, выброшенный на солнечный пляж.

Филипп хватается за мышь и в торговом терминале щелкает вкладку «изменить сделку». Далее его интересует кнопка «уменьшение объема». Несколько нажатий – и объем торгуемой сделки падает на девяносто процентов. Проделав это над одной позицией, он спешит к трем остальным. Теперь, если коррекция затянется и цена пойдет против, потери будут минимальными.

«Ты молодец. Решил освоить новую тактику?»

– Новая она только для меня, все нормальные трейдеры привычно делают это. Печаль в том, что я пренебрегал приемом раньше. Торговля была бы результативнее.

«Видимо, ты всерьез намерен заработать миллион?»

– Ты узнаешь об этом в числе первых.

«Подумай, надо ли, чтобы вообще кто-то об этом узнал?»

– Этот вопрос я решу позже. – Филипп встает со стула. Устало оглядывает комнатный бардак и вздыхает: – А много ли ко мне возникнет вопросов, если с заработанных денег я поставлю кондиционер?

Он приоткрывает шторку, лица тотчас касается горячий воздух. Солнце вот-вот скроется за серой многоэтажкой, и жара в комнате спадет на несколько градусов. Задумавшись о приятной перспективе, Филипп смотрит вниз. В тени дерева возле входа в общагу прохлаждается группка молодых людей, среди них девушки в поразительно коротких шортиках. На Филиппа это действует как заряд электричества: ободряет, пробуждает и на фоне вспыхивающих фантазий, путем ускорения пульса, заставляет волноваться. Он уже давно не имел близости.

Филипп стискивает зубы, задерживает шторы и отправляется к ноутбуку.

На рынке чувствуется влияние долгожданного ленча. Все-таки, каким бы трейдер ни был крутым, сколькими бы миллионами ни владел, он все равно человек с набором физиологических потребностей. И почему же о многих из этих потребностей говорить неприлично?

Филипп отправляется в ванную и встает под холодный душ.

Коммунальщики отключили горячую воду на целых две недели, но в такую жару без нее можно обойтись. Ледяные струи стекают по белой коже, будоражат, заставляют молодое энергичное тело мелко дышать.

Тем не менее, мысли Филиппа далеки от этой чересчур скромной ванной с ободранными стенами. Им нет определенного места, они сразу и везде, но больше – в тех местах мира, которые считаются центрами биржевых и валютных торгов.

Влажное после использования полотенце летит в сторону, заготовленный бутерброд из холодильника жадно надкушен, а мокрые следы тянутся в комнату.

Ноут которую минуту гоняет по экрану геометрические фигуры – устал, бедняга, впихивать на своего бессонного хозяина. Пробуждается, и – о, чудо! – как и планировалось, падение продолжается. Филипп быстро наращивает объемы, и вот уже депозит активно аккумулирует поступающую прибыль.

– А теперь будем ждать.

В минуты, когда в буквальном смысле решается жизнь, люди становятся суеверными. Филипп опасается открыто посмотреть на строку «депозит» и взглядывает на нее лишь украдкой. Знает, что это чушь, но ему кажется: как только он поднимет глаза, волшебство рынка улетучится.

– Куда пропал? – обращается он к затаившемуся голосу.

«Здесь я»

– Почему ты то тараторишь, то слова от тебя не дождешься?

«У себя спроси. Это ведь я твое воплощение, а не наоборот. А если по существу, говорить пока не о чем. Я за тебя волнуюсь. Хочу, чтобы ты, наконец, получил желаемое»

Грядет вечер. Воздух постепенно остывает. За окном всё тише и реже звуки машин, и всё чаще и громче голоса людей. Поблизости парк, и по улочке вдоль общежития туда-сюда курсируют группы людей.

Филипп закрывает окно, чтобы не отвлекаться на посторонние звуки.

Он бы и сам отправился прогуляться; как и касательно близости, он забыл, когда просто гулял, но сегодня нельзя. Сердцем чувствует: сегодня наступит один из тех немногих дней в жизни, когда судьба встанет на раздаче щедрых подарков.

Часто люди не хотят замечать такие дни, хотя фортуна задолго оповещает и порой называет точную дату, а потом горько сожалеют, кляня всё вокруг. Жизнь Филиппа сложна, а амбиции высоки, тем страшнее упущение хотя бы одного такого дня.

Воздух в комнате быстро становится спертым. Окно необходимо открыть.

– Через пару часов начнет просыпаться Америка. Ребята из Нью-Йорка обязательно поддадут жару сегодняшнему па-

дению.

«А могут взглянуть, как весь остальной мир нагибает их национальную валюту, и ужаснуться. Тогда жди разворота. Бабок у них много: один-два импульса – и тренд поменяется»

– Не заставляй меня раньше времени сваливать с рынка. Сегодня потенциал велик и бабла нарубить можно много.

Филипп изо всех сил преодолагает желание взять прибыль. Обычно трейдеры терпеливо пересидживают убыток и поспешно берут прибыль, не давая ей как следует вырасти. Но сегодня в его голове что-то перевернулось.

«Не помню тебя таким жадным. Одумайся, ты уже рублевый миллионер. Ты вообще мог когда-нибудь мечтать, что сам зарабатываешь такие деньги?!»

– Сейчас для меня деньги – всего лишь цифры, меняющиеся на экране. Я должен сохранять холодную голову. Если предчувствую бóльшую потенциальную прибыль, то должен держаться рынка. Не торопи меня. Да, по контрасту со ступой в две тысячи рублей, которую я не получал бог знает сколько, два миллиона шестьсот восемьдесят тысяч, безусловно, гигантская сумма. Но если кое-кто не будет капать мне на мозги, к полуночи ступень рублевого миллионера, вероятно, будет пройдена. Мой апогей, безусловно, еще впереди, но сегодня до него может состояться конкретный рывок.

Бизнес-радио продолжает вещать. Который час во многих городах России его ведущие не дают деловым людям заблуд-

даться в непрерывных потоках информации. Много дней данный эфир стоит на страже интересов Филиппа. Он научился слушать биржевые новости между строк. Улавливать их истинный смысл. А недавно и вовсе открыл для себя интересную закономерность: как только новость преодолела пик своей актуальности, немедленно торгуй против нее.

Солнце укатывается за дома, и в комнате становится ощутимо прохладнее. Всего несколько градусов, а насколько комфортнее!

Звонок мобильного. В трубке – голос школьного «друга», который звонит только когда что-то нужно. Сейчас он настойчиво просит подсказать, где в Кемерово продают автомобильные запчасти для Жигулей. Филипп возмущается:

– Послушай, машины у меня нет, такими данными я не владею. Я получил права в прошлом году и за ненадобностью забросил их на дальнюю полку. Скажи, пожалуйста, с какого перепугу я должен знать, где продают автозапчасти?

– Ну, у тебя же интернет под рукой. Я просто не дома, сейчас в пробке стою.

– И что?! По-твоему, я целыми днями возле компа дурака валяю? У меня работа! Да и не в этом дело: я бы прервался и посмотрел, но мне осточертело слышать от тебя одни лишь просьбы. Из года в год, 365 дней одно и то же! Ты когда последний раз просто так звонил, помнишь? А я помню! Почти год назад, когда себе новую трубку купил – проверить звонил. Да и то я по разговору слышал: деньги проговаривать

жалко. Короче, я тебе не справочное бюро. Обратись к кому-нибудь другому.

– Лечись! – послышалось перед гудками.

Филипп хотел перезвонить, высказаться, возможно, осыпать ругательствами, но отбросил телефон на кровать, продолжая следить за котировками.

«Давненько ты не изливал правды в лицо. Bravo!»

– Уверен, что давненько? Ничего не забыл? – поинтересовался Филипп и, не дожидаясь ответа, добавил: – Прискорбно сознавать, что тебя в большинстве своем окружают лишь эгоисты.

«Еще и совершенно безмозглые»

– Почти совершенно. Какой-никакой мозг у таких индивидуумов есть, иначе как бы они могли набирать цифры, жрать и искать свою мелочную выгоду? Мы не созванивались столько времени, а он, прежде чем выдвигать просьбу, даже не спросил, чем я занят, могу ли вообще отвлекаться. Мне одному кажется, что это верх наглости?

«Прежде всего – неуважения»

Стало быть, правду говорят: в жизни человека может быть только один друг. У Филиппа такой есть. Он может позволить себе почти всё что угодно, даже гораздо больше, чем только что звонивший товарищ, но, вместе с тем, готов жертвовать. Остальные – безликие тени, которые в случае любой опасности прячутся в кусты.

Всколыхнув штору, в окно задул вечерний ветер. Филипп

плеснул в стакан воды и выпил.

Рынок переходит в фазу странного поведения: падение существенно замедляется, но коррекции как таковой не наступает. Предчувствуя, что биржевой мир вскоре начнет отыгрываться, Филипп применяет еще одну торговую тактику и «переворачивает» свои четыре сделки не забыв вернуть им прежний объем.

Суммарная плавающая прибыль пока держится на уровне ста тысяч долларов. Немыслимая сумма для студента, который по уровню доходов мог позволить себе только необходимое.

– Не нравится мне сие затишье. Пожалуй, выставлю-ка я «подушку безопасности» на уровне полумиллиона рублей.

«Верное решение! Даже если ты проиграешь, в твоём кошельке останется полмиллиона. Согласись, неплохая сумма, и всяко лучше, чем ничего», – хвалебно отзывается внутренний голос.

Филипп заходит в личный кабинет и немедленно резервирует одиннадцать тысяч долларов по плавающим позициям. Это означает, что как бы плохо рынок себя ни вел, сделки автоматически закроются, когда суммарная прибыль будет равна этому значению.

Филипп любит свою брокерскую контору с простым и цепким названием. Её узнаваемые черты – сложенный из долларовой купюры лев и преобладающий оранжевый цвет в интерфейсе сайта. Она предоставляет широкий

спектр услуг, и работать с ней одно удовольствие.

Он встает, осматривает комнату. Сейчас, благодаря бардаку, она кажется чужой.

– Так, хватит просиживать задницу! – с интонацией, придающей бодрости, произносит Филипп. – Вторые сутки возле монитора. Отправлюсь-ка в супермаркет купить хлеба и, – приоткрывает дверцу холодильника, – чего-нибудь еще.

Он надевает майку, которая, по каким-то невероятным стечениям обстоятельств, во всем этом бардаке осталась свежей. Из карманов шорт выгребает горсть мелочи, пересчитывает. Благо много пятак и десяточек. В сумме получается чуть больше сотни. Всё – других денег нет, это остатки.

Самое время опечалиться, но мысль о нескольких миллионах, крутящихся на счете, действует как укол адреналина.

Внизу Филипп здоровается с вахтершей, она как всегда хмуро кивает и отводит взгляд. Ей не понятно, чем молодой парень может целыми днями заниматься, сидя в душевой комнате. Не та нынче молодежь пошла. Наркоман, наверное.

Летний вечер. Компаниями и парами встречаются люди. Воздух сладок от женской парфюмерии.

В супермаркете прохладно. Кондиционеры работают как надо, что странно для эконом-класса.

Филипп проходит к хлебным лоткам.

Не повезло: свежий хлеб закончился. На прилавке осталось лишь несколько «деревянных» булок и сомнительного качества лаваш.

«Ладно, придется купить Роллтон. Эту лапшу ведь можно без хлеба?» – советуется Филипп с внутренним голосом.

«Без хлеба можно всё что угодно, – отвечает голос. – Но советую что-нибудь приготовить. Вон лежат замороженные котлеты, купи. К ним отвари рис или гречку. А хлеб сам по себе не обязателен. И не забудь про овощи. Сделаешь салат из лука, огурцов и помидоров»

«Некогда блюда наготовавливать. Работать и еще раз работать. Роллтон – пять минут и в желудке. Как говорится, дешево и мило. Придет время, и я, надеюсь, заменю свой рацион более изысканным»

«Посмотри вокруг», – просит голос.

«Что? Зачем?» – не понимает Филипп, но подчиняется.

«Посмотри! Ты уже сегодня можешь купить хоть все продукты в этом магазине. Ты, студент четвертого курса из общежития!»

«Допустим. И что?» – он не может понять, к чему клонит ГОЛОС.

«Пришла пора смены мышления. Большими деньгами могут управлять только сильные люди. Слабаки теряют. Ты давным-давно должен был научиться вести себя так, будто ты богат. Ты должен стать Сильным. Покупай свой Роллтон, возвращайся домой и сегодня же переведи пару тысяч баксов на карманные расходы. Теперь ты не должен думать о каких-то там котлетах. Составь рацион и покупай только первосортные продукты в хороших магазинах.

Запомни: от того, что ты ешь, зависит, как ты выглядишь и как себя чувствуешь. Теперь это главное, и не вздумай, имея миллионы, экономить на протухшей тушенке. С другой стороны, это не значит, что ты должен шиковать...»

«Я понял. Только полезное и качественное», – завершает Филипп.

В этот момент, боковым зрением, он видит, как за плечом кто-то кивает. От неожиданности Филипп отскакивает, но, кроме стеллажа с молоком, за спиной ничего нет.

Это что-то новенькое. Болтать с невидимым человеком – куда ни шло, но видеть его – попахивает настоящим сумасшествием.

Филипп кладет обратно пачки лапши и цепляет из морозилки пачку пельменей. *Всяко лучше бичпакета.* Идет к кассе. Добрую часть очереди занимают люди от 18 до 25 лет, преимущественно с бутылками слабоалкогольных напитков. Филипп к алкоголю относится спокойно, но предпочитает расслабляться естественно. Он сторонник трезвого здорового сна после долгой прогулки, в противовес бессмысленному возлиянию с последующим похмельем. Да и затратное это дело – пить.

Кассирша пробивает мёрзлую пачку пельменей, и в этот момент Филипп чувствует тревогу. Ему сдавливают горло.

«Что со мной?» – мысленно интересуется он у своего внутреннего собеседника.

«Ты должен возвращаться к компьютеру. Расплачивайся

за свои пельмени и дуй обратно»

«Что за срочность?»

«Сделки ты „перевернул“ зря. По всей вероятности, падение продолжится»

«Глупости. Я все сделал правильно. После сильного движения цены, в тот момент, когда в рынок включаются американцы, происходит немедленный отскок. Так было всегда»

«Ты считаешь себя повелителем Форекса? Самонадеянно. Сколько раз рынок вел себя вопреки логике?»

«Постоянно. Но... сейчас... я уверен»

«Мне не доставляет удовольствия ругать тебя, но ты идиот! Думаешь, везение, с которым твои открытые сделки добежали до ста тысяч долларов, продлится вечно?! Какого черта ты встал в дверях, дай пройти людям!»

Филипп замечает, что действительно затормозил в проходе. Выходит на улицу и, перейдя дорогу в неподобающем месте, напрямик бросается к общежитию.

Вахтерша даже не успевает поднять глаза на проносящуюся мимо каптерки фигуру. Однако она догадывается: это пробежал «сумасшедший затворник» с третьего этажа, комната 96, и тревожиться незачем.

Сумасшедший взбегает на этаж, держа ключ от замка как пику. Пачку пельменей бросает возле раковины и, скинув сланцы, влетает в комнату.

– Ну и обманщик же ты! – негодует Филипп. – На рынке сейчас всё в пределах нормы. Да, десять минут назад, су-

дя по закрывшимся хвостикам свечек, цены действительно прошли еще немного вниз, но в целом присутствует явная коррекция. Правильно, что я перевернулся. Вообще, мне кажется, дно на сегодня достигнуто. Скорее всего, теперь только вверх. А значит, я получу полноценную прибыль с двух направлений.

Голос молчит.

Насвистывая какой-то мотив, Филипп подходит к раковине, наполняет кастрюлю и включает плитку.

– Не говори мне ничего и не сбивай меня с пути, – напекает он, распечатывая пачку подтаявших пельменей. – Я сам найду свою дорогу и сам решу, куда идти.

Голос до сих пор молчит.

– Обиделся?

Тишина. Ни звука.

– И ладно.

Вода закипает. Треть пачки отправляется в кастрюлю.

На часах без пяти минут десять. Стемнеет примерно через час.

С уставшим, но чертовски довольным видом Филипп помешивает вновь закипающую воду столовой ложкой и мечтает, на что потратит деньги. У него никогда не было даже сотой доли тех средств, которые сейчас крутятся на счете. Прошлогоднее ограбление не в счет: Филипп учитывал только заработанные деньги.

«Гляди, как бы от таких побед башню не сорвало», – неся

очередной совет, появляется голос.

Филипп чувствует обиду в его интонации.

– О! Вернулся! Пока есть ты, мне ничего не грозит – будешь предостерегать.

«Буду. Но вот проблема: у меня нет материального тела, чтобы оказывать на мир физическое воздействие, а значит, ты можешь сделать что-то вопреки моим наставлениям»

«Порой слова воздействуют посильнее материального тела. Именно слова и наставления в конечном итоге заставляют прыгать под танки и штурмовать баррикады». – Когда нужно ответить более объемной фразой, Филипп переходит к мысленному общению. – «Кстати, к вопросу о твоём материальном теле: скажи, в супермаркете за моей спиной был ты?»

«Тебе нужно выспаться. Там никого не было»

Филипп накрывает кастрюлю крышкой и идет в комнату. Минутой раньше он слышал, как ноут преспокойно перешел в спящий режим, хотя он так делать не должен.

Будет досадно, если прямо сейчас, когда из-за горизонта, суля миллионы, выглянула удача, ноутбук стоимостью в двести долларов накроется медным тазом, не дав зафиксировать позиции.

Но, к счастью, с ним всё в порядке.

«Тогда почему выключился?»

Просто система энергопитания данного ноутбука настроена так, что при отсутствии соединения с интернетом в спя-

щий режим он все же переходить может. Но сеть всегда работала исправно, сбои если и были, то не продолжительнее тридцати секунд.

Филипп неодобрительно ощупывает кабель, подходящий к компьютеру. Повреждений нет. Достает штекер, продувает, несколько раз пробует туда-сюда. Но глобуса в правом нижнем углу как не было, так и нет.

– Только этого не хватало! Я ведь не выставил ни одного ограничения. Если цена провалится, мне конец!

«Ай-яй-яй! Срочно звони провайдеру!» – ликуя от того, что произошло что-то нестандартное, вещает голос.

Филипп отыскивает мобильный и набирает номер. Вместо гудков – автоответчик, записанный голос сообщает: «В сетевом оборудовании произошел сбой, но специалисты уже решают проблему. Компания приносит извинения за доставленные неудобства»

– Извинения?! У меня деньги под угрозой! Возмещать будете тоже извинениями? – кричит он автоответчику. Но отклик с той стороны приходит в виде коротких гудков.

– Суки вы! За весь год такого не случилось ни разу! И надо случиться именно сейчас!

Филипп возбужденно мечется по комнате. Зачем-то несколько раз перезагружает компьютер.

То встанет, то сядет.

Вновь набирает номер интернет-провайдера, но в сообщении автоответчика ничего не меняется.

Про кастрюлю забывает, а когда под шум и треск выплескивающейся воды вспоминает, подскакивает и несется выключать. Придерживая крышку, выливает горячий бульон в раковину. В кастрюле остается разваренная тесто-мясная масса.

Филипп ругается и вываливает массу в тарелку. Есть всё равно хочется, пусть даже это будет пельменная баланда.

Время к одиннадцати. Интернета нет уже час.

Филипп спокоен. После еды волнение сменяется уверенностью.

«Коррекция, скорее всего, продолжается. Когда интернет появится, я зайду и обрадуюсь, что прибыль выросла еще больше. А то, что не выставил ограничители, даже хорошо: тем самым я уберег себя от ложных срабатываний»

В половине двенадцатого над сетевым разъемом радостно вспыхивает лампочка.

Отбросив скуку, как старую ненужную вещь, трейдер бросается к терминалу и долго не верит своим широко раскрытым глазам. Нижняя челюсть размыкается с верхней. Филипп чувствует, как кончики пальцев на руках и ногах начинают неметь. Голова кружится. Он со всего маху ударяет кулаком по столу так, что с него соскакивают кружки и мелкие предметы.

Торговый счет дошел до стоп-аута. Для трейдера это значит – конец. Инвестиции больше нет.

Из-под дергающихся век выскальзывают и тут же высыхают две слезинки.

Филипп сидит так около пяти минут и просто смотрит в точку.

Сознание не желает принимать поражение. В груди неровно стучит сердце.

Он поднимается, берет стул и, стиснув зубы, ударяет о стену. Стул разлетается в щепки. Филипп бросает оставшуюся в руках спинку на пол, затем поднимает и со всей силы начинает колотить ею всё, что видит.

– Сука..., – тихо и бездушно выскальзывает у него из-под стиснутых зубов.

«А я говорил...»

– Пошел ты! – Филипп срывается на крик. – Отстань! Не хочу больше тебя слышать! – Он хватается за голову и со слезами оседает на пол.

– Уйди из моей головы! Боже, я сумасшедший... Я все это время разговаривал с самим собой. Что со мной?! Почему я не могу остановить это?

Филипп разбивает пустую кружку о стену. Затем вторую. В ней еще оставался кофе. На обоях быстро проявляется экспрессионистский рисунок. Он сейчас как нельзя лучше иллюстрирует душевное состояние «художника».

Через несколько секунд в дверь раздается стук.

– Что там происходит? – звучит гадкий голос вахтерши. Она словно была неподалеку. – Совсем с ума сошел? Немед-

ленно открой или вызову полицию!

– Шли бы вы отсюда, – негромко, но так, чтобы его услышали, отвечает Филипп.

– Что за разговорчики?! Ну-ка, открывай.

– Не могу, замок заело.

– Ах, ты еще и врать вздумал! Ну, всё – выселен! Чтоб завтра утром тебя в моем общежитии не было!

– Не будет. А теперь идите, диктаторша!

– Я тебе покажу диктаторшу! Я добьюсь, что ты вообще учиться не будешь, у меня связи с руководством университета!

Филиппу плевать на её слова. Сейчас в мире существует только боль поражения, и, заливаясь беззвучным криком, он во второй раз оседает на пол. *Голос* пытается что-то сказать, но с немалым усилием его удается заглушить.

Пугающая мысль о психической болезни заставляет испытывать панику. Он словно прикасается к невидимой стене, сквозь которую можно просунуть руку, и за которой кроется неизвестность, откуда почти нет возврата. Лишь горечь денежной потери и злость отрывают от этого чувства. И хорошо, ибо еще чуть-чуть – и он ушел бы в себя. Туда, где звенящая тишина, темнота, неизвестность и страх.

«Знаю, тебе нелегко, и мои советы будешь воспринимать с раздражением, но прошу, выслушай. Видимо, ты забыл, что на твоём счету зарезервировано одиннадцать тысяч долларов, иначе вряд ли бы так убивался. Ведь счет дошел

до стоп-аута с пометкой „условно“...»

Филипп приподнимается с пола. На фоне эмоций это действительно вылетело из головы.

«Американские инвесторы схватились за ручку уходящего поезда, пытаясь извлечь из падения максимальную выгоду. Тебе не безосновательно казалось, что наступит короткий период консолидации, но в мире Форекса игра идет по касательной относительно логики и здравого смысла: капиталисты дернули за веревки и добились свою национальную валюту. И если бы не ЦБ, проклятые инвесторы готовы были бы устроить еще одну осень 2008-го. Ты и так все это знаешь. Времени мало, отскок теперь будет со стопроцентной точностью. Если сейчас возьмешь себя в руки, успеешь забрать с рынка еще какие-то деньги. Говорю „еще“, ибо, несмотря ни на что, ты сегодня и так в плюсе. И последнее: не советую использовать максимальное кредитное плечо. Слишком высок риск. Лучшие синица в руках, чем...»

Филипп совершает одну-единственную сделку максимальным плечом. Им овладевает странный настрой: не верится ни в победу, ни в проигрыш. Входит длинной позицией и тотчас закрывает терминал. В памяти стоит отпечаток отрезка графика, на котором цена свалилась почти на триста пунктов, отрезка, на котором он заработал и потерял почти три миллиона рублей!

За окном стемнело. Филипп ложится на кровать и спокойно накрывается помятой простыней.

Не хочется ни есть, ни пить, ни спать.

Он долго лежит, слушает звуки из открытого окна и смотрит в потолок. В глазах стоит роковой графический отрезок. Филипп помнит каждый его излом на часовом графике.

– Будь что будет, – умиротворенно произносит он и отворачивается к стене.

Голос хочет что-то сказать, но Филипп не слышит – подступает сон. Сегодня он впервые узнал, что такое полное моральное опустошение. Физическое, пожалуй, тоже. Он никогда не бодрствовал двое суток подряд. Никогда не чувствовал в себе такое напряжение.

Ему снятся грозные облака в ночи, ветры, поднимающие пыль с безлюдных городских улиц. Всюду стоят исполинские здания времен советской эпохи, грозно вззирающие на него – маленького человека. Их окна темны. Начинается дождь, ветер рвет листья с деревьев. Филиппа подхватывает вихрем, поднимает на уровень крыш, затем сила вихря ослабевает, он видит себя со стороны – и, беспомощно маша руками, тело падает вниз...

Филипп подскакивает на кровати и чувствует усиленный стук сердца. Свет уличных фонарей падает на стены. Ветер, задувающий в окно, разбросал по комнате все, что смог осилить, в том числе распотрошил стопку бумаг. Колышутся шторы. В некогда душной комнате теперь царит ночная свежесть.

Чувствуется приближение дождя.

На часах перевалило за три.

Филипп пытается еще раз уснуть, но тщетно. Безмятежно валяется, прокручивая в памяти историю последних месяцев. Прошедший год был насыщен интересными событиями, и оттого становится даже грустно. Похоже на раннюю ностальгию.

Наконец, он встает, включает ноутбук и вбивает пароль в терминал.

В верхней строчке «плавающий результат» он в первую очередь видит знак «+», и только потом глаза медленно смещаются и фокусируются на значении: 49.541.

Плечо просто гигантское, поэтому каждый «тик» колеблет результат минимум на тысячу долларов.

Как только значение достигает пятидесяти тысяч, Филипп нажимает кнопку и сделка закрывается.

Довольно.

В эту секунду по подоконнику начинают бить капли дождя.

Глава первая

Десятью месяцами ранее

Лучи вечернего солнца скользнули по окнам пригородного автобуса. Филипп сидел в последнем ряду «белой гармошки» и смотрел на стволы мелькающих придорожных берез. Шли первые дни сентября, но рука осени еще не успела тронуть сибирскую природу.

Оставляя за собой сизый дым, «белая гармошка» плелась по трассе по направлению к областному центру. Вдоль дороги за узкой полосой берез тянулась река. Не сказать широкая, как могучие Волга или Енисей, но и ручейком не назовешь. Берущие начало в долинах Абаканских хребтов и впадающие в Обь, эти воды на протяжении восьмисот километров носят название – Томь. Водная гладь расположена чуть ниже относительно трассы, и сверху отлично просматриваются левый и правый берега.

Внимание Филиппа привлек прогулочный катер. На палубе веселилась компания людей. Ему остро захотелось покинуть автобус на ближайшей остановке и спуститься к реке. День стоял по-летнему жаркий, и остывающая вода тянула к себе. Но это последний автобусный рейс на сегодня. До города километров пятнадцать, расстояние не гигантское, но чапать с рюкзаком и сумкой по обочине – не лучшее, че-

го можно желать. Он поборол вспыхнувшее желание, отвернулся в пыльный салон, где были заняты все сидячие места, и безрадостно улыбнулся.

Через несколько километров автобус сбавил ход и остановился, двери шумно разъехались. В салон хлынули люди. Это были граждане пенсионного возраста, обитатели дачного кооператива. Когда к Филиппу подступила полная женщина с идиотским пластмассовым ведром и грозно посмотрела, он с грустью осознал, что остаток пути придется проехать стоя. Нехотя поднялся и услышал недовольные вздохи тех, кто точно так же претендовал на сидячее место.

Автобус резко тронулся, пассажиры, держащиеся за поручни, покачнулись. По некоторым из них было видно, что сохранить равновесие при таком резком старте им удалось с трудом. Но водителя данный факт, похоже, не волновал. Филипп взглянул в кабину через салонное зеркало. Водитель заметил, что на него смотрит недовольный пассажир, и, как ни в чем ни бывало, отвел свои равнодушные глаза на дорогу.

«И все эти люди доверяют свою жизнь одному болвану?» – подумал Филипп.

Ему двадцать два, и в последнее время он задумывается о несправедливости, о противоестественном укладе жизни. Кто-то скажет: в этом возрасте свойственно думать о подобном. Возможно, но, быть может, возраст ни при чем, виновато что-то другое.

Филипп – студент четвертого курса Кемеровского госу-

дарственного университета, экономического факультета. Если в первый год обучения он горел пламенем страсти к знаниям, то ко второй половине третьего курса начал разочаровываться. Причем не только в необходимости получать знания, но и в необходимости существования в целом. Ему всё казалось бессмысленным и бесполезным. Ловя себя на раздумьях о тщетности бытия, он немного себя ненавидел, ведь такое не свойственно живому. Живое должно бегать, прыгать и радоваться, подобно козленку на весеннем лугу. Филипп понимал: в нем поселилась какая-то неведомая хандра, которая, по всей вероятности, посещает не каждого в этом мире.

Шли дни недели, он решил просто жить, не заостря внимания на душевном состоянии. Закончился третий курс, наступило лето, которое он провел у себя в деревне, где родился и рос. Затем на календаре открылся сентябрь: дни, когда студенты по всему миру готовятся приступить к обучению, когда массовое заселение общежитий уже произошло и теперь подтягиваются «хвосты» – светлое, в общем-то, время. Время открытия новых горизонтов.

Помимо доверху набитой дорожной сумки с домашними вкусностями – вареньем-соленьем, пирожками, куском подтаивающего сала – настроение поднимал конвертик во внутреннем кармане куртки.

Автобус блуждал по пустым вечерним улицам, останавливался на светофорах, пока не прибыл к вокзалу.

Филипп предусмотрительно пропустил нетерпеливых пассажиров, затем выпрыгнул наружу сам. В спину все время кто-то остро подталкивал. В пригородных автобусах России это нормальное явление. Он даже не оглянулся посмотреть на невежду и поспешил прочь.

Город встретил шумом машин, вокзальными часами, памятником в виде паровоза, на котором, как говорят, когда-то работал сам губернатор, и бесконечным рядом разношерстных такси.

Можно сесть на маршрутку, но уставший от автобусов Филипп решил прогуляться. На часах нет и девяти, а общежитие закроется только в одиннадцать. И не важно, что придется тащить рюкзак и сумку. В такой роскошный вечер на неудобства можно не обращать внимания. Вон и девушки какие гуляют, прямо-таки движущийся стимул.

Филипп на четыре пятых стеснительный, а это значит, вот так просто подойти к понравившейся девушке для него – серьезное испытание. Хотя он по натуре контактный и любит общение. Однако ему претят пустые шаблонные беседы, он любит говорить, когда действительно есть о чем. Быть может, только поэтому общение с противоположным полом давалось ему труднее, чем хотелось бы.

На первом курсе у него вспыхнул короткий роман с девушкой, которая покорила Филиппа умом, начитанностью и эрудицией. Она была на несколько лет старше и почти кандидат наук. Не красавица. Внешне она Филиппу почти

не нравилась, разве что в самые интимные моменты он забывал о её наружных недостатках. Их встречи шли на протяжении года и подогревались страстным желанием общаться. Темы их бесконечных разговоров бывали самые разнообразные, девяносто процентов этих тем не затрагиваются тем же количеством процентов людей, живущих на всей земле. На свиданиях они доводили друг друга до экзальтации. Филипп тогда не знал, что люди, с которыми действительно интересно и хорошо, в жизни встречаются редко. Её родители, не менее интересные люди, приняли главное в своей жизни решение – переехали жить в далекую страну, о которой те же девяносто процентов почти никогда не упоминают. Так получилось, что ни Филипп, ни девушка не озаботились контактными данными друг друга; оба понимали: это конец их отношений. Последний поцелуй произошел в аэропорту, и больше они не виделись.

Перекидывая дорожную сумку с плеча на плечо, Филипп бодрой походкой шагал по улицам. Раздумья заставили его почувствовать легкую грусть. Он понял, что давно тоскует, однако отнюдь не по ней – по отношениям в целом.

Проделав полпути до общаги, когда начали уставать руки, он осознал, что переоценил собственные силы. В сумке как-никак несколько трехлитровых банок с вареньем и две двухлитровых с солеными огурцами, а это уже около пятнашки. Вес для мужчины, может, и смешной, но пройди-ка с ним пару километров! Минус деревенских гостинцев – все они

слишком тяжелы. Прогулка становилась в тягость, а значит, хватит держаться проспектов – пора срезать по дворам.

Он нехотя сошел с тротуара и подался в кустистый двор пятиэтажных домов. Со скамейки, что стояла в тени неподалеку от детской площадки, к нему двинулись двое. Филипп не обращал на сорвавшихся с места парней внимания, пока не понял, что их прямолинейный путь корректируется относительно его движения. Но было уже поздно.

– Эй, еба!.. Закурить есть, еба?

«Черт, гопники! А я один в самой жопе незнакомого двора и с тяжелой поклажей...»

– Чё, оглох? Закурить, спрашиваю, есть, еба?

– Хуеба! – ответил Филипп, понимая, что из подобных ситуаций чаще всего выходят либо с пустыми карманами, либо с набитым лицом. А зачастую сразу и с тем, и другим.

– Че?! Ты чё? Слышь, – обратился гопник к короткостриженному приятелю, – он походу дебилоид.

– В зеркале дебилоида поищи, – отозвался Филипп, готовый в любую секунду поставить сумку на землю и принять бой. Сразу этого делать нельзя, легко спровоцировать. Цивилизованный человек любыми путями стремиться избежать бессмысленной драки. Драка за честь девушки – дело благородное, но тупая схватка во дворе с отморозками – глупее занятие сложно придумать.

– Дерзкий фраерок попался...

– Давайте так, ребята. Вы возвращаетесь на лавку, а я иду

дальше. Ни у меня, ни у вас проблем не будет.

Гопарь полез в карман и быстро извлек складной ножик. Сразу видно – Китай. И лезвие наверняка тупое, но даже под такую дешёвку подставлять шкуру не хочется.

– Ты, фраерок, сумочку поставь... поставь и не баклань. – Китайская сталь ножа угрожающе поблескивала. – Мы ж видим, ты не буратино позолоченный, ты студяга простой, поэтому нам твое барахло нахер не уперлось, вещи там, хавчик всякий. Это себе оставь, ты нам карманы выверни.

– Чё ж вы, такие правильные, простых студяг грабите? – Филипп прикинул возможные потери. Добро, что в сумках, потерять хоть и очень жалко, но не трагично. Настоящая потеря настанет, если гопники отнимут конверт во внутреннем кармане.

– А мы не грабим, – отозвался доселе молчавший, – мы это... ну-у-у, это... как его... приватизируем.

– Короче, нам пофиг, чё ты про нас думаешь, – стыдись глупости подельника, главный вымогатель своей речью заткнул тупой выпад. – Деньги, мобилу давай!

– Какие наглые пошли, – фыркнул Филипп, быстро определяя, кому из этих быков раньше вдарить. Сомнений нет: тому, кто больше бубнит. – Раньше культурнее были, просили позвонить, предлагали симку свою вставить, а теперь прямо в лоб – давай, и всё! Быдло безмозглое, тюрьма по вам плачет.

– Ты чё, фраер, страх потерял? – говорящий гопник при-

близился на шаг, второй попытался обойти сзади.

Филиппу жуть как не хотелось начинать свой первый студенческий день в этом году именно так. Но что поделать? Он поставил сумку на землю и сказал:

– Ладно, давайте решим по-хорошему. Денег у студентов не водится, мобилу как назло в ремонт сдал, но вы не расстраивайтесь, у меня есть для вас кое-что интересненькое.

Гопники переглянулись.

– Так бы сразу, – хохотнул тот, который с ножом. Второй, хоть и глупый, насторожился.

Филипп чуть присел и, расстегнув сумку, запустил в нее правую руку. Гопники топтались рядом, пытаясь предугадать, чем поделится этот лошара, трусливо включивший заднюю.

Хороша деревня, она дает людям простые, очень полезные вкусности. Варенье, повидло, компоты, маринады. Все эти продукты прямо из огорода, с земли. Чтобы употреблять их, необходима ложка, для маринованных огурцов – вилка. Пальцы, шарившие в сумке, наконец нащупали холодный кусок сала. А вот сало потребно резать мелкими кусочками, для этого нужен острый нож. И он прилагается. Завернут в газетку, чтобы случаем не порезаться.

Филипп взялся за рукоять...

– Ну, чё копаешься? Давай... Время – деньги.

– Время – это время, деньги – это деньги, чертёныши! –

Филипп выдернул руку из глубины сумки и лезвием, завер-

нутым в газету, ударил говорливому гопнику в мягкую часть голени.

Крик эхом пронесся по двору.

Голуби взлетели с канализационных люков.

Филипп вытянул окровавленный нож из ноги противника и встал в полный рост. Разорванная газета почти слетела, кухонный инструмент оказался на четверть в крови.

– Да ты ебанутый! – перекрикивая вопль раненного подельника, выпалил гопник. Он был ошарашен, даже не заметил, как выронил свою китайскую безделушку.

Филипп молча смотрел ему в глаза, затем совершил ложный выпад, пытаясь дать понять, что на этом не остановится.

– Эй-эй! Да пошел ты! – заволновался гопник и, схватив за плечо своего порезанного товарища, дернул к себе. – Уходим, пока этот псих нас не перерезал!

Когда горе-грабители отхромали на значительное расстояние, резаный крикнул:

– Я... я найду тебя! – И они скрылись за углом. Этот вопль прозвучал в такой степени беспомощно, что Филипп улыбнулся. Наконец кто-то дал негодьям достойный отпор! Скольких людей они оставили без денег и телефонов? Стольких, что не сосчитать.

Филипп поднял оброненный ножичек, сложил и засунул в карман.

«Какой-никакой трофеей. И на душе приятнее. А что касается пореза — не смертельно. Жить будет. Лезвие почти

стерильное, его несколько раз со средством для мытья посуды споласкивали. Значит, не бывает заражению. А если додумается обработать йодом или на худой конец водкой, так вообще нормуль. Гонники они ведь живучие»

На всякий случай Филипп не стал прятать свой нож в недра сумки, а положил сверху. После чего застегнул молнию и двинулся в обратном направлении.

В беседке собралась группка алкашей. Они всё видели и от увиденного, кажется, слегка протрезвели. Даже привстали, когда человек с сумками проходил рядом.

«Как неловко, черт возьми!»

Но привстали они отнюдь не при виде уличного «Рэмбо» с рюкзаком и дорожной сумкой, а при виде троих сотрудников патрульно-постовой службы, бежавших вдогонку за человеком во весь опор.

Глава вторая

К городу подступала ночь. Несвойственный сентябрю теплый ветер задувал в открытые окна кабинетов полицейского отделения. Филиппа усадили на стул и принялись задавать вопросы.

– Что же вы, гражданин Таланов, от полицейских-то убежали? – качал головой кабинетный служитель порядка.

– Испугали они меня. Как услышал за собой шаги – обернулся, а передо мной трое. К тому же полицейская форма была только на одном, двое в гражданском... я и рванул. Но и пяти метров пробежать не успел: схватили...

– И человечка ножиком порезали, – не замечая слов допрашиваемого, продолжал причитать полицейский. – Прямо не студент, а разбойник.

– Ну, какой из меня разбойник, сами подумайте, – спокойно и тактично произнес Филипп. – Я повторяю: на меня напали, деньги хотели отнять...

– Стало быть, огромная сумма, раз ножом защищались? – перебил полицейский.

– Не ваше дело, – сухо, но без грубости процедил Филипп. Сотрудник на секунду поднял глаза. Филипп понимал: пререкаться с блюстителем порядка даже в такой пустяшной ситуации, – не лучший выход, и добавил примирительным тоном: – Подумайте сами, откуда у студента из деревни огром-

ная сумма? Я что, похож на сына миллионера? Ну, полторы штуки. Много ли? Для меня, как и для тех гопников, – баснословная сумма. Только, в отличие от них, я всё лето подрабатывал. Лишь к осени удалось накопить. Разумеется, когда эти типы хотели взять меня в оборот, я испугался и схватился за нож, который, повторяю, предназначался исключительно для бытовых нужд. А эти деньги для меня – всё. Мне до следующего лета такой суммы не видать. А жить надо на что-то, плюс дело одно задумано...

– Чего? – поморщился полицейский. – Подожди-подожди, ты по каким ценам живешь? Полторы тысячи рублей зарабатывал лето?

Лицо Филиппа сделалось изумленным, затем он догадался, что сотрудник имел в виду, и усмехнулся:

– Что вы, речь о долларах.

– А говоришь, не сын миллионера. Разве простой гражданин считает деньги в валюте, если только он не богач?

– Да бросьте надо мной смеяться! У меня занятия завтра, мне в общагу надо. Сейчас почти десять, и если еще здесь задержусь, придется ночевать на улице. После одиннадцати там строго.

– У нас переночуешь, – хмыкнул сотрудник. Филипп заметно напрягся. – Камера в нашем отделении большая, места хватит, бичей подвинем, – выждав паузу, подытожил сотрудник порядка.

От такого нахальства Филиппа накрыла ярость:

– Чучело в форме! Окончательно стыд потерял?! – он подскочил, приближаясь к столу. Затем взялся пальцами за столешницу так, чтобы в любую секунду опрокинуть предмет мебели на приходящего в ужас сотрудника. – Чем я виноват? Пидараса, хотевшего оставить меня ни с чем, ножичком поцарапал? Так ведь это по всем законам не преступление!

Глаза полицейского замерли в страхе и непонимании. Он лет на семь старше Филиппа, но на миг совершенно отчетливо почувствовал себя перед ним ребенком.

– Такие поступки себе редко позволяют даже воры, – за секунду сбросив с себя оторопь, сказал полицейский. – А они в подобных кабинетах чувствуют себя очень уверенно. Ты, парень, присядь. Успокойся.

Филипп мягко опустил слегка приподнятую половину стола, вернулся на место и сказал:

– Извините.

– Я ведь пошутил насчет камеры, хотел посмотреть на твою реакцию. Зачем сразу бросаться?

– На нервах весь, товарищ лейтенант. Сегодня я мог отодвинуться далеко назад относительно своего успешного будущего.

– Что ты имеешь в виду?

– Этого никто не поймёт, – отмахнулся Филипп. – Скажу так: эти деньги мне необходимы как воздух.

– Даже боюсь спрашивать, на что.

– Вот и не надо.

За окном окончательно стемнело. Сибирские вечера в это время года всё еще продолжительны, и от того момента как в воздухе повеет предвечерней прохладой, до полного захода солнца проходит порядка пяти часов. Вечер практически сопоставим с продолжительностью светового дня, но только зимой.

Протянув руку, лейтенант захлопнул оконную створку и зажег настольную лампу.

– Ладно, вижу, нормальный ты парень. Чересчур резкий, конечно. Жизнь тебя за такой характер либо щедро наградит, либо крылья пообломает. Кем ты по специальности будешь, когда выучишься?

– Экономист я. Грубо говоря, бухгалтером буду.

– Не будешь ты никогда бухгалтером. В офисе сидеть, циферки считать, бумажонки перекладывать... Нет-нет, темперамент не тот.

– Почему же? – воодушевился Филипп. – При самом благоприятном исходе могу в крупную компанию устроиться, тогда буду не просто бухгалтером, а начну экономическими делами заведовать. Предел у профессии, разумеется, есть, но топ-менеджеры – далеко не последние люди. И зарплаты у них не зарплаты, а мечта.

– Уж прости, но такие, как ты, в этой жизни могут стоять либо главнее главных, либо ничтожнее ничтожных. Короче, либо царем, либо нищим. Середина не для тебя. Если ты за одно слово готов на сотрудника полиции стол опроки-

нуть, это говорит о многом. У тебя темперамент южный, хотя по внешнему виду не скажешь.

– Смотрю, полицейские нынче навыками психологов обладают, – улыбнулся Филипп. Лейтенант оказался хорошим человеком, которому не чуждо здравое мышление. А тупость, проявляемая им вначале, – лишь маска, защищающая его от той же тупости внешнего мира.

– И правда, что-то я разговорился. – Лейтенант вздохнул, поднял листок, над которым корпел четверть часа, и демонстративно его разорвал. – Бери свои сумки и ступай с миром. И больше никого не режь, – посоветовал он из-за стола. – По крайней мере, сегодня, – добавил он, когда Филипп уже вышел из комнаты.

Это и не входило в планы Филиппа. Задача номер один для него: добраться до комнаты и спрятать деньги. Потом пусть хоть тысяча гопников повстречается в темном дворе.

Крыльцо общежития он пересек без пяти одиннадцать. Вахтерша проводила его недобрым, хоть и слегка приветливым взглядом. Интересно, чем она вечно недовольна? Таращится на студентов с нескрываемым презрением. А с вопросами к ней вообще лучше не подходить. Филиппу знаком такой тип людей. Некие канцелярские короли, которым все вечно должны.

В комнате темно и гуляет ветер.

На пороге пришлось споткнуться о чужую дорожную сумку. Лишь вовремя подвернувшийся дверной косяк спас Фи-

липпа от падения. Он звучно выругался и зажег свет. Разбросанные у порога вещи – неотъемлемый признак соседа по комнате.

Филипп перешагнул бедлам и увидел на кровати раскинувшегося прямо в одежде человека. Тот улегся, не удосужившись даже снять куртку, благодаря чему напоминал бомжа, а рваный храп только подтверждал суждение.

– Мешок, мать твою! Какого хрена ты здесь бомжатник развел?! – прокричал Филипп, отпинывая пакет с каким-то тряпьем. «Мешок» – так Филипп прозвал своего соседа. Его настоящее имя Миша, «Мешок» – из-за внешнего вида: парень страдает избыточным весом. Не сказать, что толстяк, но упитанный. Рост 180, темные волосы (любит отращивать до мочек ушей), румяные щеки, плоский подбородок, под которым начинает формироваться второй. Михаил, как и Филипп, вырос в деревне, на питательном сельском продовольствии. У Мешка несколько вредных привычек, одна из которых – выпивать. Он пьет все, что горит. А также пиво.

– Мешок, сука!

Но Мешок лишь хрюкнул, перевернувшись на другой бок.

– С кем приходится жить! – проворчал Филипп, захлопывая оконные створки.

– И не говори, – промямлил Мешок. – Не закрывай, душно.

– Пошел в зад. Сквозняк гуляет.

– Хлюпик.

Филипп поднял с пола пластиковую бутылку из-под пива объемом полтора литра. На дне оставалось немного пенной жидкости. В следующую секунду бутылка полетела в спину Мешка.

– Ай!

– Где деньги? – воскликнул Филипп, когда Мешок посмотрел на него слипшимися глазами.

– Там, возле телевизора. Не кричи, голова болит.

Филипп обнаружил возле маленького кинескопного телевизора денежную купюру достоинством пятьсот рублей.

– Нужно было спорить тысяч на пять, может, подобная сумма заставила бы тебя бросить пить, – сказал Филипп, бережно засовывая купюру в карман.

В начале лета Мешок поспорил с Филиппом, что к новому учебному сезону покончит с пьянством. Учебный сезон наступил, а Мешок, пахнувший перегаром, валяется в окружении нескольких бутылок.

С первого взгляда можно подумать, что Филипп беспокоился о здоровье своего товарища, но на самом деле он просто хотел, чтобы рядом с ним проживал нормальный, опрятный человек, живущий по мало-мальски составленному распорядку и уважающий покой других. Ведь Мешок не раз заявлялся в комнату поздним вечером и спяну начинал греметь кастрюлями, в то время как вымотанный Филипп пытался уснуть.

Михаила стабильно раз в семестр намеревались отчислить

из университета, но, по традиции, в последний момент вмешивался кто-то из его родственников, имеющий связи. Когда есть «прикрытие», грех дурачка не повалить.

– Интересно, что должно произойти, чтобы ты взялся за ум? – Филипп доставал из сумки и раскладывал свои вещи.

– Рак должен на горе свистнуть, – вздохнул Мешок. На сей раз своей возней спать не давал Филипп. – А ты чего так поздно? За окном уже ночь!

– Не ночь, а только одиннадцать. Меня в отделение загребли за то, что я ножом человека порезал.

Мешок приподнялся на локте.

– Серьезно? И как обошлось?

– Да никак. На следователя кинулся, едва морду ему не набил. После меня и отпустили.

Мешок поморщился и мотнул головой.

– От тебя, конечно, можно и не такого ожидать, ты в прошлом году даже меня чуть не придушил за то, что мешал тебе спать, но это звучит как-то неправдоподобно.

– Не верь.

– Не верить тебе у меня нет оснований. У тебя даже шутки правдивые... Человек-то сильно пострадал? А что с ментом?

– Все живы. Ногу гражданину гопнику перевязали, а полицейский нормальным пацаном оказался.

– Понятно. – Мешок вздохнул громче обычного и поднялся. – Аспирин надо выпить. А то башка от этого дрянного

пива раскалывается.

Филипп смотрел, как он распечатывает новую пачку шипучих таблеток.

– Тебе таблеточку дать? – спросил Мешок, заметив завороженный взгляд друга.

– Мне? Зачем?

– Вид у тебя, будто голова болит.

– Нет, просто устал. С самого утра на ногах.

Филипп извлек из нагрудного кармана пухлый конверт, и полученная за счет выигранного спора пятихатка добавилась к общему числу лежащих там купюр.

– Оу, а это твой летний заработок? – присвистнул Мешок.

– Он самый.

– Сколько там?

– Бестактный вопрос.

– Хорошо, где ты работал?

– На стройке, в основном. Два фундамента с корешем залили, сруб поставили. Остальное – штукатурка и подсобные работы.

– Штука, – утвердительно сказал Мешок.

– Полторы, – поправил Филипп. – Я еще свой старый мопед продал и кое-какой хлам из гаража.

– Хочешь туда, куда мы говорили, запульнуть?

Филипп кивнул.

– Я на досуге читал про этот Форекс. Говорят, лохотрон.

Филипп резко взглянул на товарища:

– Говорят, небось, неудачники?

– Всякие. Но, по ходу, в основном, да. Форумы пестрят комментариями тех, кого валютный рынок успешно пережевал и выплюнул. Хватает и нейтральных мнений. Некоторые люди утверждают, что на рынке около 90% трейдеров теряют деньги, а оставшиеся десять либо трутся около нуля, либо действительно зарабатывают. Также приводятся потрясающие истории головокружительных заработков под 1000% годовых. И даже чуть ли не суточных. Я так увлекся изучением данной проблемы, что за три дня облазил десяток форумов и пересмотрел кучу роликов на ютубе. До чтения книг пока не дошел и вряд ли дойду, но зато составил отличный список литературы. Кстати, я его тебе на мыло скинул.

Филипп поблагодарил Мишу. Ему стало неудобно за взятые деньги, но и возвращать их он уже не собирался. В конце концов, спор состоялся честный.

– Было бы клёво заработать миллион, – мечтательно произнес Михаил, укладываясь на кровать со стаканом шипучего аспирина в руках. – Эх, я бы сразу переехал в элитную квартиру. Купил бы новенькую иномарку...

– Бросил бы учебу, – усмехнувшись, продолжил Филипп.

– Вполне вероятно, – на полном серьёзе ответил Миша. – Хотя только в том случае, если бы на горизонте маячил еще один. И всю жизнь бы не работал.

Филипп явственно представил приятеля в роли миллионера. На двадцать килограмм тяжелее – от жира, от золота,

дорогих одежд. Нет, таким людям нельзя становиться богатыми, это бессмысленно. Деньги ему – как корове тапочки. В конечном итоге его жизнь превратится в игру по набиванию брюха, погоню за модными штучками, вроде дорогих машин, телефонов, бессмысленных побрякушек – и ничего больше.

Вместе с тем Филипп понял, что на данный момент предложить альтернативный вариант для себя он тоже не в состоянии. Заимей он сейчас свой миллион, достойного применения ему бы найдено не было. Горечью под языком отдалось чувство, что в жизни у него нет целей.

– А что бы сделал ты? – последовал соответствующий вопрос.

– Не знаю.

– Дела-а-а! – протянул Мешок. – Не завидую тебе, чувак.

– Нет, в общем, я знаю, куда потратить деньги. – Филипп убрал конверт в тумбочку и, полулежа, облокотился о стену. – Тачки, квартиры, модные шмотки, клубы, рестораны, девушки...

Мешок улыбался и согласно кивал.

– ...Какую-то часть пустил бы в оборот по новому кругу. Капитал обрастал бы восьмым чудом света – сложным процентом. Жизнь в качестве бизнесмена, трейдера и менеджера в одном лице шла бы полным ходом. Четыре раза в год я в сопровождении красавиц из модельных агентств отправлялся бы в круиз. Безмятежно загорал с ними под паль-

мами и ни о чем не думал. Солёный океанский бриз обдувал бы мое лицо, и я, поглядывая на свою яхту, пришвартованную невдалеке, совершенно справедливо считал, что это и есть рай.

– Говоришь «совершенно справедливо», а в голосе сомнение. Разве это не рай?

– В каком-то смысле, разумеется, да, но в более широком масштабе – нет.

– Не понимаю...

– А какова конечная цель всего, что я перечислил?

Мешок пожал плечами, подумал и сказал:

– Недавно по телевизору один ведущий перечислял тезисы конституции независимости Соединенных Штатов. Так вот, согласно правам человека, «все люди сотворены равными и все они наделены Творцом неотъемлемыми правами, к числу которых принадлежит право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Стремление к счастью! Чем плоха такая цель?

– Отличная цель...

– Чувствую недосказанное «но».

– Но... вряд ли её можно считать конечной.

– Что же в твоём понимании является конечной целью? – заинтересовался Михаил.

– Если бы я знал, ответил бы одной короткой фразой. В данный момент я не могу этого сделать. Сформулировать не могу. В моем воображении крутится хоровод отрывочных

мнений, но ничего конкретного. Это сродни интуиции, когда неясный внутренний голос подсказывает, как поступать, однако туманными фразами. Я думаю, что зарабатывать кучу денег и кучу денег сливать – не есть истинная цель человека. Коль мы живем в мире материальных благ – ничего с этим не поделать – нужно искать более разумное применение деньгам, чем их накопление и трата.

– Не зря многие миллионеры становятся филантропами, – сказал Мешок. – Видимо, они тоже хотят рационализировать свои миллионы. Почему бы не пожертвовать часть своих денег и на том не успокоиться?

– Эти люди тешат самолюбие, перекредитовываясь у судьбы за счет добрых дел. Так происходит в большинстве случаев. Однако все же бывают искренние пожертвования, но они как раз таки исходят от людей небогатых, сострадательных, которые, помогая другим, отрывают от себя последнее. Среди миллионеров, отчисляющих пожертвования, таких почти нет.

Улыбаясь, Мешок сказал:

– Велика сила воображения! Мы с тобой не имеем даже сотой части тех миллионов, а сидим и размышляем, как их потратить. Знаешь, Филипп, появиись у тебя прямо сейчас чемодан с деньгами, ты бы тотчас забыл свою философию.

– Вполне возможно, не отрицаю. Но когда чемодан опустел бы, философия вернулась бы вновь.

– Жаль, это только мечты, – с грустью произнес Миша.

Его брови сдвинулись к носу. – Чую, жизнь не каждому даст такой подарок. Я сейчас скажу, как будет. Мы закончим универ, в поисках нормальной работы проведем, по меньшей мере, несколько лет – рынок труда ведь переполнен «специалистами» нашего профиля – и в это время будем мыкаться из одной конторы в другую. Злобный начальник постоянно будет чем-то недоволен. Если повезет, то только к двадцати семи начнем что-то зарабатывать. Я имею в виду так, чтобы оставалось. Потом – семья, ипотека, кредит на машину. Непроходящая головная боль, которая, в лучшем случае, уйдет годам этак к пятидесяти. Потом пенсия, маленькая квартирка, болезни, смерть.

Филипп выслушал и, наморщив лоб, сказал:

– Не думал, что жизнь обычного человека настолько уныла, если смотреть на нее ускоренно. Да уж. – Он сделал паузу, задумчиво посмотрел в потолок. – Но это если ставить во главу угла деньги. А ведь есть и другие ценности! Взять любовь. Ради неё одной стоит жить. По крайней мере, я в это верю. Прожить можно в бедности, но в счастье.

– Скажи честно, ты бы сам хотел прожить со всеми этими ценностями, но в полнейшей нищете? – прищурил глаз Мешок.

Филипп отрицательно мотнул головой.

– Вот именно. Какими бы идеалистами мы ни были, а вместе с нами и всё человечество, деньги всё равно будут определять многое.

– Я бы очень хотел поспорить, но, похоже, ты прав. Во всяком случае, пока.

Учебная пора захлестнула безжалостно. Филипп посетил первые лекции нового учебного дня с энтузиазмом, но ближе к обеду они ему надоели.

Он вернулся в общагу в моральном истощении. Чего нельзя сказать про физический тонус: появившись в комнате, он принял упор лежа и отжимался, пока не отказали мышцы. Затем пошел в душ, а выйдя, заварил чай.

В голове вертелся голос преподавателя. Одна из сегодняшних лекций была посвящена экономическим трудностям во всем мире. Чем глубже Филипп понимал закономерности финансового мироустройства, тем больше ощущал себя жалким винтиком в механизме огромной машины. Более того, ему отчетливее казалось, что выплюни механизм этот винтик, машина успешно продолжит работу. Выплюни она хоть тысячу таких винтиков, ей от этого ничего не будет. Филипп в который раз задавал себе один и тот же вопрос: зачем нужна такая машина, если ей плевать на элементы, ради которых она изначально существует? И отвечал: она создана богатыми для богатых. Теми, для кого Филипп и ему подобные – жалкие черви. Как с этим бороться? Он видел несколько вариантов. Первый: принять правила игры и попытаться стать тем, кто сидит у рычагов. Вариант очень сложный и не факт, что получится. Второй: всё так же, приняв пра-

вила игры, склонить голову и быть одним из многих. Здесь всё просто. И третий: сломать систему, наплевать на правила и придумать свои. Последний вариант – самый благородный для молодого человека, полного сил и амбиций. Но парадокс в том, что его осуществление требует неминуемого прохождения через два остальных, с полным погружением. Если уж борешься, нужно знать, против чего именно.

Филипп вздохнул и, пока настроение окончательно не испортилось, заставил себя прекратить думать о вопросах, на которые у него нет однозначных ответов.

Он пододвинул стул к высокому шкафу, залез и, разгребая кучи тряпья, потянулся за ноутбуком, который не доставал три месяца кряду. В деревне, где прошло лето, нет скоростного доступа в сеть, по этой причине компьютер остался дома. Да даже если бы был, необходимости этой вещи летом в деревне, пожалуй, не существует. Особенно если заранее знаешь, что нужно работать, а не просиживать дни за фильмами, играми и всем тем, что порой так сильно отнимает время.

Филипп приладил отсоединенную батарейку и бережно поставил старенький матово-черный «Хьюлет-Паккард» на стол.

Старая розетка в силу своей расшатанности только со второй попытки приняла вилку. Бело-лунная лампочка несколько раз моргнула и перешла в непрерывное свечение. Как только на экране появился значок операционной систе-

мы «Windows», Филипп понял, что соскучился по своему ноутбуку. Он купил его год назад у знакомого парня из университета. Прежде на него трудился слабенький стационарный ПК с огромным системным блоком и кинескопом – вся эта конструкция еле-еле помещалась на столе.

Страница поисковой системы указывала, что курс доллара к рублю со вчерашнего дня заметно поднялся. Филипп ткнул вкладку сайта брокерской компании и принялся изучать условия создания торгового счета. В этой процедуре нет ничего сложного, порядок действий четко прописан и понятен. Брокерский дом, приглянувшийся Филиппу уже давно, на сегодняшний день входил в десятку лучших.

Процедура регистрации личного кабинета пройдена, торговый счет создан. Осталось скачать и установить терминал. «MetaTrader 5» – лучшее решение. Данный инструмент прост и удобен. В нем хорошо новичку и комфортно профессионалу. Попутно с установкой, Филипп бегло прокручивал форум компании: новая информация усваивалась отлично, ибо была ему интересна.

Он достал из тумбочки конверт и вынул из него рубли в сто долларовом эквиваленте.

На часах половина четвертого. За окнами пасмурно и, кажется, ветрено. Осень – время резких перемен: еще в полдень на фоне ясного неба лучилось сентябрьское солнце.

Филипп достал из шифоньера позабытое с мая пальто и подошел к зеркалу. Расческа скользнула по светло-русые

волосам, растягивая капельку укладочного геля. Без него первый же ветерок создаст на голове черт знает что.

Темно-синее драповое пальто после этого лета сидело на его фигуре еще лучше, чем раньше. Плечи стали чуть шире, а пояс подтянутее, благодаря чему весь стан вырисовывался в виде перевернутого треугольника. Филипп улыбнулся своему отражению и подумал, что на месте любой девушки не имел бы причин отказать такому красавчику.

На сегодня задача такова: заглянуть в банк, подать заявку на оформление пластиковой карты, чтобы в дальнейшем проводить платежные операции с брокерским домом непосредственно через банковский счет. А пока, чтобы сделать первый шаг на валютном рынке, достаточно закинуть деньги через ЭПС (электронную платежную систему). Любая мультикасса, принимающая на счета «QIWI», для этого подойдет.

Большинство компаний, предоставляющих услуги на рынке Форекс, идут в ногу с технологиями, давая клиентам широкий спектр возможностей как ввода-вывода, так и, конечно же, инструментов торговли. Валютные и фондовые биржи – бурно развивающаяся отрасль, и новшества, облегчающие трейдерам жизнь, внедряются регулярно.

Через пару часов Филипп возвратился в комнату. Мешок, судя по запаху жареной картошки, недавно заходил, но теперь снова куда-то свалил. Филипп не понимал, как можно оставаться полнотелым, будучи таким неусидчивым.

На сковороде остывали картофельные кубики. Филипп улыбнулся, когда заметил, что ему осталось гораздо меньше от половины. Видимо, Мешок пожарил целую сковороду, добросовестно съел половину, затем, не удержавшись, положил себе добавки. Благо Филипп не страдал тревоугодием – ему вполне достаточно и четверти этой огромной сковороды.

Среди картофельных очистков, разбросанных по раковине, лежал тот самый нож, герой вчерашнего приключения. Филипп брезгливо взялся за рукоять и поднес его к мусорному пакету. Всё это казалось нечистоплотным: на ноже была кровь, а теперь им пользуются на кухне. Мешок, видимо, об этом не подумал, а если и подумал, то попросту не придавал значения, элементарно вымыв его с мылом и обдав кипятком. Филипп еще раз брезгливо поморщился, покосился на сковородку и выбросил этот острый, в общем-то, прекрасный, кухонный нож. С аппетитом было покончено.

Пока Филиппа не было дома, ноутбук установил обновления, проверился на наличие вредоносных программ и дефрагментировал жесткий диск. Теперь он полностью готов к работе. Этот компьютер не подходит для серьезных игр или мощных приложений, но для интернета, фильмов и торгового терминала его возможностей достаточно.

Впервые о рынке Форекс Филипп услышал, учась на первом курсе. Профессор тогда сказал, что мировые биржи безжалостны к частным инвесторам. Что без солидного капитала и финансового образования простым игрокам там делать

нечего. Тема лекции лишь вскользь затрагивала данный вопрос, поэтому профессор вскоре переключился, но эти слова Филипп вспоминал до сих пор.

Только полгода назад он случайно кликнул на баннерную рекламу одной компании. В то время шла подготовка к экзаменам, и студенту завершающегося третьего курса было не до Форекса. Но с того времени Филипп постоянно думал о перспективе нового дела.

Минула весна, наступило лето. Подсуетившись с практикой и не оставляя мыслей о бирже, он отправился в деревню. В общем-то, Филипп понял еще тогда: необходим стартовый капитал. Сто долларов, которые он мог найти в любой момент, – сумма несерьезная. Он поставил цель: за лето заработать тысячу. Но вместе с продажей мопеда и сверхсрочной работой по штукатурке, подвернувшейся за неделю до конца августа, вышло полторы.

Теперь хотелось поскорее совершить свою первую реальную сделку. Три месяца назад, перед отъездом из общежития, он создал демо-счет и успел поторговать чуть больше недели. Однако даже тогда ему было понятно: отношение к рынку сразу изменится, если сделки начнут совершаться с реальными деньгами.

Через десять минут всё было готово. Средства с электронного кошелька перевелись на счет брокера. Начинающий трейдер настроил терминал под себя, выбрав удобный временной интервал. Графа с суммой средств показывала

\$101. 56. Оставалось последнее и главное – дать прогноз! Филипп смотрел на часовой график евро/доллар, готовясь заключить сделку. Совершить свою первую торговую операцию.

Эта сделка станет для него исторической. Значит, подойти к ней нужно с максимальной ответственностью. За время работы на демо-счете он постиг только верхушки основных видов анализа, технического и фундаментального. Вероятностный подход он решил оставить на последнее, когда приобретенный опыт позволит хорошо понимать необходимое.

Пара евро/доллар двинулась вверх на 18 пунктов, и Филипп решил сыграть на отскоке. Заключая сделку, он обнаружил, что предоставляемое «кредитное плечо» гораздо больше, чем ожидалось. Оно позволяет использовать средства, в 200 раз превышающие депозит. Филипп понимал: давая клиентам такие возможности, брокерский дом дарует не только потенциально высокий заработок, но и шанс максимально быстро расстаться со своими кровными.

Параметры заданы. Даже в первой, символической сделке он не пренебрег стоп-лоссом и тейк-профитом – молодой трейдер с первых минут осознавал, насколько это важно в торговле. Теперь нужно только нажать кнопку «отдать приказ». Что сдерживало – волнение, страх, чрезмерное сосредоточение? Оценив обстановку, Филипп понял: бояться нечего. В самом худшем случае сделка таким мизерным лотом не нанесет ущерба даже стодолларовому депозиту.

18.43 +7GMT – цифры личного счета пришли в движение.

Филипп победно вздохнул и на мгновение прикрыл глаза, запечатлев момент в памяти.

Осень. За окном темнеет значительно раньше. На ветру дергался жестяной карниз. Чувство, что скоро прольется дождь, нагоняло приятную тоску.

В кармане пальто зазвонил мобильный. Оглядываясь на экран, Филипп пошел поднимать трубку.

Звонил Мешок.

– Привет учащимся! – раздалось в телефоне.

– И тебе привет. За остатки обеда спасибо, обжора.

– Я человек большой, мне больше надо. Чего звоню: здесь в центре, недалеко от главной площади, стоит офисное здание. Ты его помнишь – семиэтажное вроде бы, голубого цвета.

– Знаю такое. Я в былое время в одной фирме курьером работал, ее офис в том здании.

– Так вот, сегодня вечером тебе необходимо здесь быть.

– Тебе опять не с кем пойти на какое-то мероприятие? – вздохнул Филипп. – Миш, я сегодня хотел другим делом заниматься.

– В общем-то, меня там не будет. Быть нужно именно тебе. Если, конечно, ты еще веришь в светлую идею обогащения через Форекс!

– Так-так, поподробнее! – воодушевился Филипп.

– В девять часов здесь состоится встреча с человеком

по имени Константин Фихмовский.

– Впервые о таком слышу.

– Что удивительно. Здесь размещена афиша, на которой сверкает его улыбка. Когда видишь такую рекламу, создается впечатление, что данный человек должен быть известен абсолютно всем. На плакате написано, что он трейдер валютного рынка и что, следуя его советам, вы сможете стабильно зарабатывать и, наконец, освободитесь от бедности. Прямо так и написано: «освободитесь от бедности»! Представляешь?

– Кончай болтать. Сколько стоит вход?

– Штуку рублей! По-моему, цифра символическая. Встреча продлится полтора часа. Ты как раз успеваешь в общагу. А будешь опаздывать – позвони, я заболтаю вахтершу.

Филипп ценил Мишу за внимательность и готовность помогать товарищу. Не каждый человек, увидев в городе среди всякого рекламного многообразия информационный щит, вспомнит интерес друга, предположит, что, возможно, ему это будет интересно, и позвонит сообщить новость. Но Михаил отнюдь не всегда был таковым. На первом курсе Филипп думал, что его поселили с безмозглой эгоистичной свиньей. На втором «свинья» начала что-то постигать, приобретать опыт, а точнее сказать, проходить школу жизни. Прошло несколько лет, и почти эволюционным путем появился человек. На него никто не давил, никто не заставлял – сам. Недаром говорят: не меняются только дураки и покойники.

– Хорошо, собираюсь! Там хоть места свободные остались?

– Могу уточнить.

– Не надо. Я уже выдвигаюсь. – Филипп на ходу стягивал футболку, надевая вместо нее рубашку. – Спасибо тебе. Кстати, я получил письмо со списком литературы. Когда ты успел найти ссылки на два десятка книг по трейдингу?

– Чего не сделаешь ради друга! – скромно ответил Миша.

– Еще раз спасибо.

– Кончай распинаться. Отблагодаришь, когда заработаешь миллион.

– Обещаю, мы будем грандиозно праздновать каждый очередной заработанный мною миллион!

– Ага. Поймал на слове, – засмеялся Миша и положил трубку.

Через 30 минут Филипп приближался к входу в офисное здание. Оценив рекламный плакат на афишном стенде, он усмехнулся. Изображенное лицо действительно искрило белоснежной улыбкой и казалось верхом респектабельности. Постояв пару секунд, Филипп двинулся в здание.

На первом этаже сучал охранник.

– Подскажите, где пройдет встреча с Константином Фихмовским?

– Ступайте прямо, пока не уткнетесь в лестницу. Перед ней поверните направо и до конца. – Охранник склонил го-

лову и поправил очки. Перед ним лежала тетрадка. – Та-а-ак... Кабинет 29. То есть, офис.

– Спасибо.

Вечер. Сотрудники большинства кабинетов... то есть, офисов уже покинули рабочие места. Филипп шел по коридору, где освещение было задействовано лишь частично. В конце, там, где света чуть больше, на четырех ногах стояла штука, напоминающая обычный мольберт, на которой красовался рекламный постер с тем же улыбающимся лицом.

Из-за чуть приоткрытой двери слышался сильный уверенный голос. Филипп подумал, что выступление уже началось, но вдруг дверь открылась. Из ярко освещенного офиса вышла молодая особа в стильном деловом костюме. Филипп мгновенно оценил её взглядом. Темноволосая девушка с глазами серого цвета заулыбалась. Она, по-видимому, собиралась куда-то идти, но симпатичный парень в хорошо сидящем, хотя и устаревшем пальто изменил её намерения.

– Здравствуйте. Вы на встречу?

– Да, – твердо ответил Филипп.

– Проходите, пожалуйста.

Она отступила, позволяя Филиппу пройти. Он улыбнулся, слегка опустил глаза и заметил её потрясающий маникюр темно-рубинового цвета. Филипп никогда раньше не обращал внимания на такие мелочи. Макияж, ногти, улыбка – все это он привык рассматривать в общем и целом, не заостряя внимание на чем-то конкретном. Но эта особа буквально

пестрила мелкими красивыми тонкостями. Когда она пропускала его вперед, он обратил внимание на её шикарные лакированные туфли. Ему даже пришлось символически утереть лоб.

– Мероприятие начнется через 30 минут, – улыбнулась девушка, жестом подзывая Филиппа к столу, стоящему около входа. – Вы можете угоститься кофе, чаем, и, конечно же, – посмотрела через плечо Филиппа, – познакомиться с Константином Игнатьевичем.

– Спасибо, – Филипп обернулся и увидел двух мужчин, разговаривающих между собой. Кто из них являлся Константином Фихмовским, определить было нетрудно.

– А меня зовут Кира, – голос девушки заставил шею Филиппа возвратиться в исходную. – Я помощница Константина Игнатьевича. По всем вопросам можете смело обращаться ко мне.

– Очень приятно, Кира. Меня зовут Филипп. И сразу первый вопрос... – он быстро оглядел зал. За некоторыми столами уже сидели люди. – Я могу сейчас оплатить встречу?

– Да, конечно.

Филипп достал тысячную купюру и протянул девушке. Взяв, она наклонилась к столу, открыла верхний ящик. Он не мог видеть, сколько там уже скопилось денег, да и не думал об этом: его сознание пленил потрясающий вид женских прелестей.

– Занимайте любое свободное место, – предложила де-

вушка, выпрямляясь и лоя разделяющий взгляд молодого парня.

– Пожалуй, устроюсь в первом ряду, – сказал Филипп.

– Хорошо. – Она подошла ближе и тихо сказала: – Знаете, почти никто не любит занимать места в первом ряду. Все хотят посерединке или в конце. Почему-то.

– Мне знакомо такое поведение по институту, – согласился Филипп. – И еще один вопрос, – он достал телефон, притворяясь, что нужно сделать неотложный звонок. – Можно я пока побуду в коридоре?

– Хотите выйти – поднимайте руку, – заулыбалась девушка.

– Разумеется, – усмехнулся Филипп.

– Вот это фигура! – прошептал он, когда оказался наедине с собой в полутёмном коридоре. В памяти стояла картина: прелестная грудь, выглядывающая из-под белоснежной блузки.

Он посмотрел на часы и направился к выходу.

Теперь перед охранником лежала страничка сканворда, освещаемая слабым светом настольной лампы.

– Вы нашли нужный офис? – поинтересовался он, поглядывая над стеклами очков.

– Да, – кивнул Филипп. – Скажите, парковка для гостей по-прежнему находится на заднем дворике?

– Если хотите припарковать автомобиль, сделайте это прямо перед главным входом. Вечером я иногда так разре-

шаю. А парковка на заднем дворике закрыта, там четвертый день асфальт уложить не могут, всё перерыли.

– А где еще гости могут поставить машины?

– Я же говорю, возле главного входа. Но в такой час гости обычно приезжают на такси. – Охранник покосился на монитор камеры наблюдения. Ему видно не только площадку перед крыльцом, но и автобусную останову, дорогу, а также угол другого здания, возле которого стоял один-единственный автомобиль. Большой, черный, но марки не угадать.

– Что за наглец поставил машину, заехав на тротуар? – с напускным возмущением поинтересовался Филипп, заглядывая в монитор.

– Да не говори, ей-богу наглец! Это человек, снявший офис, который ты искал. Точнее, его барышня. Она была за рулем. Они еще днем приехали, в половине четвертого, когда у меня здесь самые заторы. Я им говорю: в том месте машину не ставьте – начальство ругается. А она – «хорошо-хорошо», мол, как только что-то другое освободится, так переставлю. Сейчас вон, погляди, все поразъехались, а она так и не переставила. Баба, что еще скажешь!

Филипп кивнул и направился к выходу. Элементарный интерес подталкивал разузнать, на чем передвигается гуру валютного рынка.

За те несколько минут, пока он находился в здании, на улице стемнело.

Черный «Мерседес» на красивых литых дисках с наглу-

хо тонированными задними стеклами гордо сучал возле угла кирпичного дома. Не в силах сдержать любопытство, Филипп подошел ближе. Он любил подобные автомобили, хотя видел их только на картинках, в кино, или переходил перед ними дорогу. Он отнюдь не завидовал людям, имеющим такие машины, просто испытывал острое, необъяснимое желание обладать таким же блестящим куском железа, способным разогнаться до внушительных скоростей.

Послышался стук каблук. Филипп обернулся и увидел Киру. Она была в стильной демисезонной куртке.

– Филипп, вы не боитесь опоздать? – сказала она, так как ситуация требовала что-то сказать.

– Очень бы не хотелось, – признался он. – Но я поглядываю на часы. Время еще есть.

Девушка прошла в полуметре. Филипп вдохнул аромат её парфюма. Это что-то из мира волшебных грез. Он никогда не слышал подобного благоухания.

Солидный «Мерседес» коротко сверкнул перед ней огнями. Она открыла массивную дверцу и перед тем, как усесться за руль, улыбнулась неподвижно стоящему парню:

– Поставлю машину ближе к входу. Секьюрити недоволен тем, как я припарковалась.

– Вы не виноваты, что в половине четвертого здесь не нашлось другого места, – нашелся с ответом Филипп, но к концу фразы осознал свой прокол. Откуда он мог знать время её приезда, разве что специально не спросив у охранника?

– А ты наблюдателен, – ответила девушка и закрыла перед ним дверь.

Машина с номерами московского региона бесшумно тронулась задним ходом и таким образом проехала пятьдесят метров. Филипп зашагал к офисному зданию и в очередной раз взглянул на баннер с Константином Фихмовским. Теперь этот человек почему-то не казался таким респектабельным. Там, в офисе, при ярком свете ламп, это был обычный мужчина средних лет с обычным лицом. Да будь он хоть артистом из театра уродцев, сейчас всё можно исправить в фотошопе. С графикой на современных компьютерах творят чудеса.

Навскидку в офисе собралось около пятидесяти человек. Филипп, как и хотел, занял место в первом ряду, хотя оно было последним из двух. Часы на стене показывали без трех минут девять. Фихмовского не было. На столе, расположенном возле входа, стоял раскрытый ноутбук. На столе спикера – кинопроектор. Его линза целилась в специально поставленный белый стенд.

Через минуту вошла Кира, а ровно в девять появился Константин. Он был одет в белую рубашку с коротким рукавом и светло-серые джинсы.

– Добрый вечер, дамы и господа, – поприветствовал он. – Вижу, дам и господ сегодня примерно поровну. В один из вечеров на встречу в Новосибирске пришло много мужчин и всего одна женщина, тогда мне пришлось сказать «добрый

вечер, дама и господа».

Кира сидела за столом перед экраном ноутбука. Константин кивнул ей, и на стенде через проектор отобразились какие-то графики. Костя посмотрел в потолок, щуря глаза. Кира уловила его мысль и дотянулась до выключателя. Погасли все лампы, за исключением двух в самом конце аудитории.

– Начну с вопроса, – твердо заговорил Константин. – Поднимите руки, у кого есть торговая система?

Почти все, кроме Филиппа и еще нескольких человек, подняли руки.

– Хорошо, вижу, опустите руки. Теперь хочу знать, есть ли среди вас трейдеры, которые «слили» хотя бы один депозит? – спросил Константин. В зале послышалось шевеление. – Я знаю, это не то, в чем приятно признаться. Но все же давайте будем смелее. А полумрак нам в этом поможет, я ведь не зря попросил погасить свет. Знаете, третий год веду лекции и неоднократно замечаю, что людям проще раскрепоститься, когда они находятся вне яркого освещения.

Поднялось несколько рук. Один мужчина рядом с Филиппом поднял руку, но замешкался и опустил. Константин Игнатьевич уловил это движение и обратился к человеку:

– Объясните, пожалуйста, чем вызвана ваша неопределенность? Остальные можете опустить руки.

– У меня сложнее, – неуверенно сказал мужчина.

– Ну, подробнее, подробнее, – подбодрил Костя.

– Фактически за два года трейдинга я не слил ни одно-

го депозита, но просадки по сорок или восемьдесят процентов случались не менее четырех раз. Ведь это нельзя назвать полноценным «сливом»?

– Да, такие просадки нельзя назвать «сливом», хотя психологически для трейдера это почти то же самое. Поэтому в виде исключения будем считать, что потеря более пятидесяти процентов – это «слив», – проговорил Константин. Он прошелся взад-вперед и продолжил: – Итак, теперь из «сливших» поднимите руки те, кто сделал это в рамках правил собственной торговой системы. Не спешите, подумайте. Я повторяю: поднять руки надо тем, кто допустил убыток, действуя строго по системе.

В зале никто не шелохнулся. Даже «убыточный» мужчина не двинул рукой.

– Получается, всегда, когда вы терпели убытки, вы отступали от собственных правил? Так? – Костя выждал паузу, пока люди кивали. – Выходит, вы кровью, потом, вложением денег создавали систему, над ней трудились, высчитывали, днями-неделями тестировали, чтобы затем просто взять и отступить от собственных установок? Со многими это случилось из-за того, что они попали в кластер минусовых сделок и вдруг решили, что система убыточна. А у кого-то просто не задался день, и вот вы заключаете несколько неоправданных сделок и получаете неотвратимое: убыток или потерю депозита. У кого-то просто разыграл азарт, и он решил сыграть «а ля повезет». Причины могут быть разные, жаль

только, результат всегда один.

Константин подошел к стенду.

– Видите все эти стройные графики, цифры и формулы? Видите?.. Забудьте о них, пока не научитесь бороться сами с собой! Будь у вас хоть самая лучшая и прибыльная торговая система, она бесполезна до тех пор, пока вы не разберетесь в своей психологии.

С этими словами на изображение графиков лег большой алый крест.

– Наиважнейшую роль в трейдинге для человека играет психология. Если бы вместо мозга у нас стоял алгоритмизированный компьютер, торговать было бы гораздо проще. Мы бы имели возможность взять наиболее удачную формулу и торговать только по ней. А как только позволили себе хоть чуть-чуть отступить от правил – срабатывала бы сигнализация и на неоправданные действия налагалась блокировка. Уверяю, даже при худшей торговой стратегии с минимальным математическим ожиданием, по итогам некоторого промежутка времени мы выходили бы в плюс.

На стенде появился очередной слайд: круговая гистограмма на 90% была закрашена оранжевым и соответствовала значимости психологии. Яркие зеленые 6% отдавались значимости торговой системы, а синие, ничтожно малые 4% – везению.

– Глядя на этот «торт», как я его называю, можно сделать вывод: насколько в нашей работе важна психология, настоль-

ко не важна удача. Если мы забудем про остальное и последуем только за этой непостоянной «барышней», то вопрос разорения перейдет со сложной многопараметровой шкалы вероятности в простую линейную шкалу времени.

Константин замолчал на несколько секунд, давая людям переварить информацию, затем продолжил:

– Не хочу хвастаться: многие гуру рынка часами рассказывают про «Золотой Грааль», всё больше и больше запутывая людей. С начала нашей встречи прошло пять минут, а вы уже знаете, в чем залог прибыльной торговли. Только прошу, если вы действительно хотите зарабатывать, подойдите к этому серьезно. И вообще, в целом к работе на бирже относитесь так, будто это такая же работа, как любая другая. Не подходите к рынку как к казино. Это не казино! Какая бы сумма у человека ни была изначально, в казино рано или поздно он её проиграет. На рынке же с небольшим начальным капиталом создают состояния! Но это реально только при условии серьезного подхода. Запомните, пожалуйста, а у кого под рукою блокнот – запишите: «Твердое соблюдение торговой системы и серьезный подход и есть Золотой Грааль!». На этом нашу встречу можно заканчивать, но, поскольку вы настроились на полтора часа, не буду обманывать ожиданий.

Константин выражался свободно и уверенно. Чтобы добиться такого перед большим количеством людей, необходимо проделать над собой работу. Кто бы что ни говорил, но вряд ли найдется человек, способный выйти и начать вы-

ступать перед публикой без подготовки.

Константин подошел к столу и взял маленькую бутылочку воды. С хрустом отвернул пробку и поднес ко рту.

– Хочу дать совет, как снизить процент неправильных действий, – сказал он после того, как сделал глоток и поставил бутылку обратно. – Этот совет будет уместен не только в трейдинге, но и в обычной жизни. Представьте, что за вами постоянно кто-то наблюдает. Некий авторитетный цензор, дающий круглосуточную оценку всем вашим действиям. Им может быть человек, которого вы уважаете. Если вы не мазохист, то иногда, разумеется, можно его отключать, иначе сойдете с ума от напряжения. Но большую часть жизни образ этого человека должен стоять за вашим плечом.

Весь следующий час Костя посвятил истории своего успеха: как, сколько и когда он зарабатывал. Умело дополнял рассказ деликатным и уместным юмором. Когда ему задавали вопросы, он с радостью на них отвечал. Помимо юмора, а иногда и вместе с ним, он делился интересными фактами торговли на Форексе. Цитировал высказывания известных финансистов и не забывал о серьезных и сугубо технических вещах. В общем, выступление оказалось удачным. Страницы блокнотов гостей были заполнены новой информацией. Некоторые записывали выступление на диктофон. Кира незаметно сидела за ноутбуком и своевременно ставила нужные слайды.

Филипп подумал о том, как повезло Константину Игна-

тьевичу с помощником. Ведь, как выяснилось, помимо прочего, она у него водитель. Интересно, какие между ними личные взаимоотношения? Костя – молодой мужчина, она – красивая молодая женщина. В дороге, в офисах они постоянно вместе. Наверняка что-то есть. Однако, если даже между ними и есть то, что обычно бывает между мужчиной и женщиной, они не испытывают друг к другу сильных чувств. Не нужно хорошо разбираться в людях, чтобы уловить это в движениях их глаз. Они смотрят друг на друга как старые товарищи, не как влюбленные. Задумавшись, Филипп ненадолго ослабил внимание.

– ...И, как всегда, мой традиционный вопрос, который я задаю в конце каждой встречи. – Константин сменил интонацию, благодаря чему Филипп снова включился. – Есть ли среди вас человек, торгующий не более одного дня?

Филипп автоматически поднял руку, в общем-то, не вникая в суть вопроса. Константин расхаживал взад-вперед и вдруг остановился. Глаза Киры появились над контуром крышки ноутбука. Поднявший руку стал смущаться, когда понял, что в зале он такой один.

– Вы действительно торгуете первый день? – уточнил Костя.

– Да.

– И не было никаких «начал год назад, потом забросил, и вот сегодня впервые»?

– Нет-нет. Примерно за час до того, как отправиться

на встречу, я заключил первую в жизни торговую операцию по паре евро/доллар. Весной у меня был демонстрационный счет, но, думаю, работу на нем нельзя назвать настоящей – так же, как нельзя назвать ездой игру на симуляторе автомобиля.

– Да-да, вы правы: демо-счет – это другое. – Константин обратился к залу: – Что ж, взгляните на этого новичка. Пусть ему всегда способствует удача. В каком-то смысле мы видим рождение нового трейдера.

Он призадумался, взглянув на часы, сказал:

– Ну, что ж, дамы и господа, вот и пронеслись полтора часа, как полторы минуты. Встреча подошла к концу. Всем спасибо. И не забывайте про серьёзный подход. Это ключ к успешной работе в любом деле.

Кира зажгла полный свет.

Люди начали подниматься. Филипп встал одним из первых и, кивнув Константину в знак благодарности за шикарную лекцию, поспешил к выходу.

Константин не отреагировал, но быстро повернулся к Кире, мимикой подавая ей какой-то знак. Девушка быстро поднялась и выскользнула в коридор, опередив Филиппа.

Люди подходили к Константину пожать руку. Кто-то надеялся получить пару минут приватной беседы, но Филиппу нужно было немедленно уходить. Через полчаса закрывается общежитие, а до него 25 минут ходу. Времени едва хватает.

Он вышел в коридор и в тот же миг налетел на Киру.

– Мне очень понравилась лекция, – быстро нашел что сказать Филипп. – До свидания.

Он сделал шаг в сторону, но девушка снова преградила путь.

– Вы не могли бы задержаться? – спросила она голосом, от которого у Филиппа чаще забилось сердце.

– А что случилось?

– Константин Игнатьевич хочет поговорить с вами.

– Со мной? А что я такого натворил?

Её улыбка озарила темное пространство коридора:

– Ну что вы! Он просто хочет обсудить с вами какую-то важную тему.

Филипп впал в замешательство. С одной стороны, отказать такому человеку непростительно. Финансовый гений просит новичка остаться и обсудить важную тему – такое в нашем мире случается редко. Но и проводить сентябрьскую ночь на улице не очень-то хочется.

– Это надолго? Просто я тороплюсь. – Филипп не хотел признаваться красивой девушке, что скован рамками общечеловечности. Он хорошо одет, а значит, она пока может принять его за кого угодно. Оттого правду неплохо бы умолчать.

– Всего несколько минут. Сейчас все уйдут, и он сразу подойдет к вам. Подождите здесь, а я помогу ему скорее со всеми распрощаться.

Филипп стал расхаживать по коридору, думая, какими дворами лучше сокращать путь. Понятное дело, опоздать

на 10 минут по нормам студенческого общежития вполне простительно, но 20 и более – непозволительная роскошь.

Люди понемногу расходились. Все их действия казались настолько вялыми, что Филиппу хотелось надавать им пинков.

Кира выглянула из дверей как раз в тот момент, когда Филипп готов был уйти. Девушка махнула рукой, подзывая его.

– Филипп, верно? Давайте присядем, – предложил Константин.

Они прошли за стол первого ряда. Кира тем временем занялась свертыванием оборудования. Костя внимательно посмотрел на парня и сказал:

– Однажды я дал себе зарок: как только повстречаю человека, торгующего на бирже не более одного дня, я всеми силами попытаюсь разубедить его торговать дальше.

Глава третья

Филипп изменился в лице, услышав эти слова. Он не предполагал, что успешный валютный трейдер захочет переубеждать новичка. Почему? Для какой цели? Филипп для него даже не конкурент, да и лишать рынок «подлива» дополнительной сотни баксов в многомиллиардный котел – чужь собачья. Эта «сотня баксов», которая легко может выражаться хоть в тысяче, хоть в двух, в условиях целого мира – сумма ничтожная. Тем более этот же самый человек на протяжении полутора часов доказывал, что на валютном рынке можно сколотить состояние. И вдруг – резкий переворот...

– Такую установку я дал себе два года назад, – добавил Константин.

– С тех пор вы не встретили ни одного?

– Кто несколько часов назад совершил первую сделку? – Он мотнул головой. – В лучшем случае, человек являлся трейдером уже три дня.

– Я вас не понимаю, – сказал Филипп.

– Я настолько принципиальный, что если задумаю, то не прошу себе, если этого не выполню. Хотя, по правде говоря, проехав пол-России, не ожидал встретить новичка-одnodневку именно сегодня.

– Не пойму главного: зачем вам переубеждать?

– Чтобы понять, зачем, нужно выслушать до конца. Однако даже тогда я не гарантирую полного взаимопонимания. Вы можете остаться при своем мнении. Мною будут лишь приложены некоторые усилия, дабы вы навсегда забыли о рынке. Я делаю это только из лучших побуждений, ибо мне известно, насколько опасен валютный рынок. Почему я выбрал объектом для переубеждения трейдеров-однодневок? Всё просто: они еще не вошли во вкус. Это как с алкоголем: если доселе непьющему человеку дать глоток водки, чтобы он не опьянел, но ощутил её неприятный вкус, и сказать «это плохо, это горькая отравка», велика вероятность, что он больше не приблизится к этому напитку. С курением и остальными пагубными привычками дело обстоит так же.

– Насчет привычек, может, вы правы, Константин Игнатьевич, но к трейдингу это сравнение не подойдёт. Считаю, объектом для переубеждений как раз лучше выбирать не трейдера-однодневку, а человека, который только что понёс сокрушительный убыток. Эмоциональный удар, плюс ваши слова, и, полагаю, в рынок он уже не вернётся.

– Нет-нет, я не зря провел параллель между валютным трейдингом и пагубными привычками, – покачал головой Константин. – Пьющему можно сколько угодно рассказывать о вреде алкоголя, он даже будет поддакивать, соглашаться, с умным видом кивать, но в конце беседы преспокойно заложит за воротник. И плевать, что на третьей стопке начнет кружиться голова, на пятой задвоится в глазах, а шестая сру-

бит наповал. Трейдер, который допустил убыток, понимает: вместо знака «минус» вполне мог быть «плюс». Нужно было только принять противоположное решение: скажем, встать не на покупку, а на продажу. Или, если говорить об алкоголе, надо было выпить на пару стопок меньше и закусить лишним огурцом. Поэтому лучше вызвать негативные чувства на ранней стадии, а не когда на это занятие уйдет несколько месяцев или лет жизни. Ведь, несмотря на отрицательные стороны валютной торговли, о которых я непременно поведаю, у нее есть положительные. Ну и что, если отравился паленой водкой на дне рождения друга? Фигня, не правда ли? Зато как было весело! Даже тяжесть в голове на следующий день не предотвратит повторения пьянки уже в следующую субботу. Какого размера ваш депозит?

– Сто долларов.

– Очень хорошо. Сейчас некоторые сразу начинают с пятисот или тысячи. Сто долларов – очень хорошо.

– В каком смысле хорошо? Я вообще-то приготовил полторы тысячи и намерен их закинуть уже на следующей неделе.

– Этого делать нельзя. А хорошо потому, что сто долларов без угрызений совести можно вывести прямо завтра. Серьезность ваших намерений, выражающаяся в тысячедолларовом эквиваленте, не позволила бы легко и быстро отказаться от игры.

– Вот так напутствие! Хорошо, допустим, мне понятно,

почему вы сравниваете трейдеров с алкоголиками: зависимость, психологические капканы и всё такое. Мне не понятно другое: с каких пор легальный биржевой инструмент с колоссальным потенциалом вдруг стал непригодным для работы? Ведь, насколько я понимаю, именно по этой причине вы хотите отговорить меня от торговли? Там сложно заработать? А где сегодня легко? Можно назвать десяток профессий, в сравнении с которыми Форекс покажется игрушкой.

– Дело не в сложности, а в невозможности!

– Невозможности? Хотите сказать, толпы трейдеров по всему миру только и делают, что теряют деньги?

– Само собой, не только. Есть те, кто зарабатывает.

– А в чем тогда дело? – спросил сбитый с толку Филипп. Ему становилась неприятна эта болтовня. Подобные пораженческие разговоры – «вокруг всё обман», «одни дураки дураят других», «мир несправедлив» и так далее – обычно ведут круглые неудачники. Он не ожидал встретить неудачника в лице первого в его жизни наставника в финансовом деле.

– Мне нужно идти, – сухо произнес Филипп и поднялся.

Константин поднялся следом.

– Неужели вы так жаждете потерять свои деньги? – печально спросил он.

– Жажду заработать, – твердо произнес Филипп, глядя собеседнику в глаза.

– Если бы можно было хоть на секунду заглянуть в буду-

щее, скажем, на месяц или два, вы бы к моим словам отнеслись по-другому. Я вот что скажу: ваши деньги в любом случае будут потеряны.

– Да почему вы так уверены?! – повысил голос Филипп. Кира на миг оторвалась от дел.

– Опыт многих людей, через это прошедших.

– Если вам так важно, чтобы трейдер-новичок не потерял деньги, лучше дайте ему достойный торговый совет.

– Только один: не торговать ни при каких обстоятельствах. – Константин улыбнулся и двинул плечами. Респектабельная внешность, парфюм, улыбка, пламенные речи – всё это не сочеталось с его теперешним высказыванием. Однако Филипп почувствовал какой-то едва уловимый зачаток истины в его словах.

– Как теперь быть? Я несколько месяцев жил надеждой всерьез взяться за это дело. Я ведь не надеялся за один день стать миллионером, мне известно, что такое упорный труд. Подозреваю, что даже в области валютной торговли его никто не отменял. – Филипп посмотрел на часы: критическая точка пройдена, теперь даже если он прямо отсюда стрелой полетит до крыльца общежития, всё равно не успеет. – Для начала я хотел всё изучить, почитать книги, попробовать торговать на маленькой сумме, постепенно наращивая обороты. А вы взяли и разрушили мои надежды. Большое спасибо, Константин Игнатьевич Фихмовский. – Филипп протянул руку на прощание.

Константин некоторое время стоял неподвижно, словно решая, как поступить. В какой-то момент его сосредоточенно-серьезное выражение лица сделалось дружески-доброжелательным. Он не стал протягивать руку, а вместо этого сказал:

– Давайте продолжим беседу в каком-нибудь другом месте. Думаю, мне удастся рассказать обо всем подробнее в иной обстановке.

Филипп не знал, что ответить. С одной стороны, он определенно рискует нарваться на строгий выговор коменданта общежития, с другой – человек, у которого есть ценная для дела информация, сам выдвигает предложение продолжить беседу. Пускай разгромную, но что-то из всего этого почерпнуть удастся.

– Хорошо. Но где?

– Сейчас соберем вещи, сдадим офис и поедем. В гостинице, где мы остановились, есть хорошее место, чтобы поужинать.

– Похоже, вы всерьез решили выполнить обещание, данное самому себе, и переубедить начинающего трейдера, – сказал Филипп. – Предупреждаю, это трудноосуществимо даже при всей вашей великолепной риторике. А мои разрушенные надежды – это только видимость: серьезные сооружения, такие как убежденность и личные взгляды, я прячу гораздо дальше.

– В любом случае мы отлично проведем время, – подмиг-

нул Константин.

Кира находилась в боковом поле зрения Филиппа, но он буквально почувствовал её улыбку. Она ловко скручивала провод. Девушка знала пристрастия Константина – Филипп о них даже не подозревал. Говоря начистоту, если бы на месте трейдера-однодневки оказался какой-нибудь несимпатичный человек, Костя не вязался бы в такое целенаправленное переубеждение. Два года назад, за один день потеряв почти 30 тысяч долларов на рынке Форекс, он действительно дал себе установку спасти хотя бы одного человека от боли, которую в те страшные минуты потрясения пережил сам. Время прошло, боль утихла, однако установка сработала, когда на вопрос, задаваемый аудитории скорее уже по привычке, этот молодой человек поднял руку.

– Сегодня состоялся последний из трех вечеров в вашем городе, – между делом сказал Костя, взявшись разбирать алюминиевую конструкцию слайд-стенда. – Завтра мы с Кирой выдвигаемся в Красноярск. Там тоже состоится три вечера.

– И в каком городе вашему Форекс-турне суждено закончиться? – спросил Филипп.

– К середине октября мы должны быть во Владивостоке. Там и закончится.

– Оттуда обратно, по новому кругу?

– Чаще, чем раз в год, в одном городе нас не вытерпят, – улыбнувшись, поднял глаза Константин. – Хотя у некоторых

городов с населением больше миллиона есть хороший потенциал для повторного проведения встреч. Но таких на карте России мало, а страна большая, и проделывать тысячу километров ради одного-двух семинаров не выгодно.

– Но ведь, так или иначе, придется ехать обратно?

– Не совсем. – Константин свернул полотно в трубочку и приступил к складыванию элементов каркаса в футляр. – «Мерседес» снимается с учета в ГАИ Владивостока, для него там уже есть покупатель, а мы с Кирой садимся на прямой рейс до Москвы.

– Продуманно, – с одобрением кивнул Филипп. – И сколько раз вы уже так делали?

– Вояж по территории России совершаем вторую осень подряд. Зато в Москве, Питере и нескольких крупных близлежащих городах встречи проводим регулярно.

– На это уходит уйма времени. Когда же торговать? – удивился Филипп.

Кира поправила волосы и улыбнулась. Константин взглянул на нее, словно спрашивая разрешения ответить. Она тонко шевельнула своими пышными ресницами, и Костя кивнул:

– А кто говорил, что я торгую?

– Вы, на протяжении полутора часов.

– Я скоро позабуду пароль в свой торговый терминал, на счету которого у меня с давних времен завалялось несколько долларов.

Филипп поднапряг лицевые мышцы, дабы подхватить отвисающую челюсть.

– Разве люди, приглашаемые мной на выступления, стали бы меня серьезно воспринимать, скажи я им, что не торгую? Ответ очевиден. – Константин покосился на дверь и заговорил тише: – Прозвучит парадоксально, но как только я перестал торговать на валютном рынке, он начал приносить мне доход. Я являюсь инвестором нескольких хедж-фондов и пятую часть доходов от семинаров и видеолекций запускаю в них. Но сам я после одной крупной потери от трейдинга отошел и возвращаться в это мутное дело не собираюсь.

– Извините, но с таким ханжеством сталкиваюсь впервые, – усмехнувшись, мотнул головой Филипп. – Людям рассказываете, будто торговля на Форексе сулит большие деньги, а сами твердо убеждены, что это не так.

– Сейчас скажу то, что окончательно тебя запутает, – предупредил Константин и расправил плечи. – Торговля на Форексе действительно сулит большие деньги. Это не обман. Там действительно колоссальные возможности. Вот только открываются они не каждому, а если открываются, то ненадолго. Скажу так: из ста человек, решивших заняться валютной торговлей, при условии, что они вложат туда все свои силы и средства, восемьдесят в первый же год станут банкротами. Кстати, спустя время, когда эти люди поднимутся на ноги и займутся другим делом, они до конца жизни будут говорить о том, что Форекс и вся биржевая торговля – вели-

чайший лохотрон всех времен. Идем дальше: десять человек продержатся на год-два дольше, может, даже успеют распробовать жизнь на широкую ногу, но в конечном итоге их тоже ждет разорение. Оставшиеся десять – особые личности. Пятеро из них, добившись головокружительных результатов, вскоре начнут думать, что они короли мира. В подземном гараже их элитной квартиры будет стоять новенький «лендровер». Портмоне перестанет застегиваться от скопившихся денег и кредитных карт. И, казалось бы, хвост золотого теленка теперь у них в руках, но в какой-то момент что-то пойдет не так. Они схватятся за голову, когда вынуждены будут продать «лендровер», чтобы заплатить за еду и квартиру. Следом продадут саму квартиру... и тут дороги у всех расходятся. Кого-то ждет бутылка, кого-то депрессия. Но в одном они будут похожи: до конца дней им придется работать не на себя.

Костя умолк, ожидая вопроса.

– Кажется, осталось еще пять? – напомнил Филипп.

– Молодец. Люблю, когда внимательно слушают. – Константино все больше нравился этот молодой парень. Он знал: не важно, с помощью Форекса или нет, но его ждет успех. – Уцелевшая пятёрка, как и все остальные, только значительно позже, тоже вынуждена будет покинуть рынок. Вот только нищими, как предыдущие пять, они, к счастью, не станут. Эти люди не прикаснутся к бутылке и задушат депрессию. Оставшиеся деньги будут делегированы другому виду дея-

тельности, и к валютному рынку эти счастливики больше никогда не вернутся.

– Выходит, из ста человек, в конечном итоге, прогорят все сто? Печальная перспектива.

– Правдивая. Такого тебе никто не скажет. Все книги, которые ты собрался читать, а также видеоуроки – экзальтированный бред мошенников, наживающихся на самом сильном человеческом пороке, таком, как страсть к наживе. Про обучение в дилинговых центрах вообще и думать забудь. У тех задача номер один – твое разорение. Им важно, чтобы ты поскорее потерял депозит и побежал собирать новый. Так что если после сегодняшнего ужина ты все же решишь попробовать свои силы, вообще не заморачивайся по поводу обучения. Главное, пойми механизм заключения сделок, познай азы технического анализа, и в путь. Дальше даже не лезь. С депозитом от ста долларов до ста тысяч понадобится только техника и математическое ожидание. Никакой торговли по новостям: всю «новостную» прибыль собирают инсайдеры, они акулы, а мелкие рыбешки типа тебя, меня, и тех сотен людей, для которых я выступаю, неизбежно становятся жертвами их челюстей.

Накинув курточку, Кира взяла в одну руку дамскую сумочку, в другую – портфель с ноутбуком и легковесный пакет. Константин захватил футляр с каркасом и проектор. Филипп, чтобы не быть с пустыми руками, прихватил тубус, в котором находилось свернутое полотно.

В двери заглянул охранник, спеша сообщить:

– Плакат с улицы я снял, правда, он успел немного промокнуть под начавшимся дождем. Подставка с коридора отнесена к выходу.

Девушка передала ему ключи.

На часах ровно одиннадцать. Когда, покинув офис, все четверо шли в сумраке коридора, карман Филиппа завибрировал.

– Спешу напомнить: общага закроется через тридцать секунд, – послышался в динамике тревожный голос Мешка.

– Я приду позже.

– Капитан Лаконичность, – съязвил Мешок. – У тебя что-то случилось?

– Что может случиться?

– Чую, не можешь говорить, – сообразил Миша. – Ладно, если что – звони.

Едва двери здания распахнулись, резкий ветер с колючим мелким дождем ударил в лица.

– Погода испортилась, – поежился Костя.

– Бабье лето радовало нас долго, но, увы, закончилось, – откликнулся охранник.

– На следующий год поедем месяцем раньше, – сказал Костя, обращаясь к Кире.

– Мы бы и в этом поехали на месяц раньше, – сладким голосом сказала девушка, намекая на что-то, о чем знали только они двое. Константин кашлянул. По мнению Филиппа,

речь могла идти о чем угодно, в том числе о каком-то непристойном событии. Теперь ему еще больше захотелось узнать, что происходит между этой парочкой. Может, даже сильнее, чем о секретах рынка, ведь по большому счету Константин уже высказал свою точку зрения.

Охранник аккуратными движениями задвинул подставку в багажник. Кира незаметно протянула ему несколько сто-рублевых купюр, поблагодарила за помощь, и он поспешил исчезнуть за дверями здания.

За мокрыми стеклами автомобиля поплыли огни города. Поскольку это первая поездка Филиппа с женщиной за рулем, он волновался, но через несколько светофоров это прошло. Кира профессионально управляла немалым «Мерседесом». На заднем сидении он видел, как выверенно и четко она выполняет каждое действие, как её взгляд со строгой периодичностью проскальзывает по всем трем зеркалам заднего вида. Константин человек не глупый, очевидно, знает, кому доверять жизнь, а водительских прав у него, по догадкам Филиппа, никогда не было.

Свободные улицы позволили доехать быстрее, чем за десять минут. По приезду Кира подогнала правый борт автомобиля к самым ступенькам.

– Поставлю на стоянку и поднимусь в номер, – сказала она.

– Хорошо, – ответил Костя. – Как всё сделаешь, спускайся в ресторан.

Они вышли. Выхлопная система «Мерседеса» пророкотала, и какая-то часть от трехсот лошадей резво тронула его с места. Филипп устремил взгляд на верхнюю часть двадцатиэтажной гостиницы «Алмаз» – пожалуй, самой престижной в этом полумиллионном городе.

– Замечательная девушка, – сказал Костя, зачем-то похлопав Филиппа по плечу. – Без нее в моей жизни всё было бы по-другому.

– Правда? Что именно?

– А всё. Во-первых, той холодной осенью, когда я потерял все свои деньги, именно она спасла меня после тяжелейшего морального потрясения. Стыдно признаться, но тогда я думал, как легче и безболезненнее уйти из жизни. Словно в сказке, она пришла из ниоткуда, неся новый смысл. Во-вторых, она по сей день мой несравненный талисман в красивом человеческом облики. Когда Кира рядом, я счастлив.

«Всё ясно, он влюблен в нее», – подумал Филипп. – «Но почему такой ледяной взгляд, не только с его, но и с её стороны? Здесь что-то серьезнее, здесь гораздо сложнее»

Они прошли в огромное светлое фойе, после чего направились в крыло, где находился ресторан.

Филипп взял меню и, испугавшись цен, заказал самое простое, что было: толченую картошку с парой куриных ножек. Костя не стал выделываться, заказав то же самое и добавив какой-то салат.

– Что желаете из напитков? – спросила официантка.

Костя взглянул на Филиппа:

– Как относишься к виски?

– Трудно сказать...

– Два виски прямо сейчас и два, когда принесете еду, – решительно сказал Костя.

Аперитив пошел хорошо и сразу подарил легкость. Филипп вспомнил предыдущий случай употребления алкоголя – в новогоднюю ночь. С той единственной бутылки портвейна, которую принес и откупорил Мешок, прошло девять месяцев абсолютной трезвости. Во-первых, не было случая, во-вторых, не хотелось. По причине длительного воздержания четверть стакана великолепного шотландского виски подействовала ударно.

Филипп ждал, когда Костя продолжит переубеждать, но Костя странно притих, откинувшись на спинку стула. Голову немного наклонил и, поставив локоть на стол, а тыльную сторону ладони прижав к подбородку, слегка её подпирал. Ненавязчивым, слегка усталым взглядом Костя принялся сканировать Филиппа: молодой, симпатичный, на вид около двадцати пяти. Выглядит уже скорее как мужчина, нежели как парень. Густые светло-русые волосы, выющиеся строго вверх. Кто-то ходит за такой прической в салон красоты, а у него она от природы. Прямой лоб, на котором еще не скоро появятся первые горизонтальные морщины. Но что касается вертикальных – их две, они расположены аккуратно между бровями. Появляются крайне редко, по-видимому,

в тот момент, когда он усиленно думает, злится или физически напрягается. Голубые глаза Филиппа смотрят цепко, иногда твердо и всегда решительно.

«Студент», – мысленно заключил Константин. – «Не знаю, почему, но, вопреки здравому смыслу, чувствую жажды к огромным деньгам у него нет. Пачки бабла, скорее всего, его интересуют меньше, чем остальных. Это романтик, всё его естество сегодня отдано идеализму. Филипп не откажется от комфортного жилища, хорошей машины, некоторой суммы наличности для повседневных нужд, но большего для себя не потребует. Или... я ошибаюсь? Потребуется, еще как потребует, однако только после того, как придет к своей Главной цели»

Костя сравнил Филиппа с собой в его годы: *«Десять-пятнадцать лет назад я тоже мечтал перевернуть мир, при этом деньги как таковые меня не интересовали»*. Хотя нет, еще как интересовали. Всегда хотелось сводить девушку в приличное место, подарить букет лучших цветов. Хотелось одеваться дороже, чем сверстники, ездить если не на своем автомобиле, то хотя бы на такси. После окончания института тянуло посмотреть мир, ступить на все континенты... Можно было составить длинный список желаний, каждое из них подмывало фундамент основной мечты, словно морская волна песочные замки. Потом, дабы удовлетворить очередное «желание», требовалось работать. И всё бы ничего, но мир не сказка и КПД нашей деятельности иногда

оставляет желать лучшего. Впахиваешь сутками, неделями, месяцами, а результата – ноль. Придумываешь что-то новое, снова впахиваешь, результат чуть лучше, но все равно не ах. И так далее. Реальность, в конце концов, подламывает светлые надежды, сводя смысл жизни к банальной погоне за заработком. И вот незаметно деньги становятся самоцелью. Конец юношеским грезам. А странная штука «сознание» спустя время шепчет: «не было у тебя мечты, дорогой мой, не было. А если бы была, ты б из кожи вылез, чтобы её достичь. Теперь вот сиди и не трепыхайся».

«Сломается этот парень или нет?» – размышлял Костя. – «Кто знает. На первый взгляд, от сотен тысяч молодых людей он ничем не отличается. А глубже заглядывать в душевный мир человека я не умею. Даже если и попытаюсь, мне каждая черта может показаться противоречивой. Поэтому не знаю, ждет ли его успех, но яркая, необычная жизнь — несомненно»

Филипп делал вид, что не замечает этого изучающего взгляда напротив. Однако спустя еще минуту ему надоело сидеть под «сканером»:

– Выходит, нет никаких шансов удержаться на рынке валют?

Костя продолжал неподвижно смотреть на Филиппа, словно гипнотизируя, затем вздохнул, убрал подбородок с руки и придвинулся к столу. Он привык быстро переключаться от мысли к мысли.

– Есть только три необходимых условия, чтобы действительно удержаться на валютной бирже. Первое и самое главное: личная дисциплина, устойчивость к чрезмерному азарту и способность обдуманно входить в рынок даже после серии крупных потерь. Это называется одним словом: психология. Второе, чуть менее важное, тем не менее, необходимое условие: наличие серьёзного стартового капитала. Я говорю не о смешных ста долларах или даже о тысяче. Я говорю о суммах значительно большего порядка. Например, сто тысяч. Такие деньги нужны, чтобы не торговать заемными средствами, то есть «кредитным плечом». Позже ты поймешь: маргинальная торговля для частного инвестора почти всегда путь к разорению.

Принесли еду. От тарелок струился ароматный пар. В глазах Кости читался голод, но, невзирая это, яство он к себе пододвинул медленно. Деликатно взял вилку, но, прежде чем приступить, обратился к официантке:

– Через десять минут повторите виски, пожалуйста.

Девушка кивнула, а Филипп почесал бровь.

– От хорошего виски голова не болит, – улыбнулся Костя. – Главное – знать меру и не смешивать с чем-то другим, например, вином или пивом. После виски сгодится только коньяк или, на худой конец, водка.

– Трудно поверить, но за свою жизнь я выпил всего одну стопку водки, – признался Филипп. – А виски вообще даже не пробовал.

– Тебе сколько? – поинтересовался Костя.

– Двадцать два.

– Студент?

– Студент. Эконома.

– Завидую. В свои двадцать два я не мог подобным похвастаться.

– Наверное, это было еще в девяностых?

Костя кивнул. Филипп отсек вилкой кусочек куриной ножки и с аппетитом попробовал. Нежное ароматное мясо растаяло, едва коснувшись языка. Вкус глотка виски после этого приобрел глубокий оттенок.

– Третье условие – специальное образование. Если оно есть, то не повредит, если нет, его отсутствие не станет решающим. А вообще, скажу по личному опыту: самообразование и непрерывное самосовершенствование важнее, чем диплом финансиста. Если не дано, человек и с корочками останется на уровне барана. В общем, образование как таковое играет важную роль, а то, как ты его получил, уже нет.

Костя пресыщенно отодвинул пустую салатницу.

– По интонации чувствую, это еще не всё.

– Условия закончились, остался маленький пунктик. Назвать его лишним нельзя, в некоторых случаях он даже важнее перечисленного, но о нем почему-то принято забывать или, по крайней мере, не всегда брать в расчет. Этот пункт называется «вероятность». Как человек, разбирающийся в цифрах, твердо заявляю: даже если у решившего-

ся стать трейдером будут наличествовать все перечисленные условия, заработка это ему не гарантирует. Его элементарно может постигнуть череда неудач. Цифры на время станут врагами. Такое бывает редко, но бывает. Однако у этого пункта есть и обратная сторона. Без капитала, без выдержки, без знаний простая удача может сделать человека богатым. Случается это еще реже, и, как правило, такие люди с верой, что они, дескать, фартовые, начинают откровенно наглеть. А фортуна такого не прощает.

– Я так понимаю, в этом бизнесе сложностей больше, чем каком-либо другом. Проще, я не знаю, строить дороги, создавать корпорации, податься в деревню разводить скот...

– Совершенно верно. Биржевиков напрасно считают счастливыми лентяями: они-де сидят себе, покупают, продают, чего сложного? Но знающие трейдеры в курсе, как тяжело даются деньги на этом поприще. Допустим, ты едешь на реальный рынок и вступаешь в обычные рыночные отношения. Там имеешь дело с одним человеком – продавцом/покупателем: хитрый он или прямолинейный, жадный или готов уступить, есть у него в кармане деньги/качественный товар или он создает видимость – все эти качества ты наблюдаешь, глядя ему в лицо. Играть на бирже – все равно что иметь дело с миллионом неисправимых хитрецов одновременно. Никогда нельзя предугадать, как они поступят дальше, когда, казалось бы, поступать нужно именно так. Движение цены создается совокупными действиями всех участ-

ников рынка, и даже если ты предугадаешь общий настрой, нельзя сказать, какова его степень и, соответственно, сила воздействия. Если трейдеру начинает казаться, что он может предугадывать, ему нужен немедленный перерыв – он заигрался. Никто никогда, вопреки теориям заговора, не может дать определенный прогноз по рынку. Его определяют миллионы факторов. Нужна сверхмощная вычислительная машина, хотя, мне кажется, даже она будет давать сбои.

– Может, у правительств или крупных корпораций есть такие машины?

– И они потихоньку гребут деньги с участников рынка... – Костя подхватил мысль.

– ...тем самым регулируя финансовую стабильность, – дополнил Филипп.

Костя пожал плечами, отодвинув тарелку.

– Маловероятно, но не исключено.

В кармане Филиппа коротко завибрировал телефон. Пришло сообщение:

«Филя, ты оставил включенной торговую прогу. Сейчас здесь вылезла табличка: „зафиксирована прибыль \$19“. Надеюсь, это хорошо?»

Прочитав, он убрал телефон и широко улыбнулся. Это была какая-то необычайно сильная улыбка, Филипп не мог ее подавить.

– Очевидно, что-то радостное? – спросил Костя.

– Моя первая сделка закрылась с прибылью. Я заработал

целых 19 долларов! От стодолларового депозита это 19 процентов!

Костя полез в карман, достал пачку сигарет. Потом суетливо спрятал обратно, вспомнив, что здесь курить нельзя.

– Поздравляю, – тихо сказал он, поднимая стакан. – Теперь я не смогу тебя остановить.

Выпили. Филипп чувствовал себя хорошо, но понимал: больше нельзя. Он предпочитал сохранять контроль во всех ситуациях. В это время приглушили свет, заиграла музыка. Люди со всех столиков посмотрели на сцену. Там заиграл квартет инструменталистов. Очень красиво, тихо и ненавязчиво. В помещении стало уютнее. Официант обходил столики, зажигая свечи.

В зал вошла девушка в черном платье. Футляр – ну кто придумал такое название? Его нижний край заканчивался гораздо выше колен, а на груди имелся широкий вырез. По мере приближения девушки, Филипп сумел разглядеть в этом волнующем вырезе золотистый кулон в виде большой буквы «К».

Костя проследил за взглядом Филиппа и, едва заметив девушку, бросился к стулу. Это была Кира. В вечернем туалете Филипп её не узнал. Шикарная темноволосая сероглазая кошечка, оказавшись напротив, заставила неискущенного столь открытой красотой парня сходить от нее с ума. Хорошо, что в зале сменился свет, иначе все бы заметили покрасневшие щеки Филиппа.

– Ну как, Костя уже рассказал обо всех недостатках Форекса? – спросила она.

– Полагаю, что да, – преодолевая робость, сказал Филипп. – Хотя, на мой взгляд, недостатки Форекса можно перечислять бесконечно.

Костя усмехнулся, сделав глоток виски.

– И что ты намерен делать? Продолжить или все-таки остановиться? – допытывалась Кира.

– Я намерен превратить каждый недостаток в достоинство и не останавливаться, – патетично ответил Филипп. – Как ни странно, отговаривая, Константин не учел, что запретный плод сладок. Лучше бы он начал настойчиво восхвалять, это бы навело хоть тень подозрений.

С появлением Киры разговоры о Форексе прекратились. Вечер проходил замечательно. В машине Кира показалась Филиппу молчаливой, излишне холодной, но за ужином её словно подменили. Здесь она была открытой и разговорчивой. Однако холодок в ней остался – словно тонкий ледяной ветерок, его он и чувствовал. Это незнакомое чувство волновало. Позже, когда лед обратится в пламя, он поймет, насколько непредсказуемы женщины и как неоднозначны чувства.

Квартет продолжал играть. Шел первый час после полуночи. Костя был хорош. Сытый, довольный и пьяный, он сидел и улыбался. Кира к спиртному не притронулась, хотя сказала, что иногда может позволить себе бокал вина, но только

у себя дома или в гостях у подруги. Завтра ей предстоит проехать пятьсот километров по загруженной восточносибирской трассе. Она сказала, что в виде исключения вполне могла бы выпить и сейчас, но – чувство личной ответственности и всё такое. Мужчины не настаивали, и официант подал к столу заварник, от которого исходил аромат превосходного чая.

– Мне больше не наливать, – пробормотал Константин. Затем, шатаясь, вышел из-за стола и отправился в туалет.

Кира с Филиппом остались вдвоем, друг напротив друга. – Ты неплохо развит для своего возраста, – заявила она.

Филипп решительно взглянул на ее красивое лицо, ожидая продолжения столь непредвиденного комплимента.

– Парнишки твоего возраста только и думают, куда пристроить то, что у них ниже пояса, а в тебе проявляются амбиции зрелого мужчины.

– Кто сказал, что я об этом не думаю? – удивился Филипп. «Откуда она знает про мои амбиции?» – Просто желания умею скрывать. А если серьезно, морально я действительно более зрелый, чем свидетельствует дата рождения в паспорте. Это замечают окружающие, замечают и я, еще лет с семнадцати.

– Даже твоя речь, она нетипична для большинства людей. Наверное, много читаешь?

– Всякие интернет-блоги. Цитаты люблю читать.

– Не смейся. Цитаты он любит читать... Здесь как мини-

мум беллетристика.

Филипп не стал говорить, что книги – его давняя страсть. На первом-втором курсах он был частым гостем двух библиотек, университетской и городской. Потом у него появился компьютер.

– Ну, а вашему умению водить машину позавидует всякий мужчина. – Филипп тоже решил ответить комплиментом, хоть знал: такой подход тривиален. – Настолько красиво и аккуратно водить, я не знаю...

– Когда мне было семнадцать, папа подвигнул меня сесть за руль. Я жутко боялась его огромной серебристой иномарки. Мне было не понятно, как можно управлять таким кораблём. Но стоило тронуться – страх прошел. Это была типичная американская машина: большой салон, угловатый кузов, мощный прожорливый двигатель. Тогда, чуть надавив на педаль, я ощутила необъяснимое чувство свободы. В восемнадцать я сдала на права и ездила на папиной машине почти регулярно. Потом появилась своя...

Филипп слушал, желая узнать, сколько лет ей сейчас, но кто-то придумал, что спрашивать девушку о возрасте грубо. И он никогда не понимал, с какой стати? Спросив женщину, можно обидеть случайным напоминанием о годах, но девушку, ровесницу... Нельзя применять эти правила для всех возрастов.

Едва он отважился, она призналась сама:

... -Сейчас мне двадцать шесть, и за восемь лет я разменя-

ла почти пять сотен тысяч километров. За это время со мной случилось две незначительных аварии, никто не пострадал, но урок я вынесла на всю жизнь.

Алкоголь в голове Филиппа, как варвар громадным мечом, уничтожал остатки стеснительности, помогая набраться смелости для более личного вопроса.

– Константину повезло встретить такую красавицу. Я женился, не раздумывая.

Она бросила взгляд на Филиппа быстрее, чем сделала бы это при других его словах. Затем прищурилась и незаметно кивнула. Кира пыталась понять, что успел рассказать Костя до того, как она появилась в ресторане. Но бесхитростные комплименты и наивное выражение лица Филиппа позволили сделать вывод: ничего особенного.

– Костя не мой парень.

Филипп хотел что-то ответить, но Кира снова опередила:

– Знаю, так могло показаться. И все так думают. Но он не мой жених, а я не его невеста. – Она привлекательно улыбнулась и смолкла.

Филипп растерянно посмотрел на нее, потом на спинку пустого стула, где сидел Костя, и попросил у «варвара» еще храбрости:

– Я полагал, дружба и деловые отношения между мужчиной и женщиной – сказки. Вы ведь днями и ночами почти неразлучны. – Затем окончательно осмелел: – Или у вас всё происходит чисто технически?

– Считай, получил пощёчину! – строго сказала девушка. По хребту Филиппа пробежал холод, «варвар» тотчас трусливо дезертировал. Она же, помолчав, сказала: – Действительно, сказки. Но между нами, к счастью, вообще всё по-другому.

– Не понимаю.

– Просто у каждого свои предпочтения. Хорошо, что у нас более-менее свободное общество, позволяющее неординарным людям выражать себя во всех направлениях, в том числе сексуальных.

Вот так поворот. От Филиппа даже ушло приятное чувство опьянения, когда сознание обработало значение этих слов. Он дал себе зарок, что встанет и уйдет, если на следующий его вопрос она ответит «да».

– Он гей?

– Да.

Кира поднесла кружку с чаем к губам. Все-таки у нее потрясающие пальцы и маникюр.

Филипп не встал и не ушел. Он слышал, как усиливался некий воображаемый звон в его голове. Не спасал даже квартет, исполнявший в этот момент громозвучную мелодию.

Появился Константин. Он вошел в зал, покачиваясь, но, рассмотрев в приглушенном освещении нужный столик, четко, как ледокол, взял курс напрямиком к нему.

Несколько минут назад Кира была чужой, недоступной. Теперь в глазах Филиппа мелькнула иллюзорная надежда.

Он спросил себя, насколько она ему нравится по десятибалльной шкале, и ответил – десять! Потом подумал и снизил оценку на два балла. Все-таки нужно оставить место для несуществующего идеала. Затем брезгливо взглянул на Константина, успевшего подойти, и, побаиваясь, что голубая чума перекинется и одолеет, немного отодвинулся.

Официантка принесла счет. «Вторая причина, по которой я не встал и не ушел», – подумал Филипп, извлекая из бумажника тысячу рублей. Костя замахал руками и достал свой бумажник, но Филипп настоял. «Не хватало еще, чтобы человек нетрадиционной ориентации расплачивался за меня в ресторане», – подумал он и фальшиво ему улыбнулся. Требовалось немедленно прощаться. Нужен был срочный предлог. Быстро найдя целых три, он отыскал в глазах Киры подсказку: не уходи.

– Что-то мне нехорошо, – буркнул Костя, оглядев присутствующих мутным взглядом.

– Тебе пора в номер, – сказала Кира.

– А как же мой друг?... ик!... ой...

– Я не обижусь, – сказал Филипп, стараясь не смотреть на пьяного гея.

– Видишь, он поймет, – поддержала Кира. – И я скоро поднимусь.

– Но... – Костя пытался вставить очередное несущественное возражение, однако Кира с какой-то странной грубостью прервала его:

– Живо, говорю!

Костя встал, неуклюже споткнувшись о ножку стула. Двумя руками Филипп машинально помог сохранить ему равновесие.

– Спасибо, – сказал он, протягивая Филиппу руку.

– Всего хорошего, – ответил тот и слабо пожал его ладонь.

– Нет, тебя нельзя отпускать одного, – со вздохом произнесла Кира. – Филипп, посиди пять минут, я провожу его до номера.

Филипп кивнул. Он смотрел им вслед до самого выхода. Даже в университете девушки с такой потрясающей фигурой – настоящая редкость. А до чего роскошные ноги! Пульс учащался.

«Вернется. Ради кого? Ради меня! Ей ничего не стоило попроситься и уйти вместе со своим пидорковатым другом, а она просит подождать!»

Едва они вошли в лифт, пьяно покачивающийся Костя преобразился, расправил плечи и с улыбкой чуть ли не до самых ушей трезвым голосом произнес:

– Он поверил?

– И воспринял ближе, чем надо, – ответила Кира. – Парень расстроен. Первый гуру в его любимом деле оказался педерастом. Такое, знаешь ли, нелегко принять.

– Ничего, – успокоил Костя, – осталось немного. Последняя ступень проверки.

Прислонив ладонь к крепкой, как спелое испанское ябло-

ко, попке Киры, он, засмеявшись, сказал:

– Не могу представить себя геем!

Лифт остановился. Костя вышел в коридор и обернулся:

– В общем, ты поняла: общайтесь, но недолго. Затем попроси его подняться ко мне.

– А ты не боишься, что когда он поднимется, то даст тебе по морде, прежде чем ты начнешь? Он худенький, но крепенький. И наверняка уже нафантазировал себе «истинных» мотивов твоей сегодняшней навязчивости.

– Ну, и я не промах, – усмехнулся Константин и, просунув руку в лифт, нажал кнопку первого этажа.

Через минуту Кира вновь сидела за столиком.

– На протяжении жизни мы получаем уроки, – философски изрекал Филипп, глядя поверх столов с зажженными свечами. – И почему только эти уроки горьки на вкус?

– Я знаю мало уроков, оставляющих после себя ощущение сладости, – отвечала Кира. – Но такова цена опыта.

– А ведь я почти начал уважать этого человека, – сказал Филипп и на этом закончил. В общении с Кирой он решил больше не касаться этой темы.

Беседовать было не о чем. Всё в ее голосе говорило: пора. Филипп это понял.

– Был рад общению! – Он поднялся и в лучших традициях подал даме руку.

– Кстати, чуть не забыла. Костя просил тебя зайти на минутку.

Филипп выпрямил спину.

– Зачем?

– Какой-то архиважный совет по торговле.

Филипп молчал.

– Ты что, боишься?

– Я? Его? Нет. Просто... как-то... А что там за совет?

– Не знаю. – Её тон резко изменился: – Не думала, что в тебе столько предрассудков. – Звучало даже немного обидно.

– Правда, чего это я? В любом случае, взаимной любви ему от меня ждать не стоит, – плоско пошутил Филипп и кивнул: – Если по торговле, то ладно. На каком этаже его номер?

– Я провожу.

В лифте он размышлял, какой рукой ударить, если гей начнет приставать. Левой Филипп почему-то бил точнее, при том, что правша. Правой быстрее.

«А может, вообще херануть ногой?»

Дверцы разъехались. Кира вышла первой и, свернув направо, цокая каблуками, направилась по коридору. Филипп шел за ней, напоминая самому себе ослика, которого ведут непонятно куда.

– Костя здесь, – сказала она, постучав в номер 316.

Дверь открылась спустя пять секунд. Константин был в той же рубашке и джинсах. Лицо посвежело. Может, макияж? Кто знает этих геев...

– Филипп, зайди на секундочку, – сказал он совершенно

трезвым голосом, будто четверть часа назад в ресторане сидел другой человек. И только это обстоятельство удержало Филиппа от кардинальных действий. Он понял: тут что-то не так. Вошел. Дверь закрылась, Кира осталась снаружи.

– Ты ведь поверил? – с прищуром поинтересовался Константин.

– Давай уточним, во что именно?

– В то, что я гомосексуалист. Когда я отходил по нужде, Кира запустила эту байку. Сказала, будто я предпочитаю мужчин. Ты поверил?

Филипп сделал глазами круговое движение и сказал:

– По мне ведь заметно. Конечно, поверил. Что мне оставалось делать? Причин сомневаться в ее словах у меня не было.

– С человеческой стороны это и правильно, – кивнул он. – Но вот если бы ты оценил это всё холодными глазами трейдера... Ведь это был пример самых что ни на есть ложных новостей. Такое часто бывает в торговой практике. Ты должен проверять любую информацию, которую тебе преподносят. Минимум два источника. В данной ситуации резонно было спросить меня самого, а ты взял и ошетинился на свои же домыслы. На иллюзию, созданную в голове. Тебе впахнули лажу, а ты так легко доверился. Да ты просто легкая добыча для девушек из дилинговых центров!

Филипп приложил ладонь ко лбу. Ему было стыдно, ведь он действительно презирал человека не за факты, а за мысли, кружившиеся в собственной голове. К нему никто не при-

ставал, не разрывал рубаху, ему просто «впихнули лажу». Он ощутил острую нехватку опыта. Опыта, который просто необходим для будущей торговли.

– Человеку можно сколько угодно объяснять и рассказывать, можно заставить прочитать тонну книг, сравнить с чужим опытом – всё не то. Драматический пример – вот что по-настоящему врежется в память.

– Я выгляжу дураком.

– Ну, что ты, разве может ученик, только вставший на путь обучения, быть дураком? Сейчас тебе простительно.

Константин развернулся, прошел в комнату. Гостиничный номер был отличным. Может, не самым дорогим в этом отеле, но качественным.

– Это еще не все, – сказал он, держа в руках лазерный носитель. – Я занимаюсь распространением DVD со своими уроками, ты их сегодня видел на столе у Киры. Так вот, на тех дисках записи моих выступлений, где я рассказываю, как заработать на рынке Форекс. Несколько однотипных лекций. Те диски я продаю массово и не только из рук в руки, также их заказывают через интернет. Но вот это, – Костя крутанул на пальце лазерный диск с черным оборотом, – информация принципиально иная. Такие диски я не продаю, их получают люди, которых я считаю перспективными. Лично из моих рук, – и протянул диск Филиппу. – Там все, что должен знать трейдер. Не та красивая информация, на которую априори должна повестись масса, а информация, како-

вую должен знать любой профессионал рынка.

– Общаться с вами – значит получать ценные данные. С той минуты, как я пришел на вашу лекцию, я словно нашел клад. Вы настоящий учитель. Спасибо. – Филипп взял диск и очень аккуратно втиснул во внутренний карман.

Для Константина эти слова приятнее любых денег.

Филипп вышел в холодную сентябрьскую ночь, взял такси и поехал в общагу. Побарабанил в дверь, выслушал ругань сонной дежурной, извинился и взмыл на этаж. Оказалось, незыблемые правила общежития не такие уж незыблемые.

Глава четвертая

Торговля на рынке Форекс постепенно вытесняла из жизни Филиппа занятия, которые еще недавно скрашивали его скромный студенческий досуг. Мало гулял, перестал совершать гостевые визиты в комнаты однокурсников, подолгу слушать музыку. Прекратил смотреть фильмы, читать художественную литературу, бесплодно серфить по интернету, регистрироваться и часами торчать во всевозможных социальных сетях. Теперь свободное время он проводил за терминалом.

В один из торговых дней, когда ожидание фиксации очередного результата по паре евро/доллар измучило его целиком и полностью, он решил заключить вторую параллельную сделку по паре фунт/доллар. Затем, с интересом наблюдая за суммарным результатом, ударился в поиск закономерностей движения валютных цен. Впервые пришла мысль, что наверняка каким-то образом можно предугадать движение той или иной котировки на основе движения котировки другой.

В процессе наблюдения за рынком эта теория то находила подтверждение, то теряла его. Однако Филипп знал: в этом есть смысл. Определенно, какие-то валютные пары по истечении времени повторяют движения своих «сподвижников», имеющих одинаковый базовый актив. Еще он почуял, что,

применяя умелое распределение рисков, можно вести практически безрисковую торговлю. Одна эта мысль обеспечила хорошее настроение на несколько дней вперед. Казалось, до разгадок закономерностей Форекса уже можно дотянуться рукой.

К концу сентября его счет вырос до двухсот долларов. Стопроцентный прирост не мог не радовать. Сосед по комнате, Мешок, в часы особой волатильности поворачивал нос в сторону дисплея ноутбука и вместе с Филиппом следил за движением цен. Как потом установил Филипп, практически каждый торговый день можно наблюдать сильные движения по всем основным инструментам. Эти «рывки» происходят в разное время, иногда до, иногда после выхода новостей, но бывает и так, что резкое движение цен ничем не обуславливается. Нет никаких видимых факторов, а рынок вдруг начинает скакать. Потом внезапно, словно измотанный конь, успокаивается и, как минимум, сутки идет в боковом направлении.

Именно такие затяжные боковые движения начали раздражать Филиппа. Они практически не давали возможности быстро отыграть убыточные предыдущие сделки, каковые к тому времени уже начали появляться. Как только на графике образовывались «ступеньки» разрывом более чем в сутки, он немедленно находил другую валютную пару. Ступеньки хороши для больших капиталов и долгосрочных позиций, когда сделка может вариться неделю, месяц. С двумя сотня-

ми долларов при такой стратегии ощутимо не заработаешь. Единственный вариант – жесткий скальпинг усиленным лотом. Тем более тактика быстрой торговли уже принесла сто процентов прибыли менее чем за три недели.

Вечером седьмого октября выпал первый снег, тут же превратившись в унылую кашу. Темнело, но лампы на фонарных столбах не зажигались. Филипп смотрел в окно на мокрую улицу, грязные бока машин и согнувшихся под ветром людей. Он уже почти впал в меланхолию, когда послышался звук открывания дверного замка – Мешок вернулся с вечернего променада. Шумно разувшись, друг вошел в комнату и, щелкнув выключателем, зажег свет.

– Сидишь в полумраке, смотришь на грязную осень. Знаешь, дружище, так недолго и депресняк поймать.

Не отворачиваясь от окна, Филипп поднял глаза; в отражении стекла Мешок хорошо просматривался. Однозначно, за лето в этом толстяке что-то изменилось. Изменения в движениях, в голосе. Стал серьезнее. Как уже отмечал Филипп, Михаил неуклонно «эволюционировал», но самое интересное, развитие не прекратилось, оно продолжалось и по сей день. Радостно наблюдать, как из инертного «мячика», пинаемого жизнью, получается человек. Что побудило? Может, влюбился в однокурсницу? Допустимо, но нет: сто раз бы уже проболтался. Может, загорелся мечтой? А может, просто понял: жить оболтусом больше нельзя.

– Что молчишь? Как там твой Форекс? Сегодня по радио слышал, что доллар шарахнул вверх.

– Скорее, рубль шарахнул вниз.

– Это из-за политики? Запад наваливается со своими экономическими ограничениями?

– Похоже на то. Но мне кажется, в России кому-то и без того выгоден подешевевший рубль, – ответил Филипп. – Вдобавок падает цена на нефть.

– Это связано?

– Сильнее, чем кажется. – Филипп повернулся и сморщил лицо: – Ты вроде тоже на экономическом учишься, или я чего-то не догоняю?

– Учусь, но не понимаю, зачем, – разведя руками, признался Мешок. – Чтобы потом размахивать дипломом о высшем образовании перед всякими кретинами, умоляя прийтись хоть на какую-то должность. Ради этого я и полстраны таких же просиживаем штаны по пять лет. Мы, экономисты, еще ладно, для нас хоть какая-то вакансия всегда найдется. Циферки считать везде надо. А взять вон юристов: их как грязи, в кого ни плюнь – юрист. И шагает весть такой важный, как гусь. А ведь подавляющее большинство этих гусей, попроси их перечислить основные признаки конституционного строя в демократическом государстве, ответить не смогут. Даже одного не припомнят. Остальные, те, кто хоть чуть-чуть что-то знает, сперва подумают, лишь потом нетвердо ответят. Вот такая наша сегодняшняя гуманитария. С тех-

никами чуть лучше, их профессия обязывает, но, в целом, картина та же.

– Ух, вскипятился! Сегодня что, один из преподавателей снова не в настроении?

Мешок отмахнулся, сказав холодно:

– А что, я не прав?

– Прав, – согласился Филипп. – Ты тоже знаешь мое отношение к системе современного образования. Наши мнения на этот счет во многом совпадают. Я учусь ради корочек, отдаю себе в этом отчет и не стыжусь. Но мне легче: процесс обучения меня затягивает, а экономическая тематика близка. Хотя, будь моя воля, пять лет жизни я бы на это не тратил. Максимум два. Что поделать, мы вроде как должны пройти основные рубежи, установленные социумом.

– Ничего не поделаешь. Да и хрен с того, я жрать хочу, – сказал Мешок и направился к холодильнику.

Филипп уселся за стол и вывел ноутбук из спящего режима. На черном фоне терминала изгибалась зеленая змея графика.

– Кстати, как успехи в торговле? – слышался сквозь шум электрочайника чавкающий голос Мешка.

– Пока есть куда стремиться. Сегодня вел четыре сделки одновременно.

– Ничего себе! Счет растет?

– Недавно взял убыток по двум вчерашним сделкам, каждая почти по двадцать долларов. Если бы не они, на счету

было бы три сотни.

– А сейчас незафиксированный результат есть?

– Две позиции по десять со знаком плюс. Однако сегодня пятница, рынок закрывается через несколько часов. Я не успею подняться до трех сотен, хотя на этой неделе хотелось.

– Ты и так в плюсе более чем на сто процентов. Это же круто!

– Правда? – машинально спросил Филипп.

– Таких процентов ни один банк не предоставит. Если только за десять лет. Бесспорно, круто!

– Зато банк так не рискует. У меня нагрузка на депозит зашкаливает, а по всей технологии успешной торговли это никуда не годится. По крайней мере, вопрос времени, когда мой счет будет сожран.

– Тогда зачем так рискуешь?

– Обкатываю разные варианты. Следующую неделю буду осторожнее, вдвое снижу объем. А потом еще вдвое – и так, пока не найду для себя комфортную ставку.

Мешок налил себе чаю и завернул сосиску в лаваш. С этим джентельменским набором он встал за спиной Филиппа и уставился на дисплей.

– Не чавкай, – потребовал Филипп. Мешок затих, но через несколько секунд шумное, правда, чуть более сдержанное движение челюстей продолжилось.

– Круто, – пробурчал он с набитым ртом. – Сто пятьдесят

баксов чистой прибыли. В рублях чё получается?

– Около шести тысяч.

– Весело! Выходит, если бы ты со штукой играл, сейчас две с половиной было бы? А в рублях чистой прибыли – шестьдесят?

– Скорее всего, нет.

– Почему?

– Сложности психологии. Мне пока тяжело ворочать десятками тысяч, нужно научиться контролировать себя на небольшом депозите, и только потом постепенно наращиваться. – Филипп неуклонно следовал советам Константина Фихмовского из видеолекции для «избранных».

– Зачем в Форексе психология, это ж не в покер играть! – усмехнулся Мешок. – Вот там – психология, там – напряжение. А здесь – вот график, вот сделка, все карты открыты, просто сиди и смотри...

– Балбес ты, Мешок. Это не просто «сиди и смотри». Я недавно читал: «страшнее биржи разве только война». А покер – это игра. Не спорю, порой напряженная, но, тем не менее, игра. Где ты проигрываешь изначально, даже если тебе какое-то время везет. Да и проигрыш там, как правило, ничему не учит: пошел, проиграл еще. А здесь – сделал вывод, поменял тактику и – зарабатывай.

– Нифига, Филя, ты не прав. В покере тоже подняться можно.

– Если только ты везунчик, и в первый же день выигры-

ваешь сумму, и при условии, что больше к столу не возвращаешься, то – да, подняться можно. Но, в конце концов, игра тебя обязательно нагнет.

– Ну тебя!

– Повторяю, тактика только одна: выиграл, свалил и забыл туда дорогу.

– А Форекс разве не казино? По-моему, такое же казино, только с другими правилами.

Филипп обернулся, критически оглядев Мешка. У него на подбородке висел кусочек сосиски. По нелестному взгляду Филиппа Мешок это заподозрил, засуетился и начал отряхиваться.

– Да не там, кретин, правее! – радостно поправлял Филипп.

– Но ведь казино! – не утомился Мешок. – Только тут ты сам себе проигрываешь, а за столом – кому-то.

– Я бы привел тебе доказательства того, что это не так. Но, по праву собственного нежелания, делать это не буду. Просто пойми: биржа – не казино, а работа на ней – не игра.

– Почему не игра? – удивился Мешок. – Ведь многие на вопрос «где работаешь» отвечают: «я, мол, на бирже играю».

– Играть можно во что угодно. Можно, будучи лидером страны, играть со своим народом, будучи астронавтом, играть на программном обеспечении шаттла – это уже зависит от твоего личного подхода. Но игры есть игры, а работа есть

работа. Действительно, к бирже можно походить как к игре, но это означает априори поступать безотчётно. А что касается покера, изначально покер – это игра, созданная для хорошего времяпровождения и развлечения, но к системной работе не имеет никакого отношения. You understand me?

– I understand you.

– Так-то лучше.

Мешок дожевывал сосиску и смотрел в монитор. Конечно, он всё понимал. Но вот уже месяц плотно сидел «на игре» и ничего не мог с собой поделать.

Филипп поплелся к холодильнику и, последовав примеру Мешка, организовал себе легкий ужин, выпил чаю. За окном вновь закружил мокрый снег. Фоном работал телевизор. По коридору бесконечно топтались студенты. Все почему-то либо громко разговаривали, либо смеялись.

– Какие планы на вечер? – спросил Мешок, разлегшийся на кровати.

– Время восемь? – уточнил Филипп, посмотрев на часы. – Планы такие: пойду, наконец, прогуляюсь, свежим воздухом подышу. Тебе бы тоже не помешало еще разок растряссти свой жирок.

– Ты мой жирок, приберегаемый для черного дня, не трогай.

– С такими запасами черный день может тянуться хоть целый год.

– Кстати, я вот о чем предупредить хотел... Наверное, се-

годня ночевать не приду, – вкрадчиво сказал Мешок, ожидая реакции Филиппа.

– Опять бухать? Тебя позавчера всю ночь не было, с понедельника на вторник тоже не приходил. Ты в этом году решил поставить рекорд по срокам, когда тебя начнут отчислять из университета?

– Да нет, – уклончиво ответил Мешок.

– В чем дело? – уже серьезно спросил Филипп.

Мешок хранил молчание. Было заметно: он решается в чем-то признаться, но решение дается нелегко. Филипп перешел к тактике допытывания:

– У тебя появилась девушка?

Мешок тяжело вздохнул.

– Разгружаешь по ночам вагоны?

Мешок кисло посмотрел по сторонам.

– Может, ты наркоман?

– Ну тебя в задницу! – разозлился Миша. – Играю я.

– Во что, в прятки?

– В хуятки. В покер!

– М-м-м, вот почему ты про покер заговорил, – догадался Филипп. – Ну, и чего такого? Играй на здоровье, мне-то что? Просто я должен знать, кто живет со мной в комнате. Не бандит, не наркоман, не сектант – и ладно. А покер – чё покер? Хорошая игра. Сам, правда, не умею, но говорят, интересно.

– Вот и я говорю: интересно! – оживился Мешок, привставая с кровати. – Позавчера, представляешь... – И начал рас-

сказывать историю, приключившуюся за игровым столом. Как «шла карта», как игроки поразевали рты, и всё в таком духе. Филипп слушал восторженную речь, не вникая. А под конец Мешок выдал:

– Пошли сегодня со мной? – и взглянул на друга молящим взглядом котика из мультфильма.

– Брось, – отмахнулся Филипп. – Ты знаешь, я не люблю азартных карточных игр. Даже в дурака никогда не играл, не умею.

– Просто посидишь, посмотришь. Там просторный зал, напитки бесплатные. Побудешь, расслабишься. Утром вернемся. Завтра суббота, спешить некуда.

– Мешок, успокойся, я чураюсь подобных мест.

– Тебе понравится. Там девушки красивые, многие из них не прочь познакомиться. Да и приятно знать, что за спиной будет свой человек. К тому же с тобой не скучно.

Что говорить, Мешок умел подкупать добрым словом. Забирались.

К ночи на улице похолодало. Слякоть подмерзла, утратив омерзительный вид, какой она имела еще ранним вечером.

Преимущество полумиллионного города советского образца – компактность. Они проехали несколько остановок на последней маршрутке, насквозь пересекли пять дворов и в короткий срок оказались в нужном месте. Пятиэтажная хрущевка ничем не выделялась среди многих других.

– Вход с торца, – предупредил Мешок, кивая в нужную

сторону.

Деревья скрипуче покачивались на ветру. На их голые ветки падал свет из окон квартир. Под козырьком – дверь, по всей видимости, открывающая путь в подвал. Мешок достал телефон и принялся отыскивать номер в списке контактов. Филипп посмотрел по сторонам: на противоположных углах здания, на уровне второго этажа закреплены камеры, углы их обзора перекрещиваются. Контурь стеклышек едва подсвечивались красноватым: значит, оператор видит и в темноте.

– Нас двое, я и мой друг. Да, за него ручаюсь, – проговорил Мешок в трубку и убрал ее в карман. – Сейчас откроют.

Дверь хорошая, фирменная, не такая, как в подъезды: и петли шире, и зазоры в миллиметр, ломиком не подденешь. Плюс ко всему – беспристрастное наблюдение ведет линза видеоглазка. Там внутри что-то пикнуло, и замки открылись. Сервоприводы откупорили суперсовременную дверь, призывая войти.

– Сама открывается? – удивился Филипп.

– Неожиданно, согласись?

– Как-то излишне наворочено. Интересно, что там внизу?

Только они начали спускаться по ступенькам как, теперь уже за спиной, раздался зуммер и дверь плотно закрылась. Внизу ждала еще одна дверь, простая, из листа железа, наскоро окрашенная тонким слоем серой эмали. Изнутри её открыл плотный лысый мужчина. Украшенное несколькими

давними шрамами суровое лицо улыбалось.

– Здравствуйте, ваш друг впервые?

– Впервые, – кивнул Михаил.

– Хорошо. Куртку и пальто оставляйте на вешалке и проходите.

Слышалась музыка, ненавязчивая, почти незаметная. Стены – по сути, гипсокартонные листы – окрашены в глубокий вишнёвый цвет. Светильники, стилизованные под старину, испускали свет интенсивностью всего в несколько свечей. На полу голубой ковролин. Тот, кто работал над интерьером этого помещения, явно не перетруждался.

Мешок гордо, как павлин, шел впереди. На его сияющем лице читалось: «я здесь завсегда, я всё знаю, все вопросы ко мне. Нет вопросов? Жаль. Очень хотелось ответить»

Помещение, хоть и подвальное, но сухое и теплое. В большом зале, где заканчивается коридор, расположен бар. На стеллажах – несколько видов соков, газировки, пива, сигарет. За стойкой барменша – неприметная девушка-мышка с туго собранными волосами и пустой улыбкой. Посредине – стол для игры в рулетку, над ним на тонких проводах – два грибовидных абажура. Игроков нигде нет, лишь скрупулезно составленные столбики фишек, кости и кричащий «крутани меня!» барабан.

Откуда-то возник администратор.

– Во что желаете поиграть? – спросил парень в жилетке и красной бабочке.

– Как обычно, в покер, – сказал Мешок.

– А вы? – обратился к Филиппу.

– А он понаблюдает, – поспешил ответить Мешок.

– Прошу за мной. За одним из столиков как раз ждут четвертого игрока.

В конце зала, за плотной шторкой располагался игровой стол. Михаил быстро присоединился к игре, а Филипп присел на диванчик в нескольких метрах. Уже скоро ему надоело смотреть на то, как люди сходят с ума. К тому же он не знал правил.

Филипп поднялся и вышел в большой зал. В баре ему налили стакан бесплатного сока, с которым он сел напротив телевизора. Показывали «Камеди-клуб», шоу на дух не переносимое, однако он дернул бровями, пожал плечами и стал смотреть. Но внимание отвлекло другое: следующие несколько минут из-за шторок напротив то и дело выбегали люди, расплачивались с барменшей и стремглав убегали обратно.

– Что у вас там? – спросил Филипп у администратора, когда тот проходил мимо.

– Комната игровых автоматов. Хотите присоединиться? Там общий джек-пот набежал немалый.

– Пожалуй, загляну.

Игровой автомат Филипп видел только в кино. Острого желания играть не было, разве что пожертвовать рублей сто для удовлетворения легкого интереса.

– Тогда выбирайте автомат. Оплата производится за ба-
ром, один рубль равен одному кредиту.

– А какова минимальная сумма внесения? – поинтересо-
вался Филипп, нащупывая в кармане деньги.

– Можно хоть рубль, но, сами понимаете, это будет не иг-
ра. Обычный минимум сто рублей. Хотя и с такими деньга-
ми не разыграешься. Тем не менее, как знать: однажды при
мне с двух сотен джек-пот завалили...

– Я лишь попробовать, – остановил Филипп доверитель-
ную речь администратора, которая наверняка была рассчи-
тана на усыпление бдительности.

По габаритам комната в два раза больше той, в которой
остался Мешок. Справа, слева и впереди, образуя бук-
ву «П», стояли железные искусители. Отображая названия
игр, экраны ярко светились цветными табличками. Играю-
щие были настолько увлечены процессом, что даже не обер-
нулись в сторону новенького.

Филипп, призадумавшись, занял свободный автомат. Он
не понимал, что к чему и какие нажимать кнопки. На по-
мощь пришел админ, он вкратце объяснил суть, и Фи-
липп запустил игровую машину. Имитация барабана пришла
в действие, торопливо сжигая жалкие сто кредитов. Несколь-
ко раз выпадали линии «вишенки», «апельсинов», накиды-
вая на счет по несколько десятков кредитов, но, несмотря
на эти подачки, через три минуты от ста рублей не оста-
лось ни копейки. Общий джек-пот, объединяющий автома-

ты, подходил к значению тридцать тысяч и, судя по верхней планке в тридцать две, должен был вот-вот отдаться. Игроки самозабвенно лупили по кнопкам. Грянь хоть Апокалипсис, сейчас они его не заметят, а если кто и отвернется от заветного барабана, то только ради того, чтобы прикинуть, успеет ли он сорвать долгожданный куш раньше, чем небо обрушится на землю. Окружающая действительность для этих людей не существует, пока в нижнем левом углу мелькают цифры. Как только поле станет свободным, мир вернется, а сознание завибрирует злостью и колющей жаждой взять реванш. Наркомания.

Филипп не опечалился ни на секунду, поняв, что сотня ушла в никуда. Зато лохотрон был опробован в деле. Вернувшись на диванчик, он продолжил смотреть телевизор. Вскоре Мешок, а с ним еще трое игроков вывалили из зала.

– У нас перекур, – заявил Миша, подсаживаясь к Филиппу. На лице искрилась улыбка.

– Как успехи?

– Замечательно, Филь, просто замечательно! – воскликнул Мешок, затем заговорил шепотом: – Среди них играть умеет только тот, длинный, но его тактику я уже раскусил. Остальные в покере полные профаны. – Потом сказал тихо: – Зато деньги есть у всех, и, судя по тому, как играют, готовы с ними расстаться.

Мешок сходил покурить, после проскользнул в игровую.

Часы показывали два ночи. Филипп начал сожалеть, что

отправился в это дешевое логово игрового разврата. Сплошная растрата времени. К тому же, где обещанные девушки, что не прочь познакомиться? Где?

Мешок выскочил из-за штор ровно в половине третьего. Краснощекий, с блестящим лбом и победной улыбкой. Следом с каменным лицом шел длинный. За ним двое, по их выражениям лиц видно отчетливо: проиграли.

– I won, – сдержанно произнес Мешок.

– Поздравляю, – кивнул Филипп. – Я не удивлен, ибо не сомневался. Уходим?

Мешок плюхнулся на мягкий диван, облегченно вздохнул и только потом ответил:

– Дай перевести дух. С такими деньгами сегодня нет смысла возвращаться в общагу.

– Ты прав. Закажем лимузин и рванем в самый дорогой клуб сорить деньгами. Ты о чем? – покосился Филипп, полагая, что речь идет о двух-трех тысячах. Но Мешок сегодня играл по-крупному, по-крупному и повезло.

– Тридцатка! – торжествующе изрек он.

– Ладно тебе!

– Seriously! Сейчас фишки обменяют на деньги.

– Обалдеть, Мешок! – Филипп проводил взглядом понурых типов, что брели к выходу. – Нет, лимузин, конечно, не закажем, но и пешком до дома идти не придется.

– Умение чувствовать карту не пропьешь и не просрешь, – похвалился Мешок. – Давай-ка подумаем, куда сегодня по-

ехать?

– Есть круглосуточная пиццерия. Пара ночных кафе.

– Это само собой, – сказал Мешок. – Я не о том.

– ?

– Ты чего, Филя? Я имею в виду изысканный досуг.

– Ах, это... Тогда вопрос не ко мне, я номеров не знаю.

– Найдем, – гарантировал Мешок и отправился за выигрышем. Ему выдали деньги, и он вернулся на диванчик. С лица уже сошла краснота, но улыбка по-прежнему оставалась.

В зал вошел какой-то мужчина, возник он из «входного» коридора. Рост не менее ста восьмидесяти, широкие плечи, если бы не внушительное пузо, выпирающее из-под клетчатой рубашки, его можно было бы принять за практикующего штангиста. А так – просто заевшийся здоровяк, почти как Мешок, только лет на десять старше.

– Смотри, это хозяин казино, – шепнул Мешок.

– Тот чувак? – пренебрежительно уточнил Филипп.

– Ага. Наверное, приехал джек-пот снять, жлобина, – проскрипел Михаил, сверля глазами спину вошедшего.

– Нахрена ему снимать джек-пот в собственном казино? – изумился Филипп.

– А пойдя, спроси. Чтобы людям меньше досталось. Тупо бабки из кассы берет, себе на автомат скидывает и лупит по максимальной. Джек-пот от таких ставок, конечно же, обваливается, но выигрыш остается в кассе. Его главная зада-

ча – чтобы эти деньги людям не достались.

– Не пойму: казино настолько убыточное, что хозяин вынужден идти на такие меры?

– Я тебе потом скажу, сколько, по моим подсчётам, зарабатывает это заведение. Поверь, о таких суммах с равными вложениями не может мечтать ни один легальный бизнес. А этот человек просто жлоб, бессовестно обдирающий людей, что несут сюда свои копейки и этот джек-пот накапливают.

– Почему никто не проявит недовольство?

– А что тут проявишь? Тебя просто занесут в черный список и больше не впустят. Тут вообще строгие правила: несколько замечаний – и вылетаешь. Пару недель назад один подвыпивший игрок пытался качать права, дошло до драки, ему охранники дали по морде и выставили за дверь. Вот и всё, обычно так и заканчивается проявление недовольства клиентов. Не нравится – не играй.

Мешок нехотя поднялся.

– Пойдем, Филь, тратить легкие деньги! Сегодня нас ждут в других местах.

– Слушай, Мешок, один момент. Пойди-ка поставь две тысячи на автомат номер десять и крутани ударов, скажем, пятьдесят, – предложил Филипп и тоже поднялся. У него не было уверенности, лишь слабое предчувствие.

– Легко! – одобрил Мешок и поскакал к бару.

Филипп пошел за ним, чтобы взять еще один стакан со-

ка, однако барменша заявила, что акция «бесплатные напитки» распространяется только на один стакан. Чтобы не выглядеть глупо, пришлось пожертвовать очередные сто рублей за не самый лучший апельсиновый сок.

– Ты со мной не идешь? – обернулся Мешок перед тем, как скрыться за шторкой.

– Нет. Подожду здесь. Без джек-пота лучше не выходи.

Хозяин казино уже стоял перед одним из автоматов, всё слышал и был недоволен столь уверенными в себе джентльменами.

Спустя пять минут шторка всколыхнулась, словно за ней взбушевал ураган, и появился Мешок. Довольный, как слон у водопада. Филипп подскочил с дивана.

Мешок подбежал к нему и обнял.

– Полегче, кабан! Неужели джек-пот?

Угрюмое лицо хозяина, показавшееся из-за шторок, явилось ответом. Он негодовал, его еще так не уделывали.

Деньги выдавали со скрипом в зубах. Мешок буквально чувствовал, как владелец казино взглядом прожигал руки сотрудницы, отсчитывающей денежки. Его денежки! Филипп стоял в отдалении и видел картину со стороны. Казалось, хозяин сейчас набросится на Мешка и, разрывая в клочья купюры, ликвидирует выигрыш. Пусть лучше уничтожено, чем отдано – именно такие мысли уловил Филипп. Именно такими они у жлоба и были.

Но есть нерушимые правила, даже в собственном казино.

Выигрыш был отдан в полном размере. Мешок спрятал деньги в карман, развернулся и, подталкивая Филиппа в спину, зашагал к выходу. Филипп тем временем вызывал такси.

– Видел его глазищи? – спросил Филипп, когда они вышли на воздух.

– Глазищи – фигня! Я стоял рядом и чувствовал жар доменной печи. Это ж надо – столько жадности в одном человеке! Вот скажи, почему некоторые такими бывают? Выиграли в твоём казино – отнесись к этому нормально, улыбнись, скажи «всего доброго», и завтра же к тебе придут снова. А при таком раскладе мне неприятно туда возвращаться.

– Я тоже задавался вопросом, отчего такими становятся, – сказал Филипп. – Может, его кто обидел?

– Какая разница, Филя! – отмахнулся Мешок. – У нас с тобой шестьдесят тысяч! Срочно выпить! Такие победы просто необходимо отмечать.

Показались фары, мелькнули шашки такси.

– Придумал, куда отправимся? – спросил Филипп.

– Я рассчитываю на тебя. Но знай, сегодня мы будем делать то, что претит природе экономиста: будем ужасно расточительными.

– Мне ни разу не доводилось столько тратить, поэтому лучшее, что могу предложить, – по-прежнему пиццерия. закажем большую свежую пиццу и с удовольствием слопаем. Да и незачем, как ты говоришь, тратить всю сумму.

– А выпить? Я устал, хочу пивка, чтобы немного рассла-

биться.

– Уверен, его там достаточно.

– Ладно, на крайняк там и решим, куда двигать дальше.

В пиццерии – большие красные диваны, широкие столы, светло, комфортно и приятно пахнет съестным. Посетителей почти нет, занято всего два столика. Михаил и Филипп сели в дальний угол, где потемнее. Меню толстое, с ламинированными страницами. Пару минут выбирали пиццу, остановившись на примитивном варианте, где основные компоненты – курица, помидоры и какой-то мегаособенный швейцарский сыр. Им сказали, что будет готовиться минут двадцать пять. Но свежая пицца заслуживает ожиданий. Мешок попросил две кружки самого лучшего светлого пива, но вмешался Филипп:

– Нет, погоди-ка, – запротестовал он, – мне лучше чаю.

Мешок выпучил глаза.

– Ты чё, Филя, с ума сошел? Давай-ка пить вместе.

– Не хочу.

– Обижусь.

Официантка крутила головой, держа карандаш наготове.

– Одну кружку, – согласился Филипп, откинувшись на спинку дивана.

В назначенное время две официантки внесли в зал пиццу. Пространство заполнилось соблазнительным ароматом. Кто был в заведении, даже приподнялись посмотреть на благоухающее чудо.

Мешок лопал восторженно. Он, как и Филипп, устал от однообразной еды, готовящейся на плите общежития. По пальцам стекал теплый жир, нижняя часть лица, в особенности подбородок, тоже была в этом блестящем жиру. Мешок, в отличие от Филиппа, в процессе еды ни разу не воспользовался салфетками. И глотал, глотал, глотал. Когда с пищей было почти покончено, потянулся за последним куском, вопросительно взглянул на товарища и, когда тот кивнул, схватил с облегчением, затолкал в рот, но на том не закончил. Не смущаясь, собрал по углам коробки крошки, кусочки помидоров, сковырнул расплавленные остатки сыра. Филиппа забавляло такое поведение.

– Меня не волнуют, – произнес Мешок.

– Ты о чем?

– О выигранных деньгах, – пояснил он. – Меня не волнуют твои отмазки и не интересует, что ты скажешь, когда я предложу тебе половину.

– В смысле? Зачем мне половина? – не понял Филипп.

– У нас шестьдесят кусков, – напомнил Мешок. – Тридцать я поднял за столом, тридцать у игрового автомата, к которому, между прочим, я бы ни за что не подошел, если бы ты не подсказал. Исходя из этого, второй выигрыш принадлежит тебе и распоряжаться им будешь ты.

– Звучит хорошо, честно, – сказал Филипп. Он ожидал подобного поступка: Михаил не был жадным, и справедливость в делах денежных брала в нем верх над изредка про-

являемой алчностью. Деньги не затмевали его сознание пеленой, как случилось со многими. Это хорошо, такие люди уже имеют кое-какую ценность. Филипп быстро оценил себя и понял, что поступил бы так же.

– Ну, так берешь или будешь глазки строить? – спросил Мешок, пододвигая пачку зеленых купюр.

– В этой пачке, по-моему, больше, чем тридцать тысяч?

– Верно, здесь все шестьдесят. Просто сегодня распорядиться ими я буду не в состоянии. Хочу, чтобы моя часть для сохранности побыла у тебя, иначе после третьей кружки меня опять понесет в казино: захочу вырвать у карточного змея еще один куш. А это грозит потерей всего выигрыша. Наутро буду жалеть. – Михаил отсчитал десять купюр и предложил: – Давай так: пятьдесят прячь в отдельный карман и ни копейки сегодня мне не давай, ни при каких обстоятельствах. Что бы я ни делал, как бы ни просил. Можешь рожу разбить, если буду чересчур настойчив. А десятку, по пятерке с каждого, мы этой ночью просадим, не жалея.

– Разумно, – кивнул Филипп, убрав деньги в карман. Он подумал, что еще несколько часов назад «просадить десятку» звучало так же, как просадить миллион. Деньги в кармане как-то быстро поменяли восприятие.

За рулем такси – усатый мужчина с круглой объемистой головой. Руль упирался ему в живот, а на обивке потолка, прямо над темечком, вышлифовался черный круг. Машина шла излишне бодро, чуть не взлетая со светофоров.

– Чёт не пойму, – заговорил Мешок во тьме салона, – вроде «Волга» как «Волга», а салон непонятный, иномарочный. Но это ладно. Что у нее с кузовом? Чего она такая длиннющая?

Филипп обернулся к нему с переднего сидения:

– Значит, не мне одному показалась, что двери у нее длиннее, чем у обычной. Я подумал, это на меня так кружка пива подействовала, что аж глазомер сбился, и не стал говорить. В самом деле, – посмотрел на профиль водителя, – что с ней? Тюнинг такой?

– Не пользуюсь я такими словами. Техническая доработка – еще ладно. Уху приятнее. А вообще никакой это не тюнинг, а самая что ни на есть заводская машина, ГАЗ 311055. Как гласит надпись на обратной стороне технической книжки, «машина для важных людей». «Волга», лимузин с удлинённой базой.

Филипп снова обернулся, оценив увеличенное пространство салона.

– Круто!

– В нашем городе такая одна, – гордо сказал водитель. – Во всей Сибири – около ста сорока. На Дальнем Востоке примерно столько же. Но за Уралом уже тысяча. А всего было собрано около двух. Грубо говоря, половина выпущенных машин, покинув конвейер, потерялась. По моему мнению – ушла в правительственный резерв. Я купил её по страшному благу.

– И во сколько же она вам обошлась? – поинтересовался Мешок.

– Как три обычных новеньких «Волги». Но считаю, она того стоит.

Тем временем они свернули в частный сектор – обыкновенную деревню прямо посреди города. В подобных деревнях есть особенность: в некоторых огородах стоят не бани и туалеты, а многоэтажки.

– Всё, ребята, приехали. Сауна в доме напротив, – сказал таксист.

– Что, прямо в доме? – скептически уточнил Филипп.

– Совершенно точно. С виду обычный домик, а внутри сауна. Девушек, как договаривались, сейчас привезут.

Темные очертания дома не внушали доверия. Ребята занервничали.

– Да не переживайте, – успокаивал таксист, – хорошее место. Я сюда неоднократно людей возил, довольными оставались многие. А что с виду такая убогость – это специально, чтобы у посторонних вопросов не возникало, ни у соседей, ни у органов. – Водитель заглушил мотор.

Вышли. Под ногами хлюпала грязь. Где-то в соседней усадьбе сипло залаяла собака.

– Оленька, золотце, почему гостей не встречаешь? – говорил таксист в телефон. – Я же сказал, приеду через десять минут. Открывай, мы здесь.

В одном из окон зажегся свет. Оленька, женщина лет пя-

тидесяти с сонной улыбкой, встретила молодых людей, вежливо пригласив войти.

– Ну, а ты, Виктор, зайдешь? – обратилась она к таксисту. – Чайник поставила.

– Олюня, мне работу работать надо, еще два заказа. Пока выходные, работа прёт. В будни буду чай гонять.

– Ну, лети, – отчужденно фыркнула женщина.

– Только удостоверюсь, что клиентам здесь нравится, – сказал таксист, шутливо толкая женщину.

Запах березовых веников чувствовался с порога. У входа обнаружился стол, за ним – деревянный стеллаж. Там аккуратно лежали банные принадлежности. Мешок радостно побежал всё осматривать.

– Девочки не подъехали до сих пор? – спросил Олечку таксист.

– Сказали, едут.

– И мне то же самое! – негодуяще развел руками мужчина. – Им что, блядь, по десять раз звонить надо? Любят время тянуть, прошмандовки. Сколько раз просил: скажите точно, когда приедете. «Всё, подъезжаем, десять минут»; проходит час – и никуя. Иногда таких приличных клиентов везу – перед людьми за них, блядей, стыдно!

– Ой, не говори! – вздохнула банщица.

Мешок выбежал довольный. Щекастое лицо не таило эмоций.

– Остаемся! – воскликнул он.

Филипп достал две тысячи рублей и положил на стол. Пятьсот рублей взял водитель.

– А вот, наверное, и девушки, – предположила банщица, увидев в окне свет фар.

Филипп во всей этой ситуации чувствовал себя не в своей тарелке. Казино, ночь, проститутки, сауна: интересно, необычно, но, в то же время, неловко. Перед самим собой. Если бы по каким-то обстоятельствам он выиграл деньги один, без Мешка, то ни за что не решился бы на столь неприличный ночной моцион.

– Моя визитка, – протянул бумажку таксист. – Как повеселитесь – звоните, развезу по домам.

Через час «веселье» было в разгаре. Филипп с Мешком вернулись из парной. Девушки, скромные, неприметные, старались мило улыбаться, но разговор с ними не клеился. Краснощекий Мешок пил пиво, бутылку за бутылкой, однако на нем это никак не сказывалось, лишь немного стал заплетаться язык. Филипп после парной позволил себе вторую бутылку за вечер. Слишком заманчивой выглядела поверхность стекла «Старопрамена», покрытая легкой испариной.

– Пойдем-ка, проверим дровишки! – сказал Мешок, обращаясь Филиппу. Тот намек понял и прихватил свое пиво.

– Нормальные телочки, а? – говорил Мешок, для вида взяв в руки кочергу.

– Отчасти, – кивнул Филипп, а сам вспомнил Киру.

– Чё-то не веселый ты, Филька!

– Я-то? Да брось. Мысли тяжелые, а так всё отлично.

– Ты давай-ка гони свои мысли нахер. Тебе какая больше нравится?

– Черненькая, не помню, как зовут.

– Хорошо, тогда я с блондинкой. Давай-давай-давай, –

Мешок отбросил кочергу и устремился обратно, – а то продлать придется. А это капец какая переплата.

Через минуту Мешок резко изменился в лице, став неожиданно тихим. Он сел напротив девушек и закурил. Кажется, это была вторая пачка за сегодняшний вечер.

– Хорошо, – потушил в пепельнице почти целую сигарету и подмигнул блондинке: – Пойдем.

Он повел девушку в отдельную комнату. Филипп с черненькой остались за столом.

– Какой стесняшка, – выдавила она из себя глупое замечание.

– Я?

– Ну, а кто?

«Не признаваться же ей, что в моей жизни она будет второй»

– Я только сегодня такой, – кисло усмехнулся Филипп.

– Может, пойдем? У нас скоро время.

Они встали. Поджав губы, Филипп взглянул на нее со спины. Неправильно это. Мерзко. По-животному. Желание, конечно, подкатывало, но оно шло бок о бок с каким-то странным чувством горечи. В мире, где существует много всего,

приходится довольствоваться худшим. Еще и за деньги. Филипп отнюдь не мечтал только о сексе по страсти или любви, но и трах с отвратительной проституткой не входил в список его желаний.

До того, как они успели уединиться, в коридоре послышался топот. Голая блондинка, прижимая к себе полотенце, неслась с выпученными глазами.

– Что с твоим другом?! – вопила она. – Иди, посмотри!

Филипп бросился в комнату. Мешок лежал на кровати, раскинув руки. Лицо неожиданно бледное, губы синие.

– Мешок! – Филипп упал перед кроватью на колени и стал бить его по щекам. Велел живо нести воды. Пульс не прощупывался. – Сука, Мешок, что с тобой?

Дыхания, кажется, не было. Кто-то ткнул в спину стаканом. Плеснул. Снова бил по щекам – ничего.

– Скорую! Быстрее! – Филипп выхватил телефон и стал сам набирать номер.

Глава пятая

Дни становились короче. Пятый час вечера, а солнце уже укатилось за ступенчатые контуры городского ландшафта. Конец октября, но за окном белым-бело. Даже по меркам сибирского городка снег в этом году обрушился преждевременно. Вчера бушевала пурга, а сегодня ясно, морозно, безветренно. Глядя в окно, вспоминаешь строчки из Пушкинского Онегина про зиму, где «крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь»... *Да кто ж теперь помнит об этом? Путь нынче принято обновлять на полноприводных автомобилях с японской шипованной резиной.* Зиму Филипп не то что бы не любил, просто вскоре после ее наступления она ему надоедала. Он с радостью сократил бы это время года, как минимум, вдвое.

Тщательно забивая утеплителем щели подоконного пространства, Филипп готовил помещение к наступлению лютых морозов. Около часа назад он возвратился с учебы.

– Филя, почему у нас в общежитии ремонт нормальный не сделают? – спросил Мешок, возлежавший на панцирной кровати напротив бубнящего телевизора.

– Потому что нормальный ремонт до сих пор – предмет недоступной роскоши для студентов нашего вуза. Может, когда-нибудь, в тот чудесный день, когда воровство прекратится, или когда наворуют так, что аж сыпаться будет, в каче-

стве жеста доброй воли, под звук барабанной дроби бригаду рабочих введут в наши комнаты, а пока не мечтай и расслабься. Тем, кто стоит выше нас по иерархической лестнице, деньги нужнее.

Мешок задумчиво вздохнул и, некоторое время спустя, недовольно буркнул:

– Так долго возишься с этим подоконником! Ведь перед прошлой зимой вроде утепляли?

– Может, возьмешь вату и поможешь? Я не знаю, куда всё делось с прошлой зимы. Щель видал, какая? Руку на улицу можно просунуть!

– Нет, я полежу, – Мешок чинно сложил руки на животе, – после прогулки и обеда мне нужен покой, врачи порекомендовали.

– Я так и не понял, что с тобой было в сауне? Врачи скорой помощи не объяснили: понятно, диагнозы ставить – не их задача, но в больнице, после трехсуточной отлёжки, тоже ничего внятного сказать не смогли.

– Еще бы! Я не болен, просто образ жизни и вредные привычки перегрузили организм, и он решил отключиться. Врач, когда выписку подписывал, открытым текстом посоветовал поменьше пить, курить и по ночам шляться. Вон, мол, какой кабан здоровый, хоть землю паши, а здоровье понапрасну губишь. Коль так хочется его надорвать, лучше бы в дело пустил, на химзавод пошел или на север уехал. Вдобавок, и я тебе об этом еще не говорил, пристыдил меня по по-

воду лишнего веса. Я, на удивление, не ошестинился, а, не говоря ни слова, согласился. Ну, в самом деле, Филя, я потом в зеркало посмотрел – бочка бочкой! Слезы со стыда навернулись.

– Хорошо хоть чьи-то слова на тебя подействовали! Я не один год твержу: в таких количествах бухать нельзя, за собой следить надо, а с тебя – как с гуся вода. – Филипп обернулся: – Но знаешь, лучше сейчас...

– Ты прав, пришла пора подумать о своем здоровье. – Миша неторопливо покинул кровать, вынул из пакета клочок ваты. – А ну, Филя, дай, наконец, покончить с этой чертовой щелью! Иди, проверь свои сделки.

Филипп отступил к ноутбуку. Торговый терминал в этом компьютере не выключается неделями. Активны две шортовых позиции, обе сейчас в небольшом убытке. На днях он получил банковскую карту и вчера перевел брокеру свои «летние деньги», плюс некоторую часть из суммы, выигранной в казино. \$1577 – такой величины получился депозит, новая ступень в торговой практике Филиппа. Сможет ли он теперь подняться на вершину, не свалившись в середине или в самом начале пути? На этот вопрос он отвечал себе твердо: «смогу!». Хотя прекрасно знал, какова подчас цена такой чрезмерной уверенности.

– Ты ведешь подсчет своих торговых дней? – спросил Мешок.

– Нет. Но знаю, через неделю будет два месяца. Почему

спрашиваешь?

– Размышляю, насколько тебя хватит, – засмеялся он. – Многие люди бросают дело, едва начав, а ты уже два месяца держишься. И от компа не отогнать. Интересно, это один ты такой уникам, или действительно Форекс настолько затягивает?

– Многие люди бросают начатое потому, что, во-первых, не видят перспектив, во-вторых, для достижения результата любое дело требует серьезного подхода с расчетом на продолжительный срок. В движении цен на Форексе я вижу невероятные перспективы. Мне кажется, в подходе к торговле на финансовых рынках есть возможность совершенствоваться бесконечно. Это раз. Два: можно буквально в течение нескольких часов получить хорошую отдачу в виде заработанных пунктов. Вот почему мне это интересно. Вот почему я намерен еще долго торговать на Форексе.

– А если... – произнес Миша и на секунду прервался, чтобы подобрать наименее колкое выражение, – тьфу-тьфу-тьфу, конечно, но если твой счет однажды сгорит?

– С чего бы? Я управляю рисками. Каждая сделка нагружает депозит не более чем на десять процентов. Всё в лучших традициях трейдинга.

Филипп знал: при осторожном подходе и, главное, четко выверенных стоп-лоссах депозиту ничто не угрожает. В худшем случае может наступить полоса неудач, где сделки будут срывать в минус одна за другой, но если четко огра-

ничить потери, счет вновь вырастет и график прибыли пойдет вверх, когда наступит такая же полоса прибыльных сделок. Единственное, что может стоять на пути, – необузданный азарт. Сколько раз за два месяца, особенно в последнее время, Филиппа подмывало сыграть максимальным плечом! Сколько раз он себя останавливал! Ему казалось, что именно сейчас он точно понимает, куда двинется рынок... но останавливался, ждал, бил себя по рукам, и, самое обидное, что в большинстве случаев рынок действительно шел в предугадываемом направлении. Пребывание вне динамичного рынка подчас было невыносимее реальных потерь.

Потом вечер он проводил в задумчивости: ведь каких-то трех-четырех крупных сделок хватило бы, чтобы кардинально изменить финансовую жизнь. *Соглашусь, риск колоссален. Гигантское кредитное плечо может разорить в один момент. Тогда я останусь без депозита, и с игрой на бирже можно будет попроситься надолго. А если фортуна окажется на моей стороне? Я ведь не один раз точно угадывал движение цен. Примерно восемь из десяти раз мои прогнозы оказывались верными. И даже оставшиеся два, но немного позже. После такого прогноза, находясь «на заборе», я видел, как цена шла в нужном мне направлении на тридцать, шестьдесят или даже сто пунктов! Можно было в рамках одного жалкого часа удвоить счет. В рамках торгового дня – увеличить вчетверо. В неделю случается минимум три сильных колебания. Угадать их несложно: есть календарь*

экономических новостей. Но где взять смелость для столь рискованного начинания?!

Обыкновенная неуверенность и разум пока брали верх над поднимающимся из глубин человеческой сущности азартом. Филипп не знал, надолго ли при таких соблазнах хватит его выдержки. Между тем, час, когда его рука дрогнет, уже не за горами.

Мешок подбросил к потолку ленту скотча, лихо поймал и жестом указал на окно:

– Всё! Теперь нам зима не страшна!

– Да уж, не страшна нам какая-то жалкая сибирская зимушка, которую любят даже негры. Спасибо Мешку.

– Пожалуйста, – улыбнулся Мешок и стал собираться. Незадолго до этого ему на телефон пришло сообщение.

– Ты куда? Разве тебе всё еще не нужно лежать?

– Хватит, бока ныть начинают. Пойду на улицу, через часик-полтора вернусь.

Филипп заметил, как Мешок полез в свою тумбочку, где у него хранились деньги.

– А бабки зачем? Вход в общагу платный?

– В магазин зайду, поесть чего-нибудь куплю, – уклончиво ответил Мешок.

Филипп в тот момент ничего не заподозрил и, погрузившись в торговлю, лишь кратко сказал:

– Не забудь свой телефон.

В ответ Мешок что-то буркнул, но Филипп уже не слы-

шал.

Одну сделку удалось вывести в безубыток, а со второй даже получить прибыль. Филипп закрыл все позиции и удовлетворенно откинулся на спинку стула. Середина недели, а прибыль уже под четыре процента. Можно отдыхать.

Но как отдыхать, когда волатильность только начинается? Вышли новости по США и Европе, курсы зашевелились. Сейчас возможности, как рыбы в моментально высохшем озере – так и прыгают в руки. Только успевай хватать.

«Заключу-ка я еще одну сделочку... и леверидж увеличу. Чуть-чуть, всего на четверть. А может, в половину? Я уверен, евро/доллар сейчас ринется вверх. Пожалуй, так и поступлю. А стоп-лосс пока ставить не буду: я еще не знаю, где та граница, на которой нужно закрываться»

По мере того, как цена двигалась вверх, улыбка на лице Филиппа становилась шире. Несколько минут, а чистой прибыли уже под сотню. Но вдруг рост резко замедлился. Без пяти пять рынок замер. Ломаная линия графика словно уперлась в потолок. Филипп насторожился, но бездейственное наблюдение не прекратил. В восемнадцать часов ноль минут отслеживаемая котировка скакнула вверх примерно на десять пунктов, затем обвально покатилась вниз. В первую минуту Филипп надеялся, что это обычная скоростная коррекция перед большим ростом. На третьей минуте, когда плавающий результат находился около нуля, он готов был закрыть операцию, но какое-то невесть откуда взявшееся предчув-

ствие остановило его. Он продолжал наблюдать за скатыванием позиции в минус. Минус десять, минус двадцать, минус тридцать долларов. Закрыться еще не поздно, но что-то говорило ему: подожди. На восьмой минуте фиксировать убыток в сто долларов оказалось просто-напросто жалко. *Нужно подождать еще немного.* Филипп чувствовал, как вместе с деньгами теряет здравый смысл. Холодная расчетливость быстро разогревалась, кипела, а затем в виде эфемерного пара расставалась с неосторожным трейдером.

Он не мог знать, что это только первая стадия большого отрицательного движения. Новости в еврозоне вышли хуже ожидаемых, в Америке – лучше. Плюс спекулятивная игра маркетмейкеров, которая чаще всего ведется против ожиданий обычных трейдеров. В общем, куча мощных факторов привела к локальному обвалу. Но Филипп не знал этого. Он не пользовался инструментами, которыми пользоваться был обязан. Не просматривал новости, не открывал экономических календарей. Он ездил на автомобиле без руля, притом заведомо сняв еще и педаль тормоза. На примере автомобиля понятно, к чему могут привести такие действия, но почему-то начинающие трейдеры думают, что им всё нипочем. Они-де выпрыгнут в последний момент, целые и невредимые, и пересядут в другую машину.

Между тем, шел второй час, а Мешок с прогулки всё еще не вернулся. Филипп набрал его номер, но автоответчик сказал, что телефон абонента выключен.

– Черт побери, Мешок, не создавай мне проблем! – воскликнул Филипп, повторно нажимая кнопку вызова. Автоматический голос повторил сказанное.

Филипп выглянул в окно – снег, вечер, машины, люди.

«Чтобы погулять, двух часов более чем достаточно. Может, ему опять стало херово, он упал, и сейчас валяется где-нибудь во дворе, а прохожие думают, что пьяница, и даже не подходят? Пройдусь по его маршруту»

Свитер, пальто, перчатки, стильная шапка и шарф. Филипп оделся и через две минуты вдохнул воздух улицы. Крупные снежинки падали на его одежду и одежду прохожих. Он обошел близлежащие дворы, в которых, по его мнению, мог гулять Мешок. Быстрым шагом на это потребовалось двадцать минут. Теперь он стоял в последнем дворе. Отсюда, между торцами двух домов просматривался вход в общагу. Филипп достал телефон, набрал, но снова услышал автоответчик.

«Мешок говорил, что хочет зайти в магазин. Но в какой именно? Их здесь три, плюс рынок. На обход этих мест уйдет еще минут двадцать»

– Ох, Мешок-Мешок, что за безбашенное поведение? – проворчал Филипп.

Рядом дети лепили снеговика. Отвлечшись всего на миг, он поднял глаза, посмотрел в сторону общежития и заметил мелькнувший красный пуховик.

– Вот сука! Мешок, мать твою! – Филипп быстрым шагом

двинулся в сторону общаги. Взлетел по ступенькам, пробежал по коридору и буквально ворвался в комнату. «Потерявшийся» преспокойно сидел на диване, ел мороженое и поглядывал в телевизор.

– Где ты был, болван?! – заорал Филипп.

Мешок посмотрел непонятливо, простодушно и малость обиженно.

– Чего я болван? Я же сказал, куда пойду.

– Три часа тебя не было, а обещал явиться через полтора! И зачем-то отключил телефон. Как это понимать?

– Я же предупреждал: у меня в мобиле садится батарейка, могу быть недоступен.

– Когда это ты предупреждал?

– Перед тем, как за порог выйти. Ты кивнул и сказал «ага»...

– Хорошо, – сдержанно проговорил Филипп. Он этого не помнил, но по глазам видел, что Миша говорит правду. – А задержался тогда почему?

Мешок вздохнул и, поняв, что нет смысла обманывать друга, признался:

– Я снова был в казино.

– Отлично! Просто молодец. А если бы там с тобой опять случился приступ?!

– Филя, чё ты как бабка? Ничего бы со мной не случилось. Я много дней не курю, не пью, чувствую себя гораздо лучше. Не переживай. Хочешь мороженого? – рядом с ним лежал

еще один запечатанный шоколадный брикет.

– Нет, – отказался Филипп, но через миг передумал: – Ладно, давай. Как сыграл?

– Херово, – качнул головой Миша. – Минус десять.

– Жесть!

– Ага. Не повезло. Ничего, на выходных там ожидается турнир. Будет много игроков, много денег. Вход только по предварительной регистрации, но я для себя уже билетик выписал. Тебе, извини, не смог: присутствовать будут только игроки, никаких зрителей. Помещение и без них заполнится под завязку.

– Мне туда и не хочется. На турнире ты намереваешься отыграть сегодняшнюю потерю?

– Само собой. С прошлого выигрыша, после того, как я купил пуховик и ботинки, остались копейки, но ты же одолжишь тысяч пять?

– Ммм... У меня где-то так и осталось. Да, без проблем, – кивнул Филипп.

– Хорошо. Если выиграю, отдам с вознаграждением.

Ночью Филипп почти не спал, ворочался, думал о сделке. Перед тем, как лечь, он отпустил её в свободное плавание, сняв все ограничения. Этому поспособствовала тупая уверенность, что цена в конечном итоге обязательно развернется и пойдет к изначально запланированным рубежам. Утром, едва открыв один глаз, он побежал к компьютеру. Радоваться было нечему: убыток уже съедал половину депозита.

Филипп беззвучно выругался и пошел в душ. Горячая вода моментально пробудила, подарив мыслям ясность.

«Оказывается, вот как такое случается... Жадность, подкрепленная уверенностью, парализует волю, не позволяя принимать решения. Если бы не был я таким дураком, то закрылся бы еще вчера, когда убыток едва перешел отметку сто долларов. А лучше вообще не открывал бы эту чертову сделку с гигантским, по моим меркам, плечом. Самое страшное, у меня нет практического опыта поведения в таких случаях. Теория учит, что нужно твердо рубить убытки, пускай даже поздно, когда счет проседает наполовину»

Но убытки срублены не были. Две трети депозита безвозвратно растворились в мировом денежном пространстве, едва стрелки часов показали полдень. Филипп оставил всё как есть и с камнем на сердце отправился на учебу. Придя на лекцию, он не мог вспомнить, как добрался до аудитории, а отсидев несколько часов — возродить в памяти хотя бы слово, сказанное профессором. Действовал как на автопилоте. Кто-то ненароком толкнул Филиппа на выходе из аудитории, а он даже краем глаза не взглянул на неосторожного и не мог видеть удивленных переглядываний студентов, шокированных такой отчужденностью.

Вернувшись в общагу, Мешка он по обыкновению в комнате не обнаружил.

«Что ж, посмотрим, чем порадует рынок», – подумал Филипп, включая компьютер.

Когда открылся терминал, он не мог понять, почему в секторе, где обычно мелькает «текущий результат», нет никакого движения. Вылезла табличка. Он прочел и только тогда взялся за лоб. «Stop Out», и следом – много-много букв, которые Филипп уже не смог составить в слова. Чувства парализовало. Ни злости, ни обиды, только мелкое дыхание. Он медленно встал, пошел к окну, уставился на безрадостную картину улицы. Его губы дрожали. Было светло. Когда опомнился, уже стемнело.

«Проиграть битву – не значит проиграть войну». Кто хочет держать моральный дух в тонусе, после каждой потери должен повторять эти слова. Но Филиппу пока незнакомо стратегическое мышление. Для него в данный момент жизнь кончена. Он с силой захлопнул ноутбук и спрятал в шкаф, туда, где он пролежал лето.

Четверг, пятница, суббота – никогда еще дни не казались такими длинными и тошнотворными. Филипп не знал, куда пристроиться, чтобы войти в равновесие. Каждую минуту факт отсутствия денег на торговом счете резал острой бритвой по голым нервам. Он ругал, материл, обзывал себя неудачником с утра до ночи и даже во сне.

И только субботним вечером смог дать событиям трезвую оценку:

«Видно, судьба такая: я лошара. Обиднее всего осознавать, что я, как и девяносто процентов новичков, ничем не отличился. Теперь меня ждет учеба, хотя бы одно дело

нужно сделать нормально. Скоро зачеты, к ним нужно готовиться. Трейдинг меня сильно увлек; теперь, чтобы вернуться в житейское русло, потребуется время. Но к бирже я еще вернусь, это дело интересное и перспективное. Пока я должен сформировать ряд новых торговых правил и закрепить в голове правила старые. И, конечно же, деньги: в следующий раз на депозите их потребуется, как минимум, в два раза больше»

После мысленного подведения итогов на душе полегчало. Впервые за несколько дней он свободно вздохнул. Жизнь ведь не кончается на этих полутора тысячах. Каждую минуту на Земле у людей случаются потери гораздо серьезнее.

Филипп нарочно кашлянул. Мешок заворочался. После обеда он лег спать и теперь проснулся. Сегодня ночью у него покерный турнир.

– Вставай, – сказал Филипп. – Ты просил разбудить после семи.

– Я поражаюсь, Филя, – сонно пробормотал Мешок, – как тебе удастся изо дня в день с семи утра до полуночи быть на ногах и даже не прилечь?

– Бог знает, как. Просто удастся, и всё.

– Везет! Я не хочу спать только в исключительных случаях.

Мешок лениво встал с кровати и с хрустом потянулся. Филипп сидел за столом и что-то записывал в тетрадь.

– Что пишешь?

– Вторую страницу одной и той же фразой: «никогда не изменяй собственным правилам».

– Что будешь делать потом?

– Испишу еще несколько страниц – начну писать другую фразу: «мой апогей еще впереди».

– Занятно. Слушай, Филя, могу я тебя попросить после того, как я уйду, не выключать мобильник? И еще: когда будешь ложиться спать, рассчитывай на то, что тебе вдруг потребуется резко проснуться и отправиться мне навстречу.

– Если надо, могу вообще не ложиться. А в чем дело?

– Есть уверенность, что я выйду из клуба с деньгами. Не хотелось бы добираться до общаги, постоянно оглядываться. Сдается мне, в том казино есть свои орлы.

– Во сколько заканчивается турнир?

– Примерно с четырех до пяти утра. С тремя перерывами: дольше за столами просто никто не высидит. Ставки, хочу сказать, сегодня будут серьезные. Выигрыши, соответственно, тоже не детские. Взяв в долг, мне удалось наскрести штуку баксов. Буду играть с максимальным сосредоточением, рассчитывая на первое место.

– Сколько за него дают?

– Полмиллиона. За второе – триста, за третье – сто пятьдесят. Плюс зачисляется весь кэш, собранный во время игры.

Филипп покачал головой и подумал:

«Может, мне тоже научиться играть в покер? Впрочем,

нет: карты – не моё. Мне нужен фундамент под ногами на долгие-долгие годы, а в игре – сегодня повезет, завтра нет. Игроки живут от удачи до удачи. Я же предпочту стопроцентный результат. Пусть придется выкладывать-ся полностью, пусть будет трудно, но, в конечном счете, я должен обрести, а не потерять»

Миша сварил двойную порцию рисовой каши, быстро поел и засобирался.

– В общем, звони в любое время, – сказал Филипп. – У меня визитка того таксиста, он как раз ночами работает. Я с ним живо за тобой заеду.

– Хорошо, – ответил Михаил и шагнул в коридор.

– Ни пуха!

– К черту.

Звонить никому не пришлось. Мешок вернулся в четвертом часу утра, со странным выражением на лице. Филипп читал книгу, рядом лежал сотовый.

– О! А чего без звонка?

Мешок промолчал и, скинув ботинки, пошел в ванную. Филипп понял: вопросов сейчас лучше не задавать, встал и отправился за другом. Мешок склонился над раковиной и, замочив рукава пуховика, нервозно умывался.

– Ладно, Мишка, забей. Я тоже тот еще трейдер: за один день кучу бабла слил. Не ты единственный в этой жизни проигрываешь, не расстраивайся. – Филипп развернулся и щелкнул кнопкой чайника. Затем открыл дверцу шкафчи-

ка: здесь хранились любимые Мешком печенья и булочки. Шум воды в раковине оборвался.

– Я, как бы, знаешь... не проиграл, – задорно сказал Мешок. Филипп обернулся и увидел красное разгоряченное лицо в каплях воды.

– Серьезно?!

– Мне повезло, за моим столом не было достойных акул. Реально: играл с тремя поддатými мажорами – бабок у них немерено, а с картами обращаются, как будто правила игры в покер вчера прочли в википедии. – Миша вздохнул, делая многозначительную паузу, и объявил: – Второе место!

– Ого! Держи пять! – воскликнул Филипп, и ладони звонко хлопнули над головами.

– Только вот проблема: деньги выдадут в понедельник. Обычно, как мне рассказывали, сперва выплачивают призерам, занявшим второе и третье места, итого получается примерно четыреста пятьдесят тысяч. Но человек, занявший первое место, приехал из другого города, и сегодня ему в дорогу, поэтому полмиллиона пришлось наскрести и выдать. После этого касса оказалась пуста.

– Ну и ладно, в понедельник заберешь! – сказал Филипп, разливая по кружкам чай.

– Ага, – неоднозначно отреагировал Мешок и побрел в комнату.

– Что значит «ага»? – спросил Филипп, выходя с кружками из кухни-коридора.

– Там был хозяин казино...

– ?

– Он как-то странно на меня посмотрел перед моим уходом. Если бы ты видел его глаза, то прочел бы в них что-то вроде: «хрен тебе, дурачку, а не выигрыш».

– Разве такое возможно? Ты ведь не первый день играешь в том клубе. Тебе отдадут деньги, я уверен!

– Ты прав. И я очень хочу ошибиться в своих предположениях. Ведь как забрать у казино деньги в противном случае? Давай пить чай и не думать об этом. До понедельника сутки, придется побыть в подвешенном состоянии...

Для Мешка воскресенье оказалось едва ли не самым напряженным днем в жизни. С утра до вечера он пил, ел, правда, малокалорийное и понемногу, смотрел телевизор, шлялся из угла в угол. Филипп время от времени кидал в него всякие легковесные предметы, типа карандашей или скомканных листов бумаги, чтобы тот перестал мельтешить, но хождения продолжались до ночи.

В понедельник Мешок еле отсидел на парах, после чего, не заходя в общагу, сразу отправился в казино. Спустя два часа он вернулся в комнату:

– Мне не открыли!

Филипп сидел за столом, составлял какие-то графики, но тотчас оторвался от работы и подошел к Мешку.

– Ты им звонил?

– Конечно! Первые пять звонков прошли длинными гудками, потом тупо сброс. Такое бывает, когда номер заносится в черный список. Блин, Филя, я не знаю, чё делать. Меня еще так никто не кидал.

Филипп начал расхаживать по комнате, делясь размышлениями:

– Давай подумаем и не будем делать поспешных выводов. Может, клуб еще закрыт? Понедельник, середина дня, недавний турнир... тебе не приходила мысль, что казино вместе со всем персоналом еще отдыхает?

Миша развел руками:

– Приходила. И я решил понаблюдать. Обычно, как минимум, раз в час туда кто-нибудь заходит или выходит. Ошибался я там минут сорок. Вошли двое. Перед заходом они доставали мобильники, значит, их впускали по звонку, а номер в казино только один. Для меня этот номер заблокирован. Да ты сам проверь: позвони, пойдут гудки или нет?

Филипп набрал в своем телефоне указанный номер, и сразу же послышались обычные длинные гудки.

– Теперь смотри: набираю я.

Филипп закусил губу, услышав в телефоне Мешка звук моментального разъединения. В комнате повисла тишина. Спустя минуту, Мешок громко выругался, затем, обхватив голову, проскрежетал:

– Что ж мы такие неудачники?!

Филипп не знал, что ответить. Похоже, они действительно-

но неудачники, каких надо еще поискать. Лишь осознание того, что меньше чем за неделю они в сумме лишились почти полумиллиона рублей, немного грело. Грело не потому, что лишились, а потому, что сумма звучала невыносимо для двух молодых людей, приехавших учиться из глубинки. Такая крупная потеря, несмотря ни на что, прибавляет важности. Будто ты не студент, а крутой бизнесмен, временно несущий убытки.

– Я этого не оставляю. – Спокойный тон Миши насторожил Филиппа.

– Что собираешься делать?

– Не знаю. Пока даже не могу представить. Но деньги они мне отдадут. После, я клянусь, навсегда завяжу с покером. – Мешок почесал затылок, поняв, что зарекаться от азартных игр можно сколько угодно, но реально прекратить играть – фантастически трудно, поэтому добавил: – Нет, отказываться не буду, но введу для себя личный мораторий: три года никакого покера!

Они снова помолчали. Филипп отошел к окну и некоторое время стоял неподвижно. Затем сказал:

– Кажется, я знаю, что делать.

Но больше не произнес ни слова. Мешок спрашивал, просил поделиться замыслами, но Филипп непреклонно противился, объясняя это тем, что план слишком сырой, и прежде, чем произносить его вслух, нужно самому всё обдумать. Лишь коротко спросил:

– Готов ли ты забрать свои деньги силой?

На что Мешок горячо закивал.

– Тогда наша задача найти боевой пистолет. Это первая необходимая часть плана.

Глаза Миши озарились вдохновенным блеском:

– Считай, она уже выполнена! Мне лишь нужно съездить к себе в деревню. А что будет дальше?

– Ты должен рассказать мне всё, что тебе известно о владельце казино.

– А что мне о нем известно? Только имя – Максим. Ни отчества, ни фамилии, ни тем более даты рождения. Узнать, конечно, можно, но с риском привлечь внимание, а коли ты требуешь пистолет, дело пахнет жареным, и излишняя активность вокруг него может вызвать подозрения.

– Ты прав. Ладно, обойдемся малым. Мне нужно знать время, когда он приезжает и когда уезжает из своего казино.

– Этого никто не знает, даже, похоже, он сам. Его появления носят спонтанный характер. Может за ночь появиться два раза, а может не приезжать двое суток.

Будни прошли серо. Мешок задействовал связи в межвузовской поликлинике, получил две справки дающие возможность временно освободиться от учебы. В период подготовки к серьезному делу негоже отвлекаться. В пятницу Мешок сел на утренний рейсовый автобус и поехал в деревню. Вернулся вечером, как всегда после таких поездок укомплекто-

ванных гостинцами от родителей.

Филипп наблюдал, как он разбирает сумку. Одних пирогов мама Мешка настряпала чуть ли не ведро. На самом дне лежал газетный сверток размером с добротный фолиант. Мешок передал его Филиппу.

– Разворачивай.

Филипп начал снимать слой за слоем, и вскоре у него в руках оказалось оружие.

– Пистолет Макарова! – гордо заявил Миша.

– Вижу. А патроны?

– Я, конечно, дурак, что вожу с собой боевой незарегистрированный пистолет по всему городу, но дурак не настолько, чтобы возить его еще и заряженным. Патроны вот. – Он протянул клипбакс. – Восемь штук.

Каждый патрон обернут кусочком газеты в два или даже три слоя.

– Понятия не имел, как убереечь их от влаги, – оправдывался Мешок. – Пришлось импровизировать. На чердаке моего сарая хоть сухо, но хрен знает. Перепады температур, конденсат...

– Я многого о тебе не знал, – покачал головой Филипп, рассматривая пистолет. – Откуда он у тебя?

– Купил. В тот год, когда первый курс закончил. Мужик один, как оказалось, вояка, пьяный летом в парке попался. Познакомились, выпили, он пистолет достал, сказал, что у него их десяток. Все новенькие, не стрелянные, прямо

из резервов армии. Деньги были, и я зачем-то купил. Мужчину всегда тянет к оружию, это в крови. Куплю, думаю, пусть лежит, буду летом в лесу по банкам стрелять. Рассчитался я сразу, без лишних вопросов, а он мне в качестве бонуса огромную горсть патронов сверху отсыпал. Я в то лето хорошо пострелял и только восемь оставил, как раз на один целый магазин. Полагаю, хватит?

– Хватит, – ответил Филипп.

– Я это... чё думаю: деньги, конечно, большие, обидно, что со мной обошлись, как с лохом, но Филя, послушай, если на кон будет поставлена чья-то жизнь, я от этих денег, не раздумывая, откажусь. Не хочу, чтобы кто-то пострадал. Пускай даже самый алчный на свете жлоб.

– Я, по-твоему, кто? – обиделся Филипп. – Убийца? Пистолет понадобится, чтобы припугнуть! Применять его в мои планы не входит. Задумка хоть и кажется ужасной, но на самом деле безобидна, а пистолет, в крайнем случае, сгодится даже бутафорский. Просто бутафорский не даст мне должной уверенности.

– Да, без оружия забрать деньги у такого человека не получится. Кстати, насчет плана: давай обдумаем все до мелочей. Я не хочу проколоться из-за какой-нибудь глупости. Расскажи, наконец, что ты задумал?

Филипп переключил телевизор на музыкальный канал, сделал звук громче, сел рядом с Мишей и начал рассказывать...

– ...И не смей продолжать этот разговор за пределами нашей комнаты! – приказал Филипп после того, как озвучил замысел.

– Блестяще! Как ты до такого додумался? Ладно, не важно... Когда приступаем?

– Сегодня ночью.

Через несколько часов возле окна на третьем этаже в подъезде многоквартирного дома:

– Вот отсюда хорошо просматривается вход в казино, – сказал Миша, протирая ладонью стекло.

– Говори тише, – предупредил Филипп. – Если что, мы ждем друга. Главное – вести себя прилично, чтобы ни у кого не возникло желания вызвать полицию, иначе придется всё отложить. Какие автомобили у этого Максима?

– Точно знаю, есть белый «Порше Кайен», весь в обвесе, на огромных хромированных дисках.

– Дальше.

Мешок почесал в затылке.

– Один раз видел его на легковушке какой-то. Модель – фиг знает, но тоже белая. Ему вообще белые тачки нравятся.

– Понятно. Если увидишь, сможешь издалека понять, что это он?

– Легко.

По подъезду каждые пять минут кто-то шнырял. То шумные дети, то безмолвные подростки, то угрюмый мужик с со-

бакой. Всем было плевать на двух стоявших возле окна парней. Лишь один дед поинтересовался, что им здесь нужно. Миша вежливо ответил, что их друг вот-вот спустится.

– С какой квартиры? – спросил дед.

– С пятого этажа, – ответил Миша.

Дед фыркнул и стал подниматься дальше. В промежуток между перилами было видно, как дед сам дошел до пятого этажа и, зазвенев ключами, вошел в квартиру.

– Откуда я знал? – Мешок виновато развел руками. – Тем более, на пятом этаже что, кроме этого деда, никто не живет?

– Нужно уходить, начинаем привлекать внимание. Не известно, когда наш жлоб приедет и сколько еще придется стоять. Минут через десять дед обязательно выглянет и если увидит, что мы еще здесь, вызовет чекистов.

– Жаль, это единственный подъезд, где срабатывает универсальный код отпираания на домофоне.

– Придется следить с улицы. Или нет?..

В следующую секунду во дворе промелькнул свет фар. Под окнами проскользнула белая легковушка.

– Она! Точно она! Его машина! – взволнованным шёпотом сказал Миша.

Филипп сосредоточенно прильнул к стеклу. Мешок хотел что-то сказать, но выставленный вверх указательный палец заставил его замолчать. Машина проехала по определенному маршруту и встала напротив входа в казино на расстоянии тридцати шагов. В сумерках было видно, как из-за руля

вывалилась значительная фигура и развалистым шагом направилась к железной двери. Филипп старался не упустить ни одного движения до тех пор, пока дверь за жлобом не закрылась. Он посмотрел на часы, затем сказал:

– Я увидел то, что мне нужно. Пойдем домой. Я вернусь сюда завтра, днем и один. Необходимо будет провести кое-какие пешие замеры. Сегодня составлю список нужного оборудования, и если успеем собрать всё за завтрашний день – послезавтра приступим.

Нерешительность – состояние, которое в эти дни попеременно наваливалось то Мешка, то на Филиппа. Выручало то, что они друг друга подбадривали. Этой ночью Филиппу снился сон: он, старый и больной, лежит в пустой крохотной комнате. Смотрит в потолок, не в силах пошевелиться. Над сознанием нависает память о впустую прожитой жизни. Точнее, даже не память, вспоминать в этой жизни нечего, а страшное осознание упущенных возможностей. В этом сне он понимает: жить остались считанные минуты, а он даже не подвел итог. Ну что за никчемный старик! И вот, в шатком и ускользящем сознании, на пороге главного мгновения, он решается обозначить смысл своего существования. *Комната темная и пустая, окна засалены, всё это говорит, что старик я несостоятельный. Один – значит, семьи у меня нет. Пока еще могу воспроизвести в памяти свою жизнь, но нет в ней чего-то яркого, за что можно зацепиться. Вы-*

ходит, я всего лишь человек-тень. Боже мой, ведь должна же быть хоть какая-то отрада?! – Придя в ярость, старик заканчивает злой иронией: – Одна отрада все же есть: таких неудачников, как я, за всю историю сгинуло миллиарды...

Филипп вскочил из-под одеяла в холодном поту. Осмотрелся. Несколько раз глубоко вздохнул. Молодость еще при нем; вот она, в его коже, в жилах, в глазах, но это не успокаивало. После приснившегося в душе остается неприятный осадок.

Кажется, я уже видел этот сон. Он в разных интерпретациях снится мне регулярно вот уже года два. С какого, спрашивается, переполоху?

– Я еще могу понять, зачем тебе GPS-трекер, куча батареек и свинцовые грузики из рыболовного магазина. Но зачем нужна квадратная жестяная коробочка из-под леденцов, я, как ни гадал, понять не смог, – говорил Миша, раскладывая по столу предметы из списка. На улице вечерело, он вернулся из долгого похода по магазинам.

– Леденцы можешь высыпать, – сказал Филипп, – а коробочка будет нашей страховкой.

– Не понял.

– Мы нагрузим её свинцом, обмотаем черной изолентой, приклеим маленький калькулятор и выведем наружу красный светодиод.

– Какой от всего этого будет толк?

– Я на глазах жлоба засуну эту коробку под переднее сидение. Причем, сделаю это без лишних слов. Помимо прочего, он будет постоянно думать, какую функцию несет эта таинственная коробка. Естественно, заподозрит в ней бомбу. И пусть: нам только на руку его лишний испуг. Страх на время должен парализовать его волю. Кстати, он точно не военный? Нервы у них в этом плане чуть крепче.

– Он, скорее всего, нет. А ты?

– Что я?

– Откуда такая расчетливость? Откуда идея с бомбой?

– Ну, я тоже почитываю твои детективчики, – улыбнулся Филипп, указав на полочку с книгами Мешка. – Лучше скажи, ты достал самое главное, о чем я тебя просил?

– А как же! Два левых мобильника купил в привокзальной комиссионке. Документов у меня не спросили, так что я, можно сказать, даже не засветился. Батарейки вставил новые, как ты и рекомендовал. С сим-картами пришлось поднапрячься: без паспорта их не продают, а просить знакомых, сам понимаешь, рискованно. Прошвырнувшись по общагам, где тусуются наркоманы, наткнулся одного обдолбанного утырка, готового за пятьсот рублей продать две сим-карты, которые он якобы нашел. Дал ему три сотни, на том и разошлись. Теперь, в случае чего, на наш след никто не выйдет, всё слишком запутанно.

– Ты проверял, вдруг они заблокированы?

– Обижает! Выйдя из той вонючей общаги, поочерёдно вставил их в один из мобильных, воспользовался услугой «Узнать номер» и кинул по пятьдесят рублей – обе симки рабочие.

– Очень хорошо. Только не включай телефон в пределах нашего общежития, – предостерег Филипп. – Даже батарейки не вставляй.

– Почему?

– Нельзя допустить, чтобы сигнал с этих мобильных регистрировался в месте нашего проживания. По сим-карте фактического обладателя отследить не смогут, зато сигналы с сотовых вышек – запросто. Если дело дойдет до полиции и начнут копать, сразу сделают запрос по этим мобильникам, и к радости следователей обнаружится, что два никак не связанных друг с другом телефона за сутки до ограбления появлялись в одной точке.

– Понял, включаю только за пределами общаги.

– Желательно только тогда, когда непосредственно прибудем на место.

– Если нельзя вставлять батарейки, то как их заряжать?

– Придется тебе прогуляться до какого-нибудь кафе и найти столик, где есть розетка. Заказывай себе много чая, булок – заряд аккумуляторов нужен полный.

– Почему нельзя зарядить их здесь? По-моему, Филипп, это паранойя.

– Завтра мы либо разбогатеем, либо сядем в тюрьму.

От слаженности наших действий зависит исход. Миша, я тебя прошу, начиная с этой минуты, проснуться и мобилизоваться. Поверь, когда по нашим следам пойдут профессионалы, ты поймешь: лучше было перестраховаться. С точки зрения здоровой логики, выключенный телефон не должен передавать сигнал на вышку, но я неоднократно слышал, что даже будучи выключенным, он в определенный промежуток времени посылает какой-то импульс. Отсюда вывод: батарейки вставлять нельзя. Я никогда не проворачивал такое, но уверен: даже если всё пройдет как по маслу, мы вернемся уставшими и потрёпанными. И в наших же интересах не оставить ни малейшего следа, ни единой чертовой зацепки, дабы не мучить себя тяжелыми раздумьями. И кстати, провернуть дело – еще не значит закончить: искать нас будут и потом. И, боюсь, даже не полицейские.

Миша не смог возразить столь здоровой аргументации. Его друг определенно встал на волну преступного куража.

– Елки палки, забыл! – Филипп сел на стул и устало склонил голову. – Лыжную шапочку, черт ее дери! – Посмотрел на часы: – Магазины закрываются, не успею! Придется завтра.

Мешок полез в шкаф и стал рыться в пакете со своими вещами. Через мгновение у него в руках оказалась шерстяная шапка черного цвета.

– Моя старая запасная шапка. Прорежем отверстия для глаз – и готово. Сейчас пойду в кафе, заряджу мобилы, а ко-

гда вернусь, нам до следующего вечера лучше вообще носа на улицу не показывать.

Ночью холодный ноябрьский ветер пригнал снег. Утром Филипп проснулся и сразу подошел к окну. Может статься, это его последнее утро. Он отдавал себе отчет, на какое серьезное дело отважился. Страха, неуверенности или сомнений он в себе не обнаружил: напротив, в нем тлело желание восстановить справедливость. Наблюдая за редкими прохожими и машинами, он задал себе вопрос: *насколько плох его поступок с точки зрения этики?* Но, поразмыслив, счел его бессмысленным. *Мы, люди, ежедневно покушаемся на мораль, ходим по её грани. Но кто задает эти границы? Бесспорно, принудительное изъятие собственности – это плохо! Однако если при этом никто не страдает, ограбление относится к самой легкой категории преступлений. В моем случае всё проще: разве можно считать ограблением возврат собственных денег? Я не собираюсь причинять злобу вред – хотя уверен: за ним числятся поступки, за которые его следовало бы расстрелять. А мы этой ночью собираемся лишь немного его потрясти. Разве он после этого обеднеет?*

Филипп понимал: на суде такую точку зрения отстаивать будет трудно. Если, конечно, их поймают и суд состоится.

Вернувшись из душа, он быстро приготовил омлет и заварил кофе. Мешок еще спал, но, учуяв аромат, заворочался. Филипп надел футболку, свитер, затем примерил специаль-

ную жилетку, над которой работал до поздней ночи.

В комнате пахло горелым порохом. Изначально это была самая обычная темно-зеленая охотничье-рыбацкая жилетка на липучках с шестнадцатью карманами различной вместимости. Мешок купил её в магазине за две тысячи рублей, подбирал под себя, потому что в плечах владелец казино примерно такой же. Одним размером больше, одним меньше – сущие пустяки, когда карманы набиты «взрывчаткой» и со всех сторон торчат провода. В том месте, где располагались липучки, Филипп пришил хитроумные контакты, которые при разрыве якобы должны приводить взрывной механизм в действие. Чуть ниже приделал съемный тумблер. По логике, если человек надевает жилет, после щелчка этого специального съемного переключателя стянуть жилетку без «взрыва» будет невозможно: тумблер, как уникальный ключ, потребуется для дезактивации.

Само собой, эта «взрывная» жилетка – чистой воды муляж. Карманы набиты мешочками с песком, куча проводов – для эффекта. Но контакт при отсоединении действительно работает. Если попытаться несанкционированно снять жилет, китайский динамик от новогодней игрушки запищит пронзительной мелодией. Лишь только вшитый в подкладку GPS-маяк муляжом не является.

– Выглядит угрожающе, – сказал пробудившийся Мешок. – И, самое главное, по-настоящему.

– А провонять его жженым порохом ты придумал отлич-

но, – подметил Филипп. – Мало того, что на нем будет висеть жилет, якобы набитый взрывчаткой, так он еще будет реально источать запах опасности. Пустяк, но эффектный. Как пахнет порох, знают все. – Филипп покосился на пустую коробку из-под китайского фейерверка.

Мешок уловил его взгляд:

– Может, следовало действительно снарядить жилетку китайским салютом? Напугать его: вдруг захочет попробовать снять, а тут – ба-бах!

– Если он захочет снять, то мелодия, в психологическом смысле, пугает его сильнее. А вообще, если все пойдет по плану, до этого дойти не должно. Я постараюсь сделать так, чтобы одна мысль о снятии жилетки наводила на него ужас, а перед глазами стояла картина разбросанных по салону кишок.

– Жестокие мы с тобой, Филька, – покачал головой Миша.

День они провели в комнате: ели, отдыхали, смотрели телевизор. Филипп даже повозился с кое-какими расчетами для Форекса, он вновь начал жить мыслью о возобновлении торговли, но вскоре отложил это занятие; понадобилась полная концентрация на предстоящем деле. Он закрывал глаза и мысленно воспроизводил план от начала до конца. Часто сбивался, любой посторонний звук отвлекал его, но к пятидесятой попытке научился погружаться и успешно моделировать ситуацию в воображении.

Стемнело. За окном вновь кружил снег.

– Настоящая зима, – сказал Мешок, выглянув в окно. – И так рано пришла. Столько снега обычно выпадает в декабре.

– Смотри, студент, и радуйся. Не известно, из какого окна ты будешь смотреть на мир завтра.

– Передёргивает от таких слов.

– Я имел в виду окно дорогого отеля.

– Именно так я и подумал. Зона – довольно дорогой отель. – Мешок помолчал, затем спросил: – А может, ну их нахер, эти сраные деньги? Ведь если подумать, нормально живем. Чего выше головы прыгать? Еще год учебы, а потом работать пойдем, ты свой Форекс к тому времени обуздаешь, и всё будет very good.

– Может, ты и прав, – мрачно сказал Филипп. И продолжил после паузы: – Но в чем тогда кайф жизни? До старости в нерешительности просидеть на жопе? Хрен с ним, с кайфом, ты на нас посмотри, ведь развели, как лохов. Ты каждому позволишь так с собой обращаться? Сегодня один тебя кинет, завтра другой, и ты будешь это терпеть? Нет, Миша, когда о твою честь вытирают ноги, молчать нельзя. Говорят, после такого на себя в зеркало противно смотреть. Я твой друг, и вот именно в такие минуты, когда ты колеблешься, обязан тебя поддержать. Поэтому на твоё предложение бросить всё отвечаю: нет. И хочу, чтобы в будущем, когда я начну в чем-то сомневаться, ты тоже взял и вlepил мне вербаль-

ный подзатыльник.

– Я вот думаю, каковы наши шансы на успех?

– Не знаю.

Мешок глубокомысленно кивнул.

– Когда выдвигаемся?

Филипп поднял пистолет, и это явилось ответом: немедленно!

Глава шестая

К ночи снег под ногами стал похрустывать. Миша и Филипп прогуливались по близлежащим к казино дворам, время от времени заходя погреться в подъезд. Такие факторы, как поздний час и предстоящий будний день, действовали положительно: большинство нормальных людей мирно спало. Белый «Кайен» хозяина казино второй час одиноко простаивал недалеко от входа.

– Черт, тачка же целиком под камерами! – послышался во мраке подъезда шепот Мешка. – Мы творим безумие.

– Я зайду вон с того угла. – Филипп указал в направлении темного закутка. – Все пути я для себя обозначил еще днем. Тачка реально попадает под камеры и, возможно, охранники клуба даже увидят подбегающего к хозяину человека в маске, но нам это ничем не грозит: вряд ли они отважатся звонить в полицию. А я постараюсь напасть быстро и без лишнего шума.

Миша кивнул. Его потряхивало. Не сильно, со стороны почти не заметно, но он хорошо чувствовал мелкую дрожь тела.

– Может, пора? – спросил он, спустя несколько минут. – Боюсь, наш жлоб выйдет и сразу уедет.

– Во-первых, у тачки должен стоять автозапуск: жлоб вряд ли будет студить задницу на задубевших кожаных си-

дениях. А во время срабатывания автозапуска у машин либо загораются фары, либо мигают желтые огни, я такое сто раз у нас под окнами видел. Во-вторых, стекла припорошило снегом, а это вообще отлично, поскольку он просто обязан взять щетку и обмахнуть их. Первое даст нам время покинуть подъезд, второе позволит мне подойти.

Филипп поглядывал на часы. Он хотел ненадолго скинуть рюкзак, чтобы размять спину после двухчасового стояния, но Мешок, чутко смотревший в окно, вдруг спросил:

– Филя, а что за черное пятно на лобовом стекле образовывается? Это вроде как снег тает?

Филипп присмотрелся.

– Ядрена мать! У жлоба предпусковой подогреватель! Двигатель и салон подогреваются к его приходу. Выходим! – Он тряхнул плечами, поправил шапку и рванул вниз. Мешок ринулся следом.

В морозном воздухе рассеяно кружились снежинки. Филипп заранее позаботился об отсутствии освещения над подъездом. Они выходили при относительной темноте. Да и кто из жильцов обратил бы внимание на двух людей, попросту вышедших из подъезда? В наши времена бдительность надежно заснула даже у чутких.

– Действуем по плану, – сказал Филипп перед тем, как свернуть за угол. Мешок перешел к другому подъезду и стал следить.

Филипп поджидал в темном закутке, в пятидесяти шагах

от дорогостоящего авто. Стальная дверь казино открылась. Показался человек. Филипп всматривался, но не смог узнать в нем нужного лица. Это кто-то другой, по-видимому, игрок.

«Только всяких мудаков мне здесь не хватало!»

Пришлось провожать игрока пристальным взглядом. Только бы ему не приспичило вернуться! Человек, как назло, шел медленно, все время хлопал себя по карманам и только через две долгих минуты скрылся из поля зрения. А снег на стеклах белоснежного саксонца продолжал таять.

«Еще немного – и у меня не будет этих золотых секунд, которые потребуются на обметку. Нужно выдвигаться сейчас!»

Дверь раскрылась повторно. Теперь сомнений быть не могло: он! Филипп держал руку в кармане и снял пистолет с предохранителя. Жлоб шел к автомобилю. Филипп понимал: сейчас или никогда. Но неожиданно нервная система предательски дала сбой. Он перестал чувствовать ноги, похолодели руки. В принципе, никакой это не сбой, просто сработал некий психологический предохранитель. Подсознание часто просчитывает дальнейшие события гораздо дальше, чем разум, и дает организму предостерегающий сигнал. Все это Филипп постигал одновременно, за считанные секунды. А постигнув, понял: если немедленно не задавит в себе эти вегетативные проявления, то крупной жопы ему не избежать.

Действовать пришлось от обратного: применив психоло-

гический трюк, он представил жлоба виновником всех своих бед, бывших, настоящих и будущих. Злость – хороший вдохновитель, всегда честно срабатывает. Обычная с виду шапка лихо превратилась в разбойничий атрибут. Подобно летучей тени, Филипп двинулся вперед.

– А ну, сукин сын, в машину! – приказал он, наводя пистолет. Вопреки опасениям, заготовленная фраза прозвучала вполне убедительно.

Толстопуз уронил автомобильную щетку и раскрыл рот, пытаясь что-то сказать, но Филипп подошел ближе, наставив ствол на уровень его живота.

– Я тебя не убью, просто изрешечу так, что зальешься кровью, если не послушаешься! Бегом за руль!

Мешок нервничал за двоих. Он видел: жлоб упорно отказывается подчиняться. Но от души вмиг отлегло, едва Филипп под дулом пистолета усадил жертву за руль и, не отводя ствол, открыл заднюю дверцу и сел позади.

– Снимай шубу! – приказал Филипп, хлопнув жлоба по плечу. Надо признать, шуба шикарная, такая стоит, как вся одежда Мешка и Филиппа за десять лет жизни.

Жлоб по имени Максим замешкался, но, почувствовав за тылком холодное прикосновение пистолета, зашевелился.

– У меня есть деньги, они в портмоне, – задрезжал он. – Позвольте, достану?

– Шубу клади на сиденье, заводи мотор и начинай движение. Обе руки положи на руль. Если хоть одна из них уйдет

из моей видимости, получишь пулю.

Как и любой человек, у которого всё в жизни более-менее ровно, Максим за свою шкуру боялся, поэтому налетчика решил не сердить. Тот убрал пистолет, но холод стального прикосновения уходить не спешил.

– Свернёшь направо, затем, через сто метров, налево. Там гаражи, за ними проедешь дальше и остановишься.

– Вы меня убьете?

– Сделаешь, как я хочу, – нет! Возомнишь из себя крутого – пристрелю или... ты куда поехал, ублюдок?!

– Ой... Простите, волнуюсь.

– Сдай немного назад и сворачивай.

Мешок неприметно терся возле подъезда, наблюдая, как машина двигается в нужном направлении. Но вдруг «Кайен» остановился, вспыхнули огни заднего хода. Что-то пошло не так? Мешок вытянулся и замер: все в порядке, просто проскочили нужный поворот. Теперь можно приступать к своей задаче. Затерявшись во дворах, он стал вызывать такси. Его дело – взять машину и позвонить на второй мобильник ровно через три минуты.

– Останавливайся, – велел Филипп, доставая из рюкзака бомбу-жилет. – Надевай! – И просунул Максу «взрывное» убранство.

– Что это? – затрясся тот. Куча разноцветных проводов, набитые непонятным веществом карманы и специфический запах произвели требуемое впечатление.

– Не задавай вопросов. Просто вешай это на себя.

Кряхтя, жлоб выполнил требование. Через салонное зеркало Филипп увидел его испуганные глаза и просунул руку проверить, хорошо ли пристегнута липучка-контакт. Затем раздался громкий щелчок тумблера, и жилетка через китайский динамик издала протяжный писк подтверждения. Макс содрогнулся.

– Не переживай, – успокоил Филипп, – я не хочу, чтобы твои кишки оказались на моем лице. Эта штука безвредна, пока её не пытаются снять.

Макс хотел высказаться, но Филипп оборвал:

– Молчать! – И полез в рюкзак за коробочкой, обмотанной черной изолентой. На ней имелся разъем под тот же съемный тумблер, который Филипп ловко примкнул и защелкнул. Загорелся красный светодиод.

Макс дрожал и наблюдал боковым зрением.

– Бери и суй под свое сидение. Аккуратно, сука, не переворачивай! Засовывай в том положении, как я тебе подал. – Филипп оказался актером от бога. И авантюристом от дьявола.

– Выезжай на проспект и внимательно слушай. Ты, жирная зажавшаяся свинья, мало того что нарушаешь закон, ты паразитируешь на людских слабостях. Жалкая гнида, которая в иных обстоятельствах побиралась бы на улицах. Ты ничего не умеешь и ничего не стоишь. Асоциальная отрыжка нашего времени, и я не дрогну, взорвав тебя.

Машина вывернула на проспект. Оранжевые огни уличного освещения озарили салон.

– Езжай в правом ряду, не превышая скорость, – сказал Филипп, включая подготовленный мобильник.

– Понял.

– Догадываешься, что мне от тебя нужно?

– Деньги?

– Верно.

– У меня пятьдесят тысяч. Золотые часы. Телефон. Можете забрать шубу, она прилично стоит...

– Нет, мой дорогой. Я взялся за это не ради твоей мелочевки. Только на взрывчатку затрачено пятьдесят. Новый пистолет, патроны. Плюс основное – твой долг.

Макс дернул глазами.

– На дорогу смотри! В прошлом году серьезные люди проиграли в твоём казино большую сумму. Ты должен помнить, сколько. Пришло время платить по долгам. Плюс – компенсация всех затрат в шестикратном размере, а также нагрузка за мой личный риск. А это вообще очень дорого. Ты даже не представляешь, насколько я ценный кадр в определённых кругах. Короче, перед тобой выбор: заплатить или умереть.

– Э-э...

– Заплатить или умереть?! – громко повторил Филипп, упирая ствол пистолета в затылок Максу.

– Заплатить... да... я согласен заплатить! – закивал он. И жалобно добавил: – Не убивайте...

Филипп просунул ему мобильник.

– Возьми, это наша с тобой связь. Свою трубку давай сюда. – Филипп забрал новейший айфон жлоба и бросил в рюкзак. – Сейчас четыре утра. К восьми ты должен собрать четыре миллиона рублей.

– Четыре миллиона?! – взвизгнул Максим. – Откуда взять такие деньги?!

– Меня это не волнует. Можешь сесть и ничего не делать. Думаю, не нужно повторять, что с тобой тогда будет. Взрыва хватит разбросать не только кишки, но и кости.

– Два миллиона... – нерешительно произнес Макс.

– Ты что, сука, торговаться вздумал?! – рассвирепел Филипп. – Деньги у тебя есть! Есть и люди, которые могут их быстро собрать. Думаешь, я не знаю, сколько приносит твое казино? Деньги, каковые я требую, зарабатываются быстрее, чем за пять недель!

Максим молчал. Он вспомнил о своей восьмикомнатной квартире, в которую въехал месяцем раньше. О сейфе, вмонтированном в стену. О том, как утром туда заглядывал, чтобы отстегнуть себе соточку на карманные расходы, и о стопке светло-оранжевых пачек. Он не знал точную сумму, но четыре миллиона там было точно. Может, даже пять. В январе он собирался купить приглянувшийся «Лексус». Потом перед глазами проплыл ручеек банковских карт, на которых в общей сложности числилось около трех миллионов, а также мимолетным видением вспыхнула заначка – пятьдесят зеле-

ных, зарытых на территории загородного коттеджа. Может, поэтому он так легко сказал:

– К восьми утра деньги будут. Даже, наверное, раньше. Но я могу быть уверен, что потом этот жилет будет снят?

– Не сомневайся. Отдашь деньги – какой смысл тебя убивать? Лица твоего не видел, глупостей никаких не сделал, свидетелей не привлек. Будь уверен: жилетку я с тебя сниму.

– Буду надеяться. Впереди перекресток, мне ехать дальше или сворачивать?

– Тормози за остановкой.

Машина остановилась в плохо освещённой зоне.

– Сейчас дам основные указания. Они просты.

Раздался сигнал вызова. Максим вновь вздрогнул.

– Звонит телефон, который я тебе дал. Отвечай.

Макс осторожно поднес трубку к уху.

– Кто это? – осторожно спросил он.

– Не задавай вопросов, – раздался совет из-за плеча. – Твоя задача заключается в следующем: с тобой не будут разговаривать, говорить должен ты. Причем постоянно. Не умолкая, слышишь?

– Говорить, не умолкая. Я понял. Но что говорить?

– Описывай, что видишь вокруг: светофоры, машины, дома, можешь нести чушь, не важно. Ты должен триндеть каждую секунду, описывать процесс сбора денег. Даже если встретишься с людьми, которые будут помогать наскрести бабки, постоянно говори в трубку. Твой новый прикид

взрывается не только при попытке его снять, но и по звонку. Если что-то пойдет не так, знай: у тебя не будет и двух секунд. Кнопка находится у оператора, и если ему не понравится твое поведение или вдруг ты ненадолго замолчишь, будет взрыв.

– Но ведь связь может оборваться случайно!

– Мой человек поймет, случайно это вышло или нет. Только не глупи: мне нужны деньги, а не труп. Все понял? Когда соберешь сумму, получишь новые указания.

– Я всё сделаю.

Филипп покинул машину и исчез в темноте дворов.

Миша находился в такси, медленно кружившем по окраине района. На его коленях лежал прибор, отслеживающий перемещение объекта по сигналу GPS. Жирная красная точка показывала маршрут на электронной карте. Прибор являл собой упрощенный планшет, а потому не вызвал вопросов у любопытного таксиста. В трубке слышался бубнеж Максима. Он взволнованно пересказывал видимую им реальность, вылепливая повествование из корявых фраз. Мишу мало беспокоила слабая грамотность, он внимательно следил, чтобы слова совпадали с действительностью. Пока всё шло хорошо: перепуганный Макс четко следовал указаниям. Улицы, которые он называл, совпадали с GPS данными.

Такси подъехало к определенному дому. Мешок вышел. Он заблаговременно расплатился с водителем, так что по-

прощался с ним быстрым кивком. За углом дома ожидал человек с рюкзаком.

– Микрофон в трубке не забыл отключить? – первым делом поинтересовался Филипп.

– Всё в порядке, он нас не слышит, бубнит там что-то.

Филипп взял трубку и посмотрел на экран. Тревожил тот факт, что треть батарейки была уже израсходована. И это всего за двадцать минут! Из-за такого расхода единственная связь со жлобом оказывалась под угрозой.

– Ты хорошо зарядил батарейки? – спросил он, взглянув на Мишу.

– До отказа. Я тоже заметил, что садятся быстро, и только сейчас до меня дошло, почему. Ведь я их купил отдельно, новыми, а им, чтобы вмещать максимальный заряд, нужно пройти несколько полных циклов зарядки-разрядки. Всё предусмотреть нереально, но, думаю, нам хватит. Этот тип говорит, что уже возле дома, а деньги у него якобы в сейфе, собирать не придется.

– Дай-ка послушать.

Максим явно утомился вести монолог: слова произносил медленно, повторял одно и то же по несколько раз:

– Открываю сейф. Вижу деньги. Пачки пятитысячных купюр. Требуемая сумма – восемь пачек. Беру пакет. – В трубке зашелестело. – Одна... вторая... у меня их девять, кладу девять. Сейф пуст. – На последнем слове Максим закашлялся и замолчал.

– Тебя слушают, – спокойно сказал Филипп. – Не замолкай.

Максим кашлянул еще.

– Простите, простите. Я просто увидел на столе стакан воды, в горле пересохло.

– Спокойно пей свою воду. Ты молодец, что положил пачкой больше, но сейчас верни её обратно. Должна быть именно та сумма, о которой мы договаривались.

– Хорошо. – Послышались жадные глотки, а потом облегченное: – Извините, куда мне ехать?

– В сторону аэропорта. Позже скажу точное место. Там же договоримся, как снять с тебя жилет. Продолжай разговор и не замолкай ни на секунду.

Филипп отключил микрофон и обратился к Мешку:

– Полдела сделано. Теперь вся надежда на связь. Если она по каким-то причинам прервется, мы потеряем деньги. – Он отдал трубку Мише: – Слушай его. Я пока вызову очередное такси.

Машина задерживалась. Тем временем, одной рукой держа руль, другой телефон, Макс почти домчался до аэропорта. Черный пакет лежал у него между ног. Понимание, что эти деньги – гарантия его жизни, не давало отложить их в сторону.

Из города к аэропорту вела четырехполосная дорога протяженностью в пару километров. Мешок, с телефоном возле уха и вниманием на дисплее, высадился в нужном месте.

Филипп проехал на две сотни метров дальше, расплатился и вышел. Сонному таксисту было плевать на все эти маневры посреди опустевшей трассы. Кто-то вышел, кто-то зашел – какая разница, заплатили и ладно!

Вдоль дороги не было ни жилых домов, ни прочих строений, лишь плотной стеной росли деревья. Филипп зашел за них и по неглубокому снегу побрел навстречу Мешку. Через несколько минут они встретились.

– Уже третий круг делает, – сказал Миша, увидев Филиппа в темноте между деревьями.

– Ага, видел его. Кажется, хвоста нет. Ни за ним, ни за нами. Пора его останавливать, не то он своими разъездами привлечет чье-нибудь внимание.

– Как забираем?

– Как договаривались, – сказал Филипп. – Включай микрофон, давай трубку.

Миша отдал телефон и развернул к Филиппу дисплей планшета.

– Очень хорошо, – сказал Филипп, почесав бровь. – Сейчас ставь одомер по нулям и через двести метров сбавляй скорость.

– Сбрасываю одомер и начинаю отчет... – покорно произнес Макс.

Филипп указал в сторону дороги – там вдалеке мелькнули ксеноновые фары. Мешок кивнул и для затемнения прислонил яркий экран планшета к куртке.

– Пятнадцать... – донеслось из трубки.

– Сбавляй скорость до тридцати.

Максим испытывал чрезвычайно сильную тревогу, поэтому сильнее зажал пакет с деньгами между коленей. Посетила мысль, что его могут взорвать, а уцелевшие деньги забрать из горящей машины до приезда полиции.

Но это лишь игра воспаленной фантазии.

– Теперь круто разворачивайся через двойную сплошную и тормози на противоположной обочине.

Это было необходимо, так как автомобиль двигался по другой стороне.

Автомобиль без промедлений выполнил разворот и замер строго в нужном месте. Держа пистолет обеими руками, из леса появился Филипп. Максим даже не успел понять, откуда он взялся.

– Пакет сюда!

– Пожалуйста, снимите с меня эту штуку! – взмолился Макс.

– Пакет, – спокойно повторил человек, чье лицо скрывалось за маской.

Макс передал пакет, издающий громкий шелест при каждом касании. Филипп запустил в него руку, убеждаясь, что деньги на месте. Даже сквозь перчатки упругие пачки банкнот чертовски приятны на ощупь. Затем без замешательства, но как можно более демонстративно прислонил тумблер к специальному разъему и отщелкнул. Вновь прозвучал

пронзительный зуммер. Макс в ужасе зажмурил глаза.

– Можешь снимать.

– Я боюсь.

– Тогда я пошел, а ты бойся сколько угодно.

Макс понял: жилет действительно лучше снять, пока грабитель в машине, и заторопился.

– Успокойся, – сказал Филипп, наблюдая за его лихорадочными движениями. – Давай его сюда и не забудь про телефон и коробку под сиденьем.

Было заметно, как встрепенулся Максим, когда вспомнил, что под ним всё это время лежала еще и коробка, которая могла являться чем угодно. Он поспешно её достал и передал грабителю. Филипп, не кладя вещи в рюкзак, а вместе с пакетом взяв их в охапку и держа на прицеле голову Макса, сказал на прощание:

– Молодец. Всё сделал, как надо, без шума. Твой долг прощен, и, надеюсь, ты больше никогда не услышишь обо мне. Просто уезжай и забудь эту ночь.

Максим хотел что-то ответить, но Филипп быстро вышел из машины.

До общаги они добрались только к семи утра. Вахтерша смерила их одобрителем взглядом, так как парни напоминали возвращающихся из ночного похода. Это лучше, чем шататься по клубам. В самом деле, ведь лучше.

– Сегодня днем нужно избавиться от одежды, – сказал Фи-

липп, проходя в комнату. И опустил взгляд: – А также от обуви. – Мобильники они выбросили в мусорку где-то за много дворов отсюда. Взрывной жилет был «разоружен»: из него вытащили пакетики с песком, оторвали провода и бросили на радость бродягам.

– От всей одежды? – уточнил Мешок.

– От той, в которой мы были. Включая рюкзак. Может, это и не практично, но мне почему-то кажется, так будет лучше. По крайней мере, спокойнее.

– Ты чего, жалко ведь такое выкидывать! Вот хотя бы мой красный пуховик, который я вывернул наизнанку, чтобы не быть приметным – я в нем и месяца не отходил!

– Прекрати скупердяйничать. У тебя пакет, набитый деньгами, а ты тряпки жалеешь. Отнесись к этому, как к издержкам производства.

– Ну да, – вздохнув, согласился Мешок.

Несмотря на ранний час и бессонную ночь, от напряжения спать не хотелось. Бодрствование теперь обеспечено до полного истощения. Они решили потратить время с пользой и стали приводить себя в порядок. Филипп первым пошел в душ.

Минут десять он попеременно обливал себя то горячей, то холодной водой, пока окончательно не избавился от чувства нереальности. Обтерся, оделся и вышел. Мешок достал откуда-то бутылку вина.

– Филь, у нас есть штопор?

– Нет. Дай сюда, открою отверткой. Откуда ты раздобыл вино?

– Помню, в сауне ты говорил, как тебе не нравится пиво и как хотелось бы выпить вина. Когда я узнал, что намечается крупное дело, вспомнил твоё желание и купил бутылку красного грузинского. Перед уходом я загадал, что мы обязательно выпьем её, когда всё получится. Уже потом перед глазами рисовалась совсем другая картина: мы, худые, небритые, с синими от наколок руками, возвращаемся через много лет из тюрьмы и находим эту бутылку, поросшую пылью. Я говорю: «Вот, мол, Филипп, я так хотел, чтобы у нас с ограблением все получилось, но нихера не вышло, поэтому давай просто выпьем»... К счастью, мы возвратились утром, а не через много лет, поэтому давай выпьем с удовольствием!

– Красиво. Доставай стаканы, сейчас я её вскрою.

Вино было прохладным и удивительно вкусным. Филипп выпил первый стакан с наслаждением. Налили по второму. Молча чокнулись.

Спустя какое-то время, Миша произнес:

– Практически всю работу выполнил ты. Всё самое ответственное и сложное. Идея с жилеткой, нападение, все-всё...

– Это к тому, что мне светит больший срок? – кисло улыбнулся Филипп.

– Это к тому, что деньги предлагаю поделить в неравной пропорции: я хочу, чтобы тебе досталось процентов шестьдесят-семьдесят. Тебе они будут нужнее, ведь теперь ты смо-

жешь начать торговлю на Форексе. Может, на сей раз сыграешь по-крупному?

– Так говоришь, будто просрать шестьдесят штук за день – это по мелочи!

Миша засмеялся и, сделав очередной глоток, подытожил.

– Короче, тысяч триста тебе хватит.

– Сколько-сколько? – переспросил Филипп.

– Не, ну ты не борзей, мне хоть сотка должна остаться?

– Ты вообще о чем?.. – И тут он вспомнил, что с самого начала о сумме, которую будут требовать с казиношного жлоба, они не упоминали ни разу. Было и так понятно: задолжал размер приза второго места, четыреста тысяч – значит, и требовать нужно столько, плюс-минус. По крайней мере, это казалось логичным для Миши.

– Загляни в пакет, – меланхолично посоветовал Филипп.

Мешок заглядывать не стал, просто вытряхнул содержимое на стол.

– Не понял, – прогудел он, увидев некое несоответствие ожиданий и реальности. Взял плотную красно-оранжевую котлету и освободил от банковской ленты. Пока он считал, между купюрами собирался воздух, своеобразная прослойка размером в сотую долю миллиметра. Но именно эта прослойка к концу пересчета сделала пачку объемной и визуально увеличила в два раза.

– Сто! – подсчитал Мешок и сдвинул пачки в кучу. – Восемь пачек. Пять тысяч умножить на сто, получится пять-

сот. Пятьсот умножить на восемь... – Он смолк, посмотрел на Филиппа, затем на деньги. Потом опять на Филиппа. – Ты понимаешь, что здесь четыре миллиона? – спросил он сдавленным голосом.

– А как же. Ведь это я приказал ему собрать такую сумму.

– Но...

– Миша, ни слова! Взять четыре лимона – моё осознанное решение. Я рисковал, делая такие запросы, но, тем не менее, был уверен: с именно таким количеством денег он сможет более-менее легко расстаться. И самое главное – был уверен, что они у него в свободном доступе.

– Круто. Реально круто! Не знаю, что сказать. – Миша залпом выпил бокал вина. – Ты оказался дальновидным: ведь попроси ты четыреста или даже пятьсот тысяч, он бы догадался, кто устроил нападение.

– Вот именно.

За окном бушевала метель. Вино закончилось. Тем временем следы, оставленные между деревьев у аэропорта, без остатка исчезли под свежим снегом. А в паре километров от общежития, на десятом этаже элитной квартиры, в кабинете за своим столом сидел Макс.

Открытая дверца сейфа подсвечивалась настольной лампой. В его глубине лежал холщовый мешочек с драгоценными монетами, важные бумаги и одинокая пачка денег.

Одна рука Макса подпирала голову, другая держала стакан с коньяком элитного сорта. Он много лет не испытывал

такую злость и унижение. Но, несмотря на это, несказанно радовался, что остался жив. А еще думал о необходимости обзавестись охраной.

Глава седьмая

Утром в дверь ломались менты. Им удалось в момент прошибить несчастную деревяшку, и комнату наводнило множество людей в форме. Мешок шмалял из «Макарова». Огонь велся в упор, но пули летели мимо. Потом было что-то страшное, вроде тюремной камеры. В сознании возвышался судья, провозгласивший какой-то запредельный срок. Жлоб тоже находился рядом – всё время смеялся. Смех был ужасен, а улыбка невыносима, но отчего-то из глаз жлоба двумя ручейками струилась кровь. Он хохотал, а кровь, словно молодое грузинское вино, наводняла судебный зал. Потом Филипп проснулся.

На соседней кровати, уткнувшись в стенку, похрапывал Мешок. На тумбочке, среди кучки денег, стояла бутылка. За окном – снежный день. По жестяному подоконнику клювами постукивали снегири. Птицы любят кружиться возле окон, они знают: оттуда может высунуться рука и положить что-нибудь вкусненькое. Филипп частенько подкармливал пернатых крошками хлеба, а Мешок, с тяжелым вздохом подходя к окну, возмущался: мол, наружный подоконник превратился в свинарник.

Деньги – с глаз долой – Филипп решил накрыть футболкой. Споры нет, в комнату редко кто внезапно заходит, но так спокойнее. Затем отправился в ванную, включил душ. Захо-

телось согреться. Перекрыл слив и стал набирать воду. Затем лег, насколько позволяло старенькое советское корыто, вытянулся и, млея от теплоты, закрыл глаза.

«Мир благосклонен ко мне. Как только я потерял в одном месте, судьба тотчас позволила приобрести в другом».

Потом провалился в сладостную дремоту и думал, что нет никакой благосклонности мира, есть только он, Таланов Филипп Эдуардович, умный, сильный и неповторимый. Монотонный шум воды, льющейся из крана, подталкивал ко сну. Он приоткрыл слив и задремал. А когда слилось больше, чем надо, проснулся от озноба и пяткой надавил на сливную фишку, дожидаясь, пока теплая, согревающая кости вода вновь наполнит ванну.

В чудесном состоянии полусна принимались разные жизненные решения, которые хотелось осуществить уже в ближайшие месяцы. Мысли шли мягко. Кто-то внутри тихонечко намекнул, что надо готовиться к другой жизни. Она еще не наступила, но уже грядет. И приобретенные сегодняшней ночью деньги здесь ни при чем. Они лишь маленькая ступенька в начале первого лестничного марша. Впереди много ступенек и много маршей. Готовность к другой жизни, прежде всего, заключается в перестановке приоритетов и изменении ментальности. «Как бы то ни было, – говорил этот кто-то, – ты, Филипп, еще мальчик. Пусть серьезный, во многом прагматичный, но мальчик. Тебе предстоит стать мужчиной. Не тем из многих, а настоящим. Значимость чьих

слов можно измерять в золоте. Таких на весь мир едва наберется тысяча. Но и среди них ты должен занять почетное место».

Филипп открыл глаза. Бодрый, словно отоспал еще одну суточную норму. Быстро покинул ванну, обтерся чистым махровым полотенцем и надел шорты.

«Откуда у меня такие фантастические запросы? Мне за себя становится страшно».

Мешок совмещал два дела: попивал чай и пересчитывал деньги. В комнате витал специфический запах свежих банкнот.

– Не знал, что считать бабки так утомительно! – воскликнул он, отложив очередную пачку.

– Скажи спасибо, что пятитысячными, – хохотнул Филипп. – Представь, если штуками? Трудиться пришлось бы в пять раз усерднее.

– Ладно, во мне еще остались задатки усидчивости. – Мешок вновь потянулся к деньгам. – Пересчитаю. Хоть и утомительно, но до свинячьего визга приятно. Тем более, пока ты там плавал, с двумя лимонами я уже справился, осталось еще два. Или, может, ты?

– Не хочу. Мне доставляет удовольствие просто на них смотреть. Кстати, зачем пересчитывать? Ты ведьрываешь банковскую ленту с указанием суммы. Нахрена?

– Простите, господин банковский служащий, я глуп и деньги вижу впервые.

– Язвишь?

– Просто хочу донести, что, несмотря на монотонность работы, я к этой куче проникся глубокой симпатией. Пожалуй, даже готов не спать, не есть, а сутками только считать.

– Надеюсь, это пройдет. – Филипп взял свою кружку с чаем и стал расхаживать по комнате. – Что будешь делать дальше?

– Свалю из общаги в какую-нибудь клевую хату. Сейчас же позвоню в агентство, попрошу подобрать лучшие апартаменты в аренду. Чтобы много комнат, и всё по высшему разряду.

– Полагаю, ты помнишь, где живет наш ограбленный?

– Не бойся, соседом не стану. Хотя в перспективе из города лучше уехать. Он у нас маленький, как деревня, рано или поздно всё равно встретимся. А жлоб не дурак – увидев нас в каком-нибудь престижном месте, сразу задаст себе вопрос: как два невзрачных паренька так быстро выбились в люди?

– Как крыса я бегать не буду! – возмутился Филипп. – Пусть он со своими вопросами и подозрениями идет подальше. В противном случае, туда его отправлю я. У него нет доказательств.

– Есть. – Мешок потряс пачкой купюр.

– Поэтому не нужно ими сорить. Лично я в своей жизни ничего менять не буду. Ни квартир, ни машин, ни посещений дорогих клубов. Как жил в этой комнате, так и буду. Как ходил на занятия, так и продолжу. Вопросы у людей действи-

тельно могут возникнуть, но только в случае, если мы изменим свой образ жизни.

– Ты волен делать что угодно, а я с тобой не согласен. Нет, сорить я не собираюсь, но пожить, как живут люди, хочу. И тебе советую. Хотя бы в квартиру нормальную переселись.

– А чем здесь плохо? Я тут ко всему привык. – Филипп задумался. – Если честно, мне тоже многого хочется. И хат огромных, и тачек навороченных, и сук элитных. Хочется аж до жара. Но только не на эти деньги. Я всё заработаю своим трудом.

– В таком случае, что будешь делать со своей долей?

– Не нужна мне доля, – заявил Филипп. – Все деньги – твои.

– Нет, брат, – поморщился Миша, – не пойдет. Не-не. Ни хера. Даже не надейся – не прокатит. У меня тоже совесть есть. Не такая развитая, как у тебя, без тонкостей и наворотов, маленькая, но есть. Получается, ты разработал идею, ты выполнил техническую и практическую часть, ты два раза, рискуя жизнью и свободой, сел к жлобу в машину. А мои задачи ограничились походом по магазинам и часовым сидением на телефоне. По-твоему я такой вшивый пёс, что после всего, тобой проделанного, единолично присвою весь результат труда? Иди ты в жопу!

– Я не отказываюсь от денег совсем. Так или иначе, я должен что-то получить с этого опасного дельца. Мне потребуется пять тысяч долларов. – Филипп отставил кружку и выта-

щил из столешницы стопку бумаг. – Посмотри, это мои расчеты по Форексу. Да погляди же!

Глаза Филиппа фанатично заблестели. Он тыкал пальцем в какие-то графики, начерченные от руки; среди помарок и зачеркиваний распознавались непонятные формулы.

– Что за ребусы, Эйнштейн? – сощурился Миша.

– Мой Золотой Грааль. Я изобрёл насос, который будет качать деньги из Форекса. Нужен лишь рычаг. Пять тысяч долларов, и ни цента больше. С ними я смогу зарабатывать, в среднем, по пятьдесят процентов в месяц.

Миша надул щеки и выпустил воздух:

– Каков курс доллара на сегодня?

– Скачет. Вчера перевалило за пятьдесят. Второй месяц растет.

– Если так пойдет, скоро этот курс будем вспоминать как нечто приятное, – вздохнул Миша. – Ладно, пять тысяч – так пять тысяч.

Он отсчитал пятьдесят купюр, затем добавил к ним десять и протянул Филиппу.

– Вот тебе равнозначная сумма в рублях. Двести пятьдесят на торговлю и пятьдесят сверху на личные расходы. Уверен, что не нужны остальные?

– Уверен. Остальные деньги даже не должны находиться в комнате.

– Не переживай, через час их здесь не будет. Вместе со мной.

Если бы Миша не знал характер Филиппа, он бы продолжил его уговаривать. Но, пожалуй, проще прошибить стену, чем изменить принципиальное решение этого человека.

Мешок наспех собрал только самые нужные вещи в дорожную сумку, сверху положил пачки и, попрощавшись, поспешил к выходу.

– Пистолет! – вспомнил он уже на пороге.

– Пусть останется у меня, – твердо отозвался Филипп.

Пока в квартирном агентстве подбирали варианты, Мешок заскочил в банк и на новый, отдельный счет зачислил оставшуюся долю Филиппа. А пока оформляли бумаги, думал:

«То, что Филя отказался от денег, еще ничего не значит. Они по-прежнему принадлежат ему. Если спросит, на что пошла его доля, скажу: она нетронутая лежит в банке. Если не спросит, пусть и дальше лежит. Однажды эти деньги кому-нибудь из нас могут пригодиться».

К вечеру Филипп вернулся в комнату; он тоже был в банке. С верхней полки достал ноутбук и запустил торговую программу. Перечисленные средства в размере пяти тысяч долларов благополучно пришли. Приятная ровная сумма красовалась в столбце «депозит». Листы с расчетами, которые были продемонстрированы Мише, он сложил в порядке значимости и убрал в стол. Начать торговлю было решено

немедленно. Новая торговая система легко адаптировалась к ситуациям рынка.

Помимо отслеживания результата сделки, весь оставшийся вечер он посвятил изучению графиков и чтению различных статей, а после полуночи, когда лег в постель, заснул с удовольствием.

Через несколько дней истек срок больничного. Филипп соскучился по лекциям, к тому же как-никак четвертый курс, рассказывают самое интересное. Узнав расписание, он с радостью отправился в университет. Мешка в коридорах не встретил, ни сразу, ни в последующие недели. Лишь под Новый год Филипп заметил его возле гардероба. Это был один из последних дней обучения в этом году. Мешок тоже заметил своего друга и радостно поднял руку. Хотя Филипп быстро узнал знакомое лицо, тем не менее, пару секунд размышлял: что за мажор в волчьей шубе, накинутой поверх делового костюма, машет рукой?

– Выглядишь как президент нефтяной компании! – воскликнул Филипп, проталкиваясь сквозь толпу студентов.

– Стараюсь соответствовать. – Румяные щеки Мешка округлились. – Как поживаешь? Я звонил тебе несколько дней подряд, телефон был отключен.

– Он и сейчас отключен, – ответил Филипп. – Валяется в тумбочке.

– Почему?

– Трубка старая, часто глючит. То возьмет и выключится, то всем подряд дозвонит и сообщения шлет. Выкинуть бы, но жалко, ведь иногда вроде нормально работает.

– А я начал волноваться. Вот на днях думал: заеду, но вспомнил, что наведаться в общагу мне совершенно не в чем. Старые куртку, кофту и штаны я выбросил. – Он взглянул себе под ноги, затем поджал губы: – В такой одежде – а сейчас мой гардероб состоит только лишь из такой – я буду выглядеть как павлин.

– С появлением денег возникают проблемы, о которых раньше не подозревал, верно?

– Точно. Кстати, на Новый год планирую лететь в Москву, там заказан столик в одном культовом ресторане. Будут выступать знаменитости. Если у тебя нет других планов, полей со мной? Я сегодня как раз покупаю билет на авиарейс.

– Спасибо, но я откажусь. Для меня еще не пришло время таких вечеринок.

– Когда придет? Когда состаришься? Молодость существует, чтобы действовать.

– Я и действую. Второго января намереваюсь войти перспективной шортовой сделкой по фунт/доллару. В этой паре я вижу потенциал к падению, как минимум, до наступления весны. В общем, с нового года начинается моя охота за пятью сотнями пунктов. Если всё получится, я, как минимум, удвою свой счет.

– Рад, что у тебя получается с Форексом, – улыбнулся Ме-

шок.

– По-разному бывает, но, в основном, действительно получается. Хорош обо мне, о себе расскажи! Чем занимался?

– Много чем, – размыто ответил Мешок, интонацией и мимикой изъясняя желание продолжить беседу на улице.

Покинув светлый и шумный холл университета, они вышли на вечернюю улицу. Легкий морозец остудил щеки. На парковке стояло несколько десятков машин. У одной из них зажглись фары. Филипп заметил, как Миша с улыбкой остановил взгляд на вспыхнувшем свете.

– Купил машину? – удивился Филипп, угадывая в очертаниях автомобиля представительскую «Ауди».

– Такая стоит почти как весь наш с тобой куш, – усмехнулся друг. – Нет, просто арендовал вместе с водителем. Полтинник в месяц – и, помимо того, что выгляжу как президент нефтяной компании, еще и возят, как такового.

– Не боишься привыкнуть к роскошной жизни? – хмуро спросил Филипп. – Деньги имеют свойство кончаться. Даже большие.

– И пусть, – легкомысленно ответил Мешок. – Одну жизнь живем: есть деньги – нужно тратить. Закончатся – продам шубу, в последний раз гульну и вернусь в общагу. Простая, как говорится, арифметика.

Опасаясь того, что транжирский образ мысли может передаваться от одного человека к другому, Филипп быстро заморгал и мотнул головой.

– Каждый прав по-своему, – сказал он.

– Само собой. Может, тебя подвезти? – предложил Миша.

– Смеешься? Тут идти три минуты. – Филипп протянул руку: – Ты давай, заскакивай ко мне после новогодних праздников. Мы с тобой куда-нибудь ходим. В столовку, например, компоту похлебать.

– Обязательно заскочу! Я прилетаю седьмого, думаю, тогда и заеду. Ты ведь еще не был у меня в новом жилище? Вот заодно и заглянешь.

Они попрощались и разошлись в разные стороны. Никто не знал, когда состоится их следующая встреча.

Новый год Филипп отмечал в деревне. Мама накрыла на стол. После полуночи ненадолго заглянули гости. В регионе потрескивал мороз, термометр замер на отметке «– 30». Филипп надел тулуп, шапку и валенки. Из сеней открывался удручающе мрачный вид на деревню. Крыши домов застыли в морозной тишине. Лишь в новогоднюю ночь кое-где в окнах горел свет, в любую другую ночь здесь непроглядная тьма. Филипп не любил зимнюю деревню только за это. Его пугало безмолвие в местах проживания людей. Он всегда находил в этом нечто зловещее.

Повернувшись, Филипп скользнул взглядом по заснеженным вершинам таёжных деревьев. Над ними серебряной стружкой блестели звезды. На неуловимое мгновение ему удалось вдохнуть холод Вселенной, почувствовать себя кро-

шечным существом, потерявшимися в бесконечности. В кристально чистой атмосфере перемигивались созвездия. Он ничего не знал о них, но удивительно ясно чувствовал свою с ними связь.

В труде и напряжении январь пролетел незаметно, а февраль и вовсе как один час. Каждый день Филипп приучался к торговой дисциплине. Разработал ряд неотъемлемых правил. Теперь он не позволял себе принимать решения о вхождении в рынок невыспавшимся или утомленным. А как только над ним нависало плохое настроение, начинал делать всё, что угодно, только не торговать. Он настраивал себя таким образом, чтобы каждая новая сделка воспринималась как решающая. Никаких сиюминутных сделок для развлечения. Филипп классически быстро обрубал убыточные позиции и так же классически долго держал прибыльные. Хотя до конца так и не понял, что из этого дается легче. Он брал лучшие качества, присущие трейдерам, и прививал себе. Когда-то с удовольствием, когда-то насильственно, до скрипа в зубах, но очень быстро. Многим биржевым спекулянтам на равный путь понадобилось бы больше времени. Присутствовало в Филиппе какое-то страстное упорство, наличием которого могут похвастаться редкие люди.

В таких условиях резко возросла результативность. На убыточные сделки приходился ничтожно малый процент. Счет не рос как на дрожжах, он просто стабильно увеличи-

вался. Одним ясным мартовским днем Филипп понял: теперь, когда самые большие сложности позади, дело за малым – удержать курс, не остановившись в развитии. Мысль о том, что однажды можно сорваться и, как в прошлый раз, довести счет до опустошения, наводила страх. Этот же страх мотивировал делать всё верно и ни при каких условиях не нарушать собственные правила. Лучше выпить чаю, пойти погулять, просто, в конце концов, лечь спать, чем торговать, когда тебя подгрызают сомнения. Все эти правила не являлись секретом – их легко можно найти на сайтах и форумах. О том, как подобает вести себя трейдеру, причем, не важно, какому – валютному, товарному или сырьевому, написаны книги, сняты ролики и фильмы. Тем не менее, действующих советов придерживаются единицы. Филипп же принял решение, назло собственной лени, мягкости и всему остальному миру, беспрекословно следовать каждому правилу.

А между тем счет увеличился на сто процентов. Три месяца молодой трейдер шел к этой цели. В последние дни буквально выныривал каждую сделку, боясь словить минус и тем самым отодвинуть долгожданное событие. В начале очередной недели из-за этой боязни даже произошла заминка, когда он, видя, что складываются благоприятные условия, просто закрывал глаза, оставаясь вне рынка. Но в последний четверг марта это случилось. Филипп наблюдал, как

хвостик часовой свечи затронул нужное значение, сработал тейк-профит и счет перевалил за десятку.

«Теперь у меня десять тысяч рабочих денег! По моим меркам, невероятно большой инструмент! Раньше о таком я мог только мечтать»

Победу хотелось отпраздновать. Он закрыл глаза и стал прокручивать в памяти три последних месяца, когда он отчаянно жил только рынком. Лишь учеба, на которую было решено отводить меньшую часть времени, как-то скрашивала повседневную жизнь. И если бы специфика профессии была не финансовой, он бы и вовсе её забросил, как это сделал Миша, который просто наплевал на четыре года университетского образования и растворился в новой для себя жизни. Филипп хоть и осуждал друга за этот поступок, но временами отлично его понимал.

«Кстати, не позвонить ли Мишке? Он обещал приехать еще после новогодних праздников, но по каким-то причинам не сдержал обещания. Правда, потом звонил в течение оставшихся дней января, приглашал погулять, но я был занят. Потом я звонил ему, но он ответил, что снова улетел в Москву. Будто танец какой-то: шаг вперед, два назад...»

Но телефон зазвонил раньше, чем Филипп успел додумать. Высветился номер Мешка.

– Ты мысли мои читаешь?! – воскликнул Филипп. – Я секунду назад собрался тебя набирать. Привет.

– Подумалось, мы с тобой исполняем какой-то странный

танец, где один все время отдаляется от другого, и наоборот, – проговорил Мешок. – И тебе привет.

– Реально читаешь! – ошеломленно подтвердил Филипп.

– Не вымотался там еще на своем Форексе? Хочу пригласить тебя отдохнуть. На этот раз отговорок не приму – обижусь. Сколько можно друг от друга прятаться под прикрытием дел?

– Предложение очень кстати, отдых мне действительно нужен. Я тут три месяца как робот.

– Помешанный робот. Совсем с ума сходишь.

– Кто бы говорил! Диктуй адрес.

Мешок продиктовал и предложил выслать машину, но Филипп захотел прогуляться. К тому же пеший путь по весенним улицам не займет и двадцати минут.

Это был новый жилой комплекс на берегу реки. Кода-то, году в девяносто восьмом, родители возили шестилетнего Филиппа в городской парк, где на благо детского веселья с металлическим скрипом функционировали спасенные краской от ржавчины советские аттракционы. Так вот, если выйти из этого парка к набережной и направиться вдоль реки, метров через семьсот можно было наткнуться на широкий пустырь, заросший высоким кустарником. Вид на него открывался с набережной, то есть с возвышенности, и спускалась к нему тогда одинокая узкая тропинка. Почти у каждого человека в детской памяти отпечатывается какой-то

незначительный фрагмент, который вспоминают, повзрослев. Почему-то Филипп хорошо помнил именно эту уходящую вниз тропинку и огромную поляну, заросшую кустарником.

Он миновал шлагбаум и вышел на подъездную дорогу – примерно здесь та извилистая тропинка терялась из виду за густыми ветвями. Сознание, как графический редактор, убрало все строения, мысленно дополнило вид, скрывающийся за высотными домами, и ландшафт стал узнаваемым.

Таких роскошных входов в подъезд Филипп никогда не видывал. Высокие застекленные двери из темного дерева открывались легко, это мог сделать даже ребенок, хотя с виду мог только огромный верзила-швейцар.

Сразу пахло чем-то приятным. По-видимому, моющими средствами, которыми тут по три раза в день натирают пол. Светлый и широкий холл заслуживал кадра хорошего российского кино. Стойка консьержа, театральная люстра. Филипп растерялся.

– Вам в какую квартиру? – раздался услужливый голос консьержки.

– В 42-ю, – ответил Филипп.

– Значит, вам в пентхаус, пятнадцатый этаж. Вас уже ждут. – Консьержка привстала, указав в нужную сторону: – Вам сейчас в лифт. Как подниметесь – сразу налево. На том этаже всего две квартиры такого типа, так что не заблудитесь.

Филипп поднимался в бесшумном лифте, прокручивая непривычные слуху слова «пентхаус», «вас уже ждут».

Если внизу холл годился для съемок хорошего российского фильма, то холл пятнадцатого этажа не испортил бы кадр и голливудскому. Темно-бордовые ковровые покрытия без единой пылинки или пятнышка. Стены покрыты роскошными обоями того же темно-бордового цвета, но только на несколько оттенков светлее. Рамки картин блестят от света настенных светильников. Филипп повернулся и в конце коридора увидел большое панорамное окно. Рядом располагался прямоугольный столик, окруженный четырьмя креслами, в которые можно усадить бегемота, а также несколько пальм в замысловатых напольных кашпо.

Мешок вынырнул непонятно откуда и поспешил навстречу. На нем шорты и светло-синяя футболка. Волосы, как и прежде, свисают за уши, но теперь чуть-чуть по-другому, по-журнальному. Свободная прическа в руках умелого мастера обрела стиль. Сразу видно, что за эти месяцы он стал подтянутее, чем, откровенно говоря, удивил.

– Сколько времени пролетело! – воскликнул Миша, протягивая руку.

Филипп взял его пухлую ладонь и, подтянув к себе, приобнял Мешка:

– И я рад тебя видеть. Знаешь, скажи кто-нибудь два-три года назад, что будет так, я бы посмеялся.

– Пойдем! Не терпится показать тебе блага цивилизации.

Ты, например, знал, что некоторыми функциями дома можно управлять голосом? Сейчас продемонстрирую.

Пентхаус встретил большой светлой прихожей. Вместо потолка, на одну четверть, здесь имелось скошенное окно в форме треугольника.

– Там что, второй этаж? – удивился Филипп, посмотрев на окно, а потом чуть опустив взгляд на ступеньки.

– Да, – закивал Мешок. – Правда, маленький, там всего две комнаты и выход на террасу.

– На террасу?!

– Она тоже маленькая, я бы сказал, декоративная. Но, думаю, летом самый кайф. Простой жилец поставил там зонтик, столик и пару шезлонгов.

– Веди, хочу посмотреть!

– Тогда не снимай пальто и не разувайся. Сибирский март – как московский декабрь.

По дороге наверх Мешок заглянул в одну из комнат. Вышел в толстом махровом халате с капюшоном.

– Сколько здесь всего комнат?

– Не знаю, – отшутился Мешок, останавливаясь перед выходом на террасу. – Говорят, семь, но мне кажется, больше. – Он посмотрел на настенные часы и поморщился: – Кстати, который час? Я с этой запутанной электронной начинкой не могу настроить время, а оно, как назло, на всех часах в доме настраивается синхронно. И где находятся главные часы, я не знаю.

Филипп улыбнулся и достал мобильный:

– Блага цивилизации, говоришь? 20:43.

Каждому времени года присущ неповторимый запах. В каждой стране, в зависимости от климата, он разный. В Сибири, например, ранняя осень имеет стойкий аромат спелой пшеницы. Немного позднее каждый кубический сантиметр воздуха пронизывается запахом опавшей листвы. Летом это другое, зимой тоже что-то свое; прекрасен дух каждого времени, но весенний имеет особое очарование. Сейчас, в конце марта, всюду витал запах талого льда с оттенками хвои. В стлом воздухе по-зимнему прохладных вечеров это поистине упоительно. Филипп вдохнул полной грудью, закрыл глаза. До того, как он оказался на этой крыше, мир казался другим. Однозначно другим.

На город легли вечерние сумерки. Темная гладь реки несла льдины. Вид подсвеченного огнями центра города пробирал до дрожи. А этот неповторимый шум – тихий, если не придавать значения, и оглушающий, если прислушаться. Его можно услышать только с высоты; с теми, кто внизу, город говорит иначе.

После минутки красивой романтики сыграло голодное в сексуальном плане сознание. Филипп представил, сколько сейчас, в данное время, за стенами домов скрыто красивых девушек. Удивительно: он смотрит на всех сразу и не видит ни одной.

«Было бы классно, будь они все мои. Я даже готов посвя-

тить несколько лет жизни только тому, чтобы каждый день встречаться с очередными красавицами. Думаю, в первое время в течение дня я бы принимал трех. Потом пресытился, стал томным, спокойным, и остановился на двух»

Он резко прекратил эти сладостные фантазии: зажечь легко, а как потом тушить?

Мешок подергал высокие поручни, словно проверяя на прочность. Халат свисал до пола, на голове капюшон. Сейчас он напоминал боксера, взошедшего на ринг.

– Ну, что, президент, – поддразнил Филипп, – идем обратно? Здесь, на крыше, я начинаю замерзать.

– Пойдем. Я как раз захотел жрать.

– Будешь готовить?

Выражение лица Миши стало таким, будто он услышал глупость:

– Нет, конечно. Обед и ужин мне привозят из ресторана. Там, куда я звоню, уже знают мои гастрономические пристрастия. Я только кое-что уточняю и называю время. Подвозят сразу с плиты.

– В красивую жизнь быстро втягиваешься, верно?

– Попросту это удобно. А со следующего месяца будет еще и бесплатно.

– Бесплатная еда из ресторана? Это что-то новенькое. Чем шантажируешь шеф-повара?

– Хорошей зарплатой. Я открываю свою точку общепита.

– Ух, ты! Решил заняться бизнесом? Ничего себе, по-

хвально.

– Устал я на жопе сидеть. Выпивка, гулянки, бабло на ветер, а продуктивности никакой. Деньги, как ты говорил, имеют свойство заканчиваться. И пока их полно, я решил подстраховаться на будущее. Да и ресторан – это, можно сказать, моя мечта.

Они вернулись в тепло.

– Придумал какую-то фишку, из-за которой люди потянутся в твой ресторан? – деловито поинтересовался Филипп.

– Да, такая фишка действительно есть, иначе создавать очередное заведение с кухней, столами и официантами не имеет смысла. Заведение будет ориентировано на один вид продукта, исходящий из названия – «Котлетная». Там не будет никаких ресторанных излишеств; наоборот, всё, от скатерти до сковородки, аскетично. Я бы даже сказал, в лучших традициях советской столовой. За качеством, как ты понимаешь, следить стану лично.

– Доставку тоже собираешься организовывать? Говорят, сегодня это выгоднее, чем держать заведение.

– Само собой. Если честно, я планирую создать крупнейшую сеть доставки готовых блюд в нашем регионе. Но это пока только в планах. Десятого апреля приглашаю тебя на открытие. Надеюсь, придешь?

– Приду, – пообещал Филипп.

Они вновь оказались в прихожей. Мешок оставил халат на вешалке, Филипп тоже, наконец, скинул с себя пальто. Че-

рез коридор прошли в огромную кухню. Здесь каждый предмет излучал величественность. Даже кофемашина выглядела, как маленький завод за миллион долларов.

– Что будем пить? – поинтересовался Мешок. – Только давай сегодня без чая, воды или сока. Раз в полгода, считаю, можно напиться.

– В тот раз ты раздобыл отличное вино, – пожимая плечами, напомнил Филипп. – Вот вина я выпил бы с удовольствием. Хоть целую бутылку. Кстати, как оно называлось?

– Я не помню, что-то по-грузински.

– Мне не с чем сравнивать, но, судя по той бутылке, грузины делают лучшее вино в мире.

Мешок взял со стола свой смартфон, новейший «Самсунг», и приложил к уху. Филипп подошел к окну. Отсюда не такой обширный вид, как с террасы – только лишь маленький участок города, река и высокий противоположный берег.

«Интересно, сколько лет понадобилось бы Мешку, чтобы достичь таких успехов исключительно своими силами? Нет, я задаю некорректный вопрос: не сколько лет, а сколько жизней? Мир изначально выставляет слишком много базовых ограничений, не дающих человеку резко вырваться вперед. Приходится много лет карабкаться на свою гору, а когда, выдохшийся и уставший, едва доползаешь до середины, вдруг осознаешь, что всю жизнь барахтался на месте.

Сколько людей по всему миру вынашивают достойные

идеи, способные преобразовать нашу жизнь к лучшему и, главное, стимулирующие основную цель человечества – экспансию? Идеи, которые потом погибают из-за банальной ежедневной рутины и элементарной борьбы за существование. Ежедневно и неустанно жизнь окунает таких людей лицом в грубую действительность. Может, это и есть естественный отбор? Кто сильнее, тот в итоге и донесет идею до конца.

Но если так, почему, наряду с этим, существует такая несправедливость? Каждый день я вижу одно и то же: люди недостойные получают сразу и всё, а люди целеустремленные, как правило, ничего. Миша оказался достойным, хотя доподлинно это покажет время. Он получил свой шанс и вроде как не упустил. По крайней мере, предпринимает попытки. Сейчас на очереди я. У судьбы свой подарок я выхватил, сумею ли им воспользоваться?»

Голос Миши вернул к реальности:

– Я всё заказал. Еду и выпивку доставят через двадцать минут. Грузинского вина у них нет, но я заказал неплохое французское. Расскажи, как дела на бирже?

– На бирже как на бирже, – отмахнулся Филипп. – Лучше покажи, где у тебя такая штука, джакузи называется. Наверняка она здесь есть. Пока везут еду, хочу понежиться в ней.

– Джакузи в хазе реально прикольное. Я первые два дня из него вообще не вылезал. Пойдем.

– И шампанского! – добавил Филипп. – Хочу лежать

в джакузи с бокалом шампанского.

– Ну и буржуйские замашки! – рассмеялся Мешок. Он взял со стола отложенный «Самсунг» и, пока шли гудки, быстро пояснил: – Алкоголь в доме не храню даже в виде шампанского, заказываю, если надо. Слаб я, Филя, слишком слаб... Алло, и добавьте ко всему бутылку шампанского.

Филипп возжелал поклониться человеку, придумавшему такую замечательную вещь, как джакузи. Особенно в те секунды, когда активировалась функция усиленного гидро-массажа. Ароматная пена быстро поднялась чуть выше бортов и на том остановилась. Снизу воду подсвечивали разноцветные лампы, что выглядело нереально красиво. Особенно для человека, привыкшего барахтаться в куцем корыте с обшарпанным дном.

Через какое-то время дверь в ванную комнату открылась. Вошел Миша, держа в одной руке ведро с шампанским, в другой – стул.

– Не помешаю?

– Заходи, – отозвался Филипп, поднимая руку из облака пены. – Мне скучно.

Миша устроился на стуле и принялся откупоривать бутылку. Пробка гулко выскочила. В ведре – лед и два высоких фужера. Мешок поставил их на край джакузи, затем наполнил. Филипп поднес фужер к губам, закрыв глаза от всевозрастающего удовольствия.

– Всего-то и надо от жизни, – тоскливо произнес он спустя

минуту, – кусочек счастья в виде джакузи и бокал прохладного шампанского. – Затем устроил затылок в специальную удобную ложбинку и, не открывая глаз, спросил: – Скажи, Миш, только честно: за те несколько месяцев, что ты купаешься в роскоши, ты к ней привык? Воспринимаешь ли ты её теперь как нечто обыденное?

– В какой-то степени я к ней действительно привык. Но, если хочешь спросить, не наступило ли пресыщение, – нет. Я рос в семье среднего достатка и роскоши, разумеется, не видывал, поэтому мне, чтобы пресытиться, понадобится не один год. Это дети богатых родителей, которые видят счастливую жизнь с пеленок, быстро привыкают еще в детстве и потом, едва достигнув совершеннолетия, воротят ото всего нос. А мою скромную юность и четыре года общежития не скрасить несколькими месяцами изобилия. Потребуются годы.

– Подробный ответ. В иные времена ты был косноязычен. Впрочем, как и я. Ходили с тобой, два угрюмых создания.

– Когда всё отлично и слова льются. А почему ты об этом спросил?

– Потому что пришла мысль, будто многие люди ограничивают свое стремление к успеху, так как их останавливает страх. Страх, что когда они достигнут всего, им быстро надоест.

– Стремление к успеху, скорее всего, останавливает лень. То, что ты назвал, слишком сложно. Может, такое бывает

у единиц, но общая масса, скорее, подвержена банальной лени, нежели страху.

Мешок подлил шампанского. Он устал сидеть на стуле и, как римлянин, лег на пол, на мягкую декоративную шкуру. Филиппу из ванной была видна только его голова.

– Вот лежу я в джакузи самой крутой хаты нашего города, попиваю шампанское. Допустим, через несколько лет я заработаю много миллионов долларов. Что же мне с ними делать? Хорошо, к тому времени построят еще более крутые хаты, изобретут более навороченные джакузи и вино приобретет выдержку, ну, а дальше что? Для жизни и нормального существования миллионы долларов не нужны. Сотня-другая тысяч – максимум. Можно купить квартиру, дом, несколько машин, иметь счет в банке на всякий случай, достойно обеспечивать семью. Подумай только, на всё про всё нужно менее одного миллиона!

– По-моему, ты загоняешься, – поскреб подбородок Мешок. – Ну, скажи мне, сколько процентов в тебе того дурака, который не найдет применения деньгам?

– Да найду я, конечно, найду. Только прискорбно осознавать, что наше физическое существование ограничивается, в большей степени, погоней за прибылью.

– Станешь дауншифтером?

– Вряд ли отважусь на такую крайность.

На этот раз Мешок не ответил. Его достала пессимистичная философия друга.

«Смысла жизни он не видит! – подумал Миша. – В днях счастья не находит! Ты эти миллионы долларов сперва заработай, а потом сиди и ной, что жизнь говно и этот мир болен».

Подумал, но промолчал. Лишь улыбнулся:

– Давай вылезай, на кухне хавчик стынет. Надо пожрать успеть, скоро сюрприз подчалит.

– Какой сюрприз? – откликнулся Филипп, вынырнув из погружения.

– Увидишь. Вылезай и пошли точить.

– Опять шлюхи, небось? – вздохнул Филипп. – Ну их нафиг, в тот раз чуть не блеванул. Надо нормальную девушку, не проститутку.

– По-моему, ты не заметил, братец, но с того момента мы стали чуточку богаче, а потому и телочки нам полагаются соответствующие. Уж поверь, тебе понравятся. Кстати, они не совсем проститутки, они ухоженные барышни, скрашивающие парням досуг за определенную плату. Это не придорожные путаны в дырявых кедах. Девочки, которые сегодня придут, на собственных «Лексусах» ездят на шопинг и делают маникюр в дорогих салонах красоты.

На кухне пахло жареным мясом и свежим хлебом. На столе стояли фирменные контейнеры, две бутылки вина и коробка с надписью «Hennessy X.O.»

Хлеб душистый, только час как из печи. Филипп отломил большой кусок, поднес к носу, вдохнул аромат.

– Вот это да! Я и забыл, как должен пахнуть настоящий хлеб. В супермаркете у общежития такого никогда не было.

– Угу, – промычал Миша, заталкивая в рот еду.

Следующие несколько минут они самозабвенно ели.

Послышалась мелодия дверного звонка.

– Пойду открывать, – сказал Миша, с аппетитом засовывая в рот очередной кусочек бифштекса.

– Я с тобой, – подскочил Филипп, выпив для храбрости бокал вина. За долгое время одиночества он подрастерял смелость в общении с девушками.

Мешок с какой-то ошеломляющей быстротой передвигался по дому, словно футболист или легкоатлет. Филипп только встал из-за стола, а далеко в коридоре уже слышался звучный женский смех.

– Мой друг Филипп! – отвлекся от болтовни Миша, когда увидел выходящего из коридора друга.

Филипп замер. Он ожидал увидеть размалёванных куриц в блядском прикиде, но никак не очаровательных красоток. Первой стояла блондинка. Личико хоть и глуповатое, но милое. За ней – *о, мой бог!* – рыженькая. Лицо светлое, в веснушках, глаза-изумрудинки. Обе высоченные, стройные. Возраст не более 25-ти. Хоть прямо сейчас фотографируй для какого-нибудь журнала, чтобы мужчины, листая страницы, истекали слюной, а женщины завидовали.

– Белла, – представилась блондинка.

– Майя, – представилась рыжая.

Мешок галантно помог девушкам снять верхнюю одежду и пригласил в огромный зал с лакированным столом, кучей диванов, картин и гигантской плазменной панелью.

– Располагайтесь, девчонки, мы сейчас. С кухни выпивку притащим.

– Вижу, тебе лиса понравилась? – выйдя из комнаты, Мешок легонько толкнул Филиппа.

– Хорошая, – ответил он, делая вид, что ему всё равно. Девушка ему, конечно, понравилась, но мысль о том, сколько у нее было мужчин, отталкивала.

– Новенькая, вижу её впервые, – между делом заговорил Миша, сгребая в свои лапы всё, что собирался нести в зал. – Сколько здесь побывало блондинок, брюнеток, русских, но она – в первый раз.

– Это ты к чему?

– Это я просто, зная твои предрассудки, – подмигнул он. – Чтобы меньше загонялся. Она новенькая, а значит, не заезженная.

Филипп внимательно посмотрел на друга, сделал глоток вина и сказал:

– Долой предрассудки! Провозглашаю веселье!

Веселая болтовня ни о чем длилась долго. Поначалу скованный в присутствии девушек Филипп вскоре адаптировался, живо вступал в разговор, смеялся над шутками и сам пытался шутить. Потом Мешок вспомнил про игровую приставку, и все сразу ею увлеклись. Когда допили вино и остат-

ки шампанского, в ход пошел коньяк. На душе стало хорошо до беспамятства.

Когда играть, разговаривать и смеяться уже не было сил, Филипп, почувствовавший себя юнцом, который набегался, наигрался и уже готов спать, оказался на кухне. Он встал к окну, устало глядя в ночь. Незаметно рядом оказалась Майя. Длинные рыжие волосы светились огнем даже в полумраке кухонного пространства.

«Какой у нее четкий профиль, – подумал он. – Какие ясные и волнующие линии».

Филипп весь вечер был прикован к ней вниманием, она к нему тоже. Ему нравились её длинные ноги в обтягивающих лосинах, грудь под тесной маечкой. Ну и, конечно же, волосы, оттенком напоминавшие вечернее солнце. Ей тоже в нем что-то нравилось. Она для себя не могла дать четких определений, но парень казался неплохим.

Филиппу хотелось что-то сказать, заговорить о чем-нибудь умном, но он просто молча положил ладонь на её спину. Она посмотрела с улыбкой и чуть вытянулась, словно ласковая кошка. Рука под влиянием страсти и земного притяжения заскользила вниз, остановившись лишь в области упругих изгибов. Он окунулся лицом в её волосы и с той секунды утратил контроль. Перестал быть вечно думающей о смысле жизни серьезной лошадкой, став, наконец, человеком. И много раз на протяжении ночи входил в азарт.

– У тебя, похоже, давно?.. – придя в изумление от непре-

кращающегося напора страсти, мурлыкнула она в темноте одной из роскошных спален.

– Невероятно давно, – прошептал Филипп.

Глава восьмая

Когда луч солнца заглянул в комнату, Филипп крепко спал. За спиной притиснулась Майя, тихо и тепло дыша в затылок. Радостное солнце побыло в окне еще немного и, словно обидевшись, что здесь его не ждут, перескочило за угол дома. Миша заранее позаботился, чтобы в спальнях было прохладнее, чем в других комнатах, настроив систему кондиционирования. В прохладе и спится крепче, и сны приятнее.

Во втором часу дня из глубины пентхауса послышалась мелодия, за которой последовала возня и бормотание. Филипп открыл глаза и, почувствовав за спиной тепло, с радостью понял: снившийся сон лишь дублировал приятные события этой ночи, а вся сказка действительно происходила с ним наяву. Тихо поднялся и пошел на звук, мысленно отмечая, что после столь серьезных возлияний организм практически не испытывает похмелья. Разве что слегка сушит во рту.

Из ванной комнаты доносился плеск воды. На пути из прихожей в кухню встретился Мешок с голым торсом, держащий в руках три плоских коробки.

– О! – воскликнул он. – Проснулся? А я пиццу к завтраку заказал.

– Ты скажи, почему я похмельем не мучаюсь? – хрипло-

ватым голосом, какой обычно бывает после сна, спросил Филипп. – Алкоголь качественный или случайность?

– Это возраст. Молоды мы еще страдать от продуктов алкогольного распада. Качественная выпивка тоже много значит. Пил когда-нибудь паленое вино? Похлеще паленой водки. Вообще есть у меня вернейший метод. Знаешь, какой?

Филипп мотнул головой.

– Я активированный уголь пью перед тем, как бухать. Три-четыре таблетки за час до вечеринки, три-четыре в конце, и утром как новенький. В следующий раз попробуй, хотя, судя по виду, тебе это вообще не нужно.

– Не собираюсь я часто бухать. – Филипп испытывал к слову «бухать» необъяснимую брезгливость.

На кухне Мешок поставил коробки на стол, с нетерпением распахнул верхнюю. Струящийся аромат возбуждал аппетит.

– Вчера я не просто спрашивал по поводу биржи, – заговорил Мешок, передавая другу кружку горячего кофе. – Часть денег, поступающих от бизнеса, хотелось бы инвестировать. Пассивный доход хочу организовать. Можно ли будет передать деньги под твоё управление?

– Под моё – нет. Но несколько мест, куда можно вложить, посоветовать могу.

– С тобой было бы удобнее, – сказал Мешок, искренне не понимая причину отказа.

– Дело в том, что у меня своя стратегия. Она не предполагает доведения сторонних средств. Хочу, пока я еще

на старте, испробовать только свои силы.

– Понял, – уплетая кусок пиццы, кивнул Мешок. – В таком случае обращусь за советом позже, когда пойдет прибыль.

– No problem. Инвестиции – вещь нужная. Основным трудом можно зарабатывать сколько угодно, но если не инвестировать хотя бы чуть-чуть – разбогатеть не удастся. Так или иначе, какая-то часть денег должна работать, даже если ты отдыхаешь.

Из ванной вышла голенькая блондинка. На голове полотенце, на теле капельки воды. Кусок пиццы выскользнул из пальцев Филиппа, шмякнувшись на стол. Оказалось, «маслом вниз» падают не только бутерброды.

– Доброе утро, мальчики! – Показным жестом она прикрыла соски ладошками. – Пиццу точите? – Девушка подошла к столу и заглянула в коробку. Благодаря Мишиному неумемному аппетиту, выбор оставался невелик, и она подцепила оставшийся кусок. – М-м-м... Вкусняшка.

Филипп пил кофе, украдкой поглядывая на татуировку в виде клубнички внизу её живота.

– Нравится? – спросила девушка, заметив его осторожные взгляды.

«Как её имя? Черт, забыл... Кажется, Белла?»

– Нравится, Беллочка, – кивнул Филипп. – Удачная тату в удачном месте. Неброская и, в то же время, заметная.

– Я хотела сделать еще вот здесь и здесь, – и, забыв о стес-

нении, она стала показывать на себе разные места. Потом заговорила о желаемых рисунках и прочей ерунде. Слушал её только Мешок, Филипп лишь делал вид. Он резко ушел к мыслям о рынке, о стратегических решениях, которые необходимо принять в понедельник. Под номером один вставала задача диверсифицировать торговый капитал, разделив его на три равные части между тремя разными брокерами. Под номером два – внести изменения в торговую систему...

С мыслью его сбил голос Миши. Вернувшись к реальности, Филипп взглянул в ясное лицо девушки и ощутил счастье.

День проходил в приятном кураже. Филипп надолго занял джакузи, а потом к нему присоединилась Майя. На ужин Мешок заказал еще пиццы и шесть бутылок пива. После того, как ароматные коробки опустели, а игры в «Хвох» наскучили, Мешок выступил с предложением:

– Теперь давайте прогуляемся! А скорее, даже прокатимся, – и стал набирать водителя.

Через двадцать минут «Ауди» подъехала к парадному. Компания с шумом ворвалась в теплый салон, и Мешок велел водителю сделать пару кругов по центру. Скука не вписывалась ни в чье сегодняшнее настроение. Даже Филипп на время оставил попытки вернуться к думам, став бодрым и озорным.

На одном из перекрестков светофор загорелся красным.

С обеих сторон подтянулись машины. Филипп рефлекторно повернул голову вправо, разглядывая капот соседнего автомобиля. Водитель данной машины не попадал в поле зрения, но его цепкий взгляд ощущался на уровне энергии. Решив выяснить, чей там такой пламенный взор, Филипп довернул голову. Потребовалась секунда, чтобы узнать сидящего за рулем человека.

«*Это Жлоб!*» — тотчас отвернулся Филипп. Неприятная волна пробежала по коже. «*Нас с Мешком он узнал или нет?*»

Оглянуться повторно решимости не нашлось. Горел красный, но «Порш» Жлоба тронулся и резко остановился строго напротив. Теперь Жлоб под прямым углом разглядывал салон «Ауди».

– Как бы то ни было, – быстро сказал Филипп, – все смотрим прямо.

– Может, я не хочу прямо, – с переднего сидения обернулся Мешок. Именно на это движение Филипп и рассчитывал.

– Игра такая, – ответил Филипп, желая только, чтобы оставшиеся несколько секунд до того, как загорится зеленый, Мешок продолжал сидеть затылком к окну. – Очень интересная. На выдержку.

– Тогда ладно. – Мешок вернулся в исходную. – А при чем какой?

– Уже никакой, – со вздохом ответил Филипп, наблюдая, как «Порш» ринулся с перекрестка.

Миша не стал продолжать разговор, лишь молча посмот-

рел на габаритные огни уносящегося автомобиля.

«Крохотный у нас городок!» – думал Филипп, стиснув зубы. – «Равносильно деревне»

Ни злобы, ни страха не возникало, только неприятное чувство, сродни тому, когда твои самые страшные секреты становится общеизвестными.

Настроение у Филиппа испортилось. Он стал задумчив и часто поглядывал по сторонам.

– Время позднее, город изъезжен, предлагаю вернуться домой, – сказал он несколько позже. Мешок немедля кивнул водителю.

В лифте Майе на телефон пришло сообщение. Филипп не мог не придать этому значения, особенно после того, как девушка, тыкая пальчиками в сенсорный дисплей, сделала удивленное лицо. Удивление быстро исчезло, она убрала телефон и с той минуты старалась не встречаться с парнями взглядом. Захмелевший Мешок нес какую-то словесную чушь. Когда они вошли в пентхаус, Филипп буквально затолкнул его в дальнюю комнату, закрыл дверь изнутри и обрушился громким шепотом:

– Ты понимаешь, что произошло?! Человек, у которого мы отняли четыре лимона, видел нас разъезжающими в дорогом автомобиле! Какого черта у «Ауди» не тонированы стекла?

– Не кипишуй. Видел он, по твоим словам, только тебя. Теперь подумай, как он сможет понять, что ты тот самый гра-

битель, если нападал на него человек в маске? Судя по всему, он вообще ничего не понял.

– Тупица! Он же видел меня осенью, когда я приходил с тобой на игру. Точно говорю: он меня вспомнил. И тебя тоже, хоть ты и отвернулся, ведь в его казино мы были вместе. Связь уловить не сложно. Нашей ошибкой было то, что мы резко перестали звонить в казино с требованием вернуть выигрыш. Люди, кинутые на деньги, обычно гораздо настойчивее о себе напоминают. Мы же просто замолкли, вроде как смирились. Еще и я, черт меня дери, допустил ошибку: не надо было отворачиваться, когда мы встретились взглядами. Нужно было тыкать в него пальцем или даже пуститься вдогонку. Догнать и с наглой рожей требовать четыреста тыщ! Почему верные решения приходят поздно?!

Миша устало сел в кресло.

– Флаг ему в руки. Ну, увидел, ну, узнал. Дальше чё?

– Я бы на его месте начал копать, – ответил Филипп, проводя рукой по шероховатой поверхности книжного шкафа. – Когда есть деньги, это не проблема. Можно частного детектива нанять. Поверь, выйти на нас при серьезном подходе много времени не займет. А бабки мы у него взяли нешуточные, людей отыскивают и за меньшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.